

The background of the cover is a landscape photograph. In the foreground, the dark, weathered wooden hull of a boat is visible, partially submerged in water. The middle ground shows a calm river or lake reflecting the sky. In the distance, a dense forest of evergreen trees stretches across the horizon. The sky is filled with dramatic, grey clouds, with a bright light source breaking through on the right side, creating a soft glow and some lens flare effects.

А. Попов

ЗАГАДКА
ЯНТАРНОЙ РЕКИ

А. Попов

ЗАГАДКА ЯНТАРНОЙ РЕКИ

*Краеведческое путешествие
на исток Западной Двины*

ТВЕРЬ 2012

УДК 908(470.331)
ББК 26.89(2Рос)
П58

Попов Алексей Сергеевич

Загадка Янтарной реки: Краеведческое путешествие на исток Западной Двины. — Тверь, 2-ое изд., 2012 — 272 с.

Это второе издание книги путевых очерков, впервые вышедших в издательстве Профиздат в 1989 г., о краеведческом путешествии к верховьям Зап. Двины, о поиске и открытии её истока, затерявшегося в лесах и болотах Тверского края, его краеведческом изучении.

Со времени 1-го издания прошло почти четверть века. Что произошло за это время в Озёрном крае, как он выживал в эти трудные для страны годы, были ли они временем поиска новых путей развития или годами потерь и утрат в жизни нечернозёмной деревни? И что стало с истоком великой реки? Об этом автор рассуждает в специально написанных для второго издания предисловии и послесловии.

В книге полностью, за небольшим исключением, сохранён текст 1-го издания, дополненный фотографиями из личного архива автора, снятыми во время краеведческих путешествий на исток Зап. Двины в 1985—1986 гг.

В послесловии к книге содержатся также результаты исследования района истока, проведённые летом — осенью 2011 г. Сергеем Поповым с использованием современных навигационных приборов. Спутниковые карты района истока подготовлены Егором Поповым.

Автор выражает благодарность за содействие в подготовке второго издания книги известному краеведу, директору Пеновского краеведческого музея и Почётному гражданину Пеновского р-на А. Д. Кольцову, а также андреапольскому поэту, фотографу и исполнителю бардовских песен М. Ильюшонку за предоставленные фотографии и стихи, посвящённые истоку Зап. Двины (Тверская обл.)

Фото на авантитуле: Озеро Двинец — здесь мужает и набирается силы Западная Двина. *Фото 2011 г.*

Фото на обороте авантитула: Западная Двина зимой в районе г. Андреаполя. *Фото М. Ильюшонка. 2010 г.*

ISBN.....

©Попов А.С., текст 1-го издания, 1989; предисловие
и послесловие ко 2-ому изданию, 2012
©Попов С.А., Попов Е.С., карты, схемы, 2012

Потерянные годы. Предисловие ко второму изданию

Обложка первого издания книги «Загадка Янтарной реки», 1989 г.

Первое издание книги «Загадка Янтарной реки» вышло в свет в московском издательстве Профиздат в 1989 г., то есть почти четверть века назад.

Помню, когда после выхода книги, я по приглашению первого секретаря Андреапольского райкома партии Александра Ивановича Воробьёва снова оказался в Андреаполе, меня поразила радостная городская суэта, цветные транспаранты, флаги на улицах и ... новый памятник на берегу Зап. Двины. Город готовился отмечать 500-летие со дня своего основания.

Так уж получилось — книжка вышла как раз к этому событию, и я оказался среди гостей на праздновании первого Дня города — едва ли не лучшего и самого душевного, по мнению многих жителей, до сих пор вспоминающих этот праздник.

С собой я привёз в подарок андреапольцам несколько десятков книг. Увидев их, Александр Иванович повёл меня на первый этаж, где тогда размещалась библиотека парткабинета и, вручив список андреапольских ветеранов, сказал:

— Садись за стол и пиши поздравления. Будем дарить книгу нашим ветеранам.

И запер комнату на ключ.

И вот я в течение, наверное, двух часов сочинял эти надписи, стараясь, чтобы ни одна из них не была похожа на другую.

Только что вышедшая привезённая мною книга сразу стала популярной — думаю, не столько из-за своих литературных качеств, а потому, что в то время она была едва ли не первой книгой, изданной об Андреапольском крае.

Известности книге прибавила и местная районная газета «По пути Ильича» (кажется, так называлась тогда сегодняшняя газета

«Андреапольские вести»). Она из номера в номер целыми полосами начала публиковать главы из книги.

Однажды мы вместе с тогдашним директором леспромхоза В. И. Сине-пушкиным (ныне, к сожалению, покойным) подъехали на его газике к Со-фийской лесопильне, и он, лихо выпрыгнув из машины и показав на меня рукой мастеру, ведающему погрузкой пиломатериалов, сказал:

— «Загадку Янтарной реки» читал в районной газете? Это он написал. Давай грузи поскорей.

И через полчаса я на КАМАЗе, гружёным доверху досками, тряся по грунтовой дороге в сторону д. Жуково, где я приобрёл на днях здание ста-рой почты.

Первые годы после нашего путешествия на исток Зап. Двины интерес к этому событию поддерживался и местной прессой, и заслуга в этом в первую очередь принадлежит известному пеновскому краеведу А. Д. Кольцову. В его книге «В краю озёр и рек», вышедшей в Твери в 1995 г., он писал: «Исток Западной Двины был найден в 1986 году писа-телем А. С. Поповым и редактором журнала „Турист СССР“ Б. В. Москвиным. Об этом А. С. Попов написал в своей книге „Загадка Янтарной реки“».

Позднее, в другой своей книге «На земле истоков» (Москва, 2004 г.) Александр Дмитриевич ещё раз вернулся к этому вопросу, подтвердив, что «место истока было установлено в 1986 году участниками экспеди-ции, организаторами которой были главный редактор журнала „Турист“ Б. В. Москвин и писатель-краевед А. С. Попов».

«Б. Москвин и А. Попов, — продолжал А. Д. Кольцов, — предложили ру-ководителям района обустроить исток, взять под охрану Корякинское болото, откуда берёт начало Западная Двина, озеро Двинец и прилегаю-щие территории как удивительный уникальный уголок среднерусской при-роды».

В его последней книге «Памятники Пеновского района» (2011 г.) — едва ли не лучшей книге пеновского краеведа — мы снова нашли упоминание о нашей экспедиции на исток Зап. Двины.

Александр Дмитриевич как директор пеновского краеведческого музея и знаток края по предложению райкома партии был рекомендован в со-став нашей экспедиции 1986 г., но, к сожалению, не смог принять в ней участие. Однако в последующие годы он много сделал для исследования района истока и пропаганды этого уникального памятника природы.

Активное участие в обустройстве истока принял тогдашний зав. архи-вом администрации Тверской области страстный краевед Марк Алексан-дрович Ильин, составитель и редактор энциклопедического справочника «Тверская область» (1994), в котором в статье «Исток р. Западная Дви-

на» мы не без удовлетворения обнаружили вот такую запись, составленную на основе книги «Загадка Янтарной реки»:

«Исток Западной Двины, памятник природы, расположенный в Пенковском р-не Тверской обл. Зап. Двина берет начало на юж. окраине Корякинского болота, в 1,5 км к С. от оз. Двинец. В „росписи“ стольника Петра I Максима Цызырева (1701) об этом сказано: „Река Двина вышла из Заковицкого лесу и впадала в озеро Афото и озеро прошла насквозь“. В те времена оз. Охват наз. Афото. В юж. части Корякинского болота из-под корней двух сросшихся деревьев вытекает Анучинский ручей, который и является истоком Зап. Двины. В наст. время к деревьям прибита метал. пластина с текстом „Исток р. Западная Двина. Памятный знак установлен Экспедицией журнала „Турист“, май 1989“. Рядом на мачтах установлены нац. флаги России и Латвии. Питание Анучинского ручья осуществляется за счет системы более мелких ручьев, впадающих в него, и Корякинского болота. Примерно через 500 м Анучинский ручей сливается с Корякинским ручьем и через 600 м впадает в оз. Двинец, небольшое живописное лесное оз. с островком посредине, из его юго-вост. части вытекает Зап. Двина и через 4 км впадает в сев. оконечность оз. Охват. К И.З.Д. можно пройти от д. Щеверево (14 км на дороге Пено-Андреаполь) к быв. д. Корякино на берегу оз. Двинец, откуда к истоку через лес идет т. н. тропа Шимкевича. Лит: Попов А. С., «Загадка Янтарной реки. М., 1989»¹.

С тех пор место истока Зап. Двины стало считаться общепринятым.

Не без участия Ильина в 1993 г. Пенковским районным советом народных депутатов было принято решение «Об образовании государственного природного ландшафтного заповедника „Исток р. Западная Двина — Даугава“, о чём мы могли только мечтать в те, теперь уже далёкие от нас, годы, когда бродили по колено в воде по Корякинскому болоту.

За благоустройство истока Зап. Двины активно выступала и областная газета «Тверская жизнь». Возникла идея создания на истоке Славянского Дома.

В июне 2001 г. силами пеновских энтузиастов и рабочих местного предприятия коммунального хозяйства на Корякинском болоте была воздвигнута бревенчатая павильон-арка с трёхскатной крышей, напоминающей о том, что река Зап. Двина протекает по территории трёх государств — России, Белоруссии и Латвии. А к ней проложили прямо по болоту живописную тропу с перилами из молодых берёзок.

Именно о такой обустроенной тропе к истоку мы и мечтали много лет назад.

¹ См. уточнённое и дополненное описание района истока в послесловии ко второму изданию книги (А. П. 2012)

Этот уникальный и талантливый проект, органично вписавшийся в природный ландшафт Корякинского болота, осуществил пеновский районный архитектор С. А. Бондарев. Спасибо ему за это.

Не осталась в стороне и церковь. Ежегодно здесь стали проходить крестные ходы, во время которых архиепископ Тверской и Кашинский Виктор совершает чин малого водосвятия озера Двинец и Зап. Двины. По инициативе церкви на острове озера Двинец решили возвести православную часовню, заложив в 2009 г. памятный камень в её основание.

С того времени, когда мы впервые побывали на истоке, прошло более четверти века. Срок огромный не только для человека, но и, как оказалось, для всего нашего государства. За это время в нашей стране произошли колоссальные изменения — распался Советский Союз, началась коренная перестройка всего уклада нашей жизни, да и оказались мы в одночасье в другой стране с новыми порядками, новыми отношениями между людьми, другими, зачастую непонятными для нас ценностями и взглядами.

Прошлое ушло, новое только-только нарождалось, принимая нередко уродливые формы. Тут уж было не до обустройства истока.

Стали забываться и книга «Загадка Янтарной реки», и наши экспедиции на исток в 1985—86 гг. Это и неудивительно. Ветераны, которым я в День города надписывал подарочные экземпляры книги, один за другим уходили из жизни, выросло новое поколение молодых читателей, которые ровно ничего не знали ни о нашей экспедиции, ни вообще об истоке Западной Двины.

Однажды я приобрёл в книжном магазине книгу, где утверждалось, что место истоков Волги и Зап. Двины определил известный исследователь верховьев Волги и Зап. Двины профессор Д. Н. Анучин (1843—1923), о котором я подробно писал в первом издании книги «Загадка Янтарной реки».

Д. Н. Анучин, конечно, участвовал в конце XIX в. в изучении истоков этих рек в составе «Экспедиции по исследованию источников главных рек Европейской России», но к тому времени исток Волги уже давно был открыт, и на этом месте в д. Волговерховье стояла деревянная часовенка, рисунок которой вы видите на стр. 18 этой книги. А на истоке Зап. Двины, судя по записям Д. Н. Анучина, он вообще не был, ограничившись посещением деревни Двинец, ныне не существующей, и озера Двинец.

Об этом можно было бы и не писать, но наши читатели всегда с большим доверием относятся к печатным источникам, тем более к краеведческим изданиям, и могли действительно поверить в эти утверждения.

И мне захотелось напомнить тем, кто позабыл или не читал первого издания книги «Загадка Янтарной реки» как об истории исследования истока, так и о нашей экспедиции, которой в 2010 г. исполнилось 25 лет.

Чтобы читатель почувствовал аромат того далёкого, ещё советского времени, я оставил во втором издании почти без изменения тот же текст, что был и в первом, сохранив даже тогдашние названия — г. Ленинград, г. Калинин, Калининская обл., которым ныне вновь возвращены их исторические названия, сделал соответствующие ссылки в примечаниях. Это же относится и к датам жизни некоторых персонажей книги, за эти годы ушедших из жизни. При этом в отличие от примечаний к 1-ому изданию, новые обозначены так: (А. П. 2012).

Читателям может показаться не соответствующим сегодняшнему дню описание г. Андреополя, пос. Пено, деревень, мимо которых проходил наш маршрут. Поэтому я прошу на всё, что описывается в книге, смотреть не глазами сегодняшнего дня, а постараться понять наши впечатления о крае, каким мы увидели его четверть века назад.

Пожалуй, только в последних главах, где говорится об истории краеведения в советский период, было сделано несколько небольших купюр, носящих чисто временно й характер. Всё же, что касается рассказа о нашей экспедиции на исток Зап. Двины, осталось без изменения, как было в первом издании.

Как известно, первая книга вышла без фотоиллюстраций — из соображений экономии. И вот теперь, работая над вторым изданием, я случайно обнаружил в своём архиве папку со старыми иллюстрациями нашей экспедиции 1985—86 гг. Они были сделаны широкоплёночным фотоаппаратом «Любитель», который тогда продавался в детских магазинах. Плёнка была чёрно-белая формата бх9, но, надо сказать, снимки получались неплохого качества. В них запечатлены наши встречи с людьми, с краеведами, само место истока Зап. Двины, тогдашние пейзажи. Мы включили в текст также несколько рисунков из географической энциклопедии «Россия», вышедшей в конце XIX — начале XX вв. под общим руководством вице-председателя Русского географического общества П. П. Семёнова-Тян-Шанского, и книги известного Витебского краеведа А. Сапунова «Река Западная Двина» (1893). Они, как мне кажется, органично вписались в историческую канву повествования.

Готовя второе издание и сравнивая то время с нынешним, я не мог отделаться от ощущения, что многие высказанные в первом издании мысли, полученные тогда наблюдения — можно с полным правом отнести и к нынешнему времени. Как будто бы ничего существенного за четверть века здесь и не произошло.

Нет, конечно, за это время многое изменилось — в моём, ставшем нам таким близким и родным, городе Андреополе. Как грибы, стали расти продовольственные магазины, а ул. Половчени превратилась в маленький Бродвей или Невский проспект, сияя огнями магазинных витрин. На

улицях появились такси, которые могут отвезти тебя хоть в Тверь, хоть в Москву. На окраине города выросла вышка для обеспечения мобильной телефонной связи. Ожил рынок, и теперь там к бабушкам, предлагавшим покупателям собранные ими в тверских лесах ягоды и грибы, присоединились продавцы с юга, бойко торговавшие фруктами и овощами. Появились и другие товары, которых не было раньше. Только товары эти были не андреапольские, а привезённые из Москвы, Украины, Белоруссии, Молдовы. Куда-то исчезло знаменитое аксёновское масло и другие местные продукты... Потому что нынешняя деревня уже ничего не могла производить сама.

Грандиозный цементный завод, с которым город в значительной мере связывал своё будущее, ныне стоит, зияя чёрными глазницами окон, как Дом Павлова в Волгограде во время сталинградской битвы. А напротив него лежит в развалинах ДОК (деревнообрабатывающий комбинат), который ранее выпускал дешёвую и добротную мебель.

Основное предприятие — леспромхоз, которое успешно более четверти века возглавлял В. И. Синепушкин, тоже находится в тяжёлом положении.

Уже во время нашего первого путешествия, ещё при советской власти, были видны кризисные явления в нечернозёмной деревне. Сёла пустели, население уезжало в города, падали урожаи, сокращалось поголовье скота. Но тогда ещё худо-бедно существовали, хотя и убыточные, с/х предприятия, работали животноводческие фермы и маслозаводы, засеивались поля. С распадом Советского Союза, ликвидацией колхозов и совхозов, прекращением централизованного финансирования сельского хозяйства нечернозёмная деревня стала деградировать ещё более быстрыми темпами: начали десятками исчезать деревни, а поля зарастать кустарником и деревьями, как говорили в старину, и «в жердь, и в бревно».

Стало снижаться и значение Андреаполя как полноценного районного города. Он, как сейчас грустно шутят андреапольцы, начал превращаться в город филиалов. И сберкасса, и почта, и налоговая инспекция стали филиалами более крупных городов — Осташкова, Торопца, Зап. Двины, а военкомат — так тот уже несколько лет как переехал в г. Западная Двина. Поползли тревожные слухи: «А не потеряет ли Андреаполь статус районного центра и не сольют ли нас с каким-нибудь другим соседним районом»?

Провинция, брошенная центром на произвол судьбы, выживала, как смогла. Во многих городах, в том числе в Тверской области, местная интеллектуальная краеведческая общественность стала искать нетрадиционные пути выживания. И там, где в этих городках появлялись нестандартные общественные лидеры — там начали добиваться успехов.

Мы уже привыкли представлять себе краеведов пожилыми людьми,

пенсионерами, чуть ли не «чудаками», которые собирают по деревням какое-то старьё и копаются в истории своего города или посёлка, в общем выступают как летописцы своего края.

Но в настоящее время представление о краеведах и их деятельности стало меняться. Сейчас всё более востребованным жизнью становится новый тип краеведа.

Это люди в основном среднего и молодого возраста, с высшим образованием, как правило, учителя или журналисты, которые наряду с искренней любовью к своей малой родине и желанием бескорыстно служить ей, обладают лидерскими качествами, способными объединять вокруг себя единомышленников, выдвигать новые идеи и увлекать ими своих сторонников. Их романтизм органично уживается с деловой хваткой, организаторскими способностями, нацеленностью на достижение практических результатов. Они — своеобразные аллергены, возбудители городского спокойствия, генераторы новых идей, способные дать людям надежду на будущее, вдохнуть новую свежую струю в сонную жизнь попавших в беду городков и даже зачастую повлиять на изменение уклада их жизни. В отличие от традиционных краеведов, краеведы-организаторы вместе со своими единомышленниками стремятся превратить краеведение из увлечения одиночек в целую отрасль городского хозяйства, создавая экономически-прибыльные предприятия по обслуживанию населения и гостей, способные приносить реальную пользу, влиять на экономику города, возрождение традиционных занятий населения, кустарных и сувенирных промыслов, а зачастую просто обеспечивать работой жителей этих населённых пунктов.

Если перефразировать известную марксистскую фразу, — краеведение может стать материальной (и добавим от себя — духовной) силой, когда оно овладевает массами.

Таким человеком в ярославском г. Мышкине оказался местный краевед, журналист и уроженец этого города Владимир Александрович Гречухин — теперь его уже называют писателем, поэтом, общественным деятелем и даже философом русской провинции.

До того, как он развернул свою деятельность, город Мышкин и деревни вокруг тоже лежали, как и всё Нечернозёмье, на боку — встали местные предприятия, и вся жизнь, казалось, как бы остановилась. Но Гречухин любил свой город и пользовался в нём большим авторитетом, он не смирился, как многие, со свалившимися на их малую родину бедами, а пошёл наперекор им, объединив вокруг идеи возрождения города интеллигенцию, краеведов, общественность, школьников, трудных подростков.

А началось всё с создания местного народного краеведческого музея. «Мы были полны энтузиазма, — вспоминает Владимир Гречухин. — В нашем

городе мы создадим такой музей, какого нет больше нигде: в нём будет всё, что сопровождает человеческую жизнь — от суповой ложки до конных саней».

«Выбили» у администрации в центре города здание для музея (а как же — каждый уважающий себя краеведческий музей должен обязательно находиться в центре и занимать самое лучшее здание города). Краеведы и местные жители понесли сюда старинные вещи, одежду, диковинные экспонаты. Но одним музеем дело не ограничилось. Он стал обрастать другими весьма экзотическими музейными учреждениями. И среди них одним из первых стал музей мыши. Эту идею подсказал Гречухину мой старый друг, журналист московской газеты «Советская культура» Илья Борисович Медовой, который много сделал для пропаганды всех начинаний мышинского краеведа.

Идея понравилась, и в музей не только из России, но и из зарубежных стран полетели посылки с изображением мышей самых разных видов: пластмассовые, тряпичные, вязаные, деревянные, рисунки, книги, картины.

Постепенно в городе стал складываться целый комплекс музеев.

Сейчас в небольшом городке десять музеев: народный музей; историко-этнографический (сейчас он называется «Музей столицы лоцманов»); единственный в мире музей мыши; музей под открытым небом — уникальной техники и деревянной сельской архитектуры; музей известного земляка-водочника Петра Смирнова; музей, посвящённый Ситской битве...

А есть ещё «Ремесленная слободка», центром которой является кузница с подлинными раритетами — мехами XVIII в., старинной наковальной, молотами и клещами, где местные умельцы выполняют на заказ каминные наборы, решетки и другие кованые изделия. В гончарной мастерской в присутствии экскурсантов изготавливают посуду и игрушки, в токарной мастерской вырезают кубки, солонки, подсвечники. И прямо здесь торгуют сувенирами. В городе работает ресторан «Мышеловка», комплекс «Мышкины палаты», а любителей деревенской кухни везут в загородную харчевню, где их потчуют блюдами по старинным рецептам, а потом даёт фольклорные представления местный этнографический ансамбль.

Причём, вся эта система музеев, которая ныне получила статус «Общественного некоммерческого предприятия г. Мышкина», действует на полном самообеспечении, и в её деятельность не вмешиваются ни городская, ни областная администрации. «Творчеству, — говорит Гречухин, — нужна свобода». Хотя мышинские музеи и работают в тесном контакте с администрацией города.

Сначала вход в музей был бесплатным, потом ввели плату за входные билеты, появились деньги от сувениров, от пожертвований состоятельных людей. Но сам Гречухин и его волонтеры продолжали работать бесплатно, на общественных началах.

В 1999 году музей мыши заработал 50 млн рублей, не попросив ни копейки у местной администрации. Краеведы сами зарабатывали деньги и сами их тратили — на содержание музеев, оплату его работников, проведение краеведческих и экологических экспедиций и конференций, фестивалей, историко-краеведческих чтений — Опочинских, Кассияновских, Лихачёвских, Тютчевских. Значительные средства расходовались на просветительскую работу и издательскую деятельность. Здесь краеведам не надо просить денег на издание краеведческих книг у администрации. Здесь их выделяют народный музей, полностью загрузив местную типографию и таким образом обеспечив её работой.

Но мечты опережают реальные планы—и вот уже краеведы планируют проведение ежегодных встреч в Мышкине с лидерами российского провинциального туризма и наиболее успешных фирм-потребителей туристских услуг, думают над установлением в городе памятника своему земляку виноводочнику Смирнову, а в центре города—другого памятника—князю Мышкину из романа Достоевского «Идиот» (краеведы нашли его родственные связи с городом), учреждают для особо отличившихся мышкинцев и друзей города звание «Почётный мышкинец» и орден Мыши трёх степеней, и даже, как говорят, мечтают заложить основы новой науки—мышеологии.

Так маленький, ничем не примечательный ярославский городок с 6 тыс. населения превратился в один из крупных центров туризма, ныне известный во всём мире. А благодарные горожане, многим из которых Гречухин дал работу и надежду на будущее, избрали Владимира Александровича Почётным гражданином города Мышкина.

Но Гречухин и его единомышленники, может даже не сознавая этого сами, сделали значительно больше, — они создали в отдельно взятом провинциальном городке ячейку гражданского общества, к организации которых на всех уровнях власти нас безуспешно вот уже в течение нескольких лет призывает федеральный центр.

Но вы можете возразить — разве можно сравнивать Мышкин с Андреаполем или Пено? Там Волга, есть пристань, останавливаются туристские теплоходы. А здесь ...

А почему бы и нет?

Неужели в Андреаполе и Пено нет ничего интересного для туристов и гостей города? Где ещё найдёшь такую уникальную природу, столько чистейших озёр и речек с хрустальной родниковой водой? И разве не здесь, по Западной Двине, проходил всемирно известный торговый путь «из варяг

в греки», и до сих пор на древних волоках видны борозды от килей старинных кораблей? Кстати, и посёлок Пено расположен на берегах Верхневолжских озёр.

И разве не здесь находится уникальный памятник среднерусской природы: исток одной из самых значительных рек европейской России — Западной Двины?

Такого нет даже в Мышкине.

Далеко неполный перечень Андреапольских достопримечательностей, которые сейчас приходят мне на память, свидетельствует только об одном — дело не столько в их количестве, сколько в умелом и эффективном использовании.

Более того — в наше коммерческое время современным краеведам надо научиться на этих достопримечательностях зарабатывать деньги и толково их тратить на новые проекты.

В Мышкине создали историко-этнографический музей? А почему бы в Андреаполе не организовать, например, музей варяжских гостей или новгородских купцов с наборами старинных весов и безменов, гирь и мерных бочек? Почему не свозить туристов на место средневекового городка — Буец, что находился в давние времена в районе нынешней д. Жуково? В Мышкине — «Рабочая слободка»? В Андреаполе — старинный гостиный двор, где изготавливают холсты, корзины из бересты, сувениры, фирменную «бакановскую» гончарную посуду (есть недалеко от Андреаполя д. Баканово — в прошлом крупный центр гончарного производства), ткнут коврики на старинных прялках, а «заморские купцы» торгуют изделиями из янтаря (не случайно ведь Зап. Двину в древности называли янтарной). В Мышкине играют в сказки? И у нас возле д. Бенёк живет легенда о драконе, якобы обитающем в озере Бросно. В Мышкине — «Мышкин дом», а на берегу озера Бросно — «Пещера динозавра». У Гречухина — музей виноводочника Смирнова — у нас возле д. Бенёк — трактир «У Хера», где стояла усадьба помещика Херова и откуда Смирнов, согласно легенде, брал воду для своей знаменитой водки...

Почему бы не поставить более амбициозную задачу — о возвращении Андреаполю былой славы курортного городка, в своё время известного всей России своими лечебными минеральными водами?

Приходится с сожалением признать — единственное преимущество Мышкина над Андреаполем состоит в том, что у них есть такой краевед и сказочник как Гречухин, который смог увлечь своими идеями общественность города и претворить их в жизнь. А в Андреаполе — нет (хотя здесь и живут и работают любящие свой город краеведы).

Но время настоятельно требует, чтобы и у нас появился свой андреапольский Гречухин и вдохнул новую жизнь в этот маленький тверской го-

родок, создав вместе с единомышленниками свою краеведческую и туристскую республику, которая прославила бы Андреаполь на всю Россию.

А последователи Гречухина уже начали появляться и в Тверской области, правда, не в Андреаполе, а в других районах. Здесь в некоторых населённых пунктах тоже стали использовать их экзотические названия и создавать музеи для привлечения туристов и гостей не только из других городов Тверской области, но даже из Москвы. В Кимрском районе, например, у директора местного сельского Дома ремёсел Тамары Львовны Горцевой после посещения мышкинского музея возникла идея — а не создать ли и в её поселке свой сельский музей — только не мышинный, а змеиный. Тем более, что нынешнее село Приволжское ранее носило вроде бы такое неблагозвучное название — Гадово и славилось изобилием гадюк.

Так в глухой деревеньке возникло музейное царство Змея Горыныча. И стали появляться в нём «змеиные» экспонаты — изображения змей из коряг, металла, материи...

Как и у Гречухина, здесь устраивают театрализованные представления — гости посещают музей, а затем — трактир Змея Горыныча с дегустацией вин, приготовленных по местным рецептам — «Гадючья радость», «Лихая болотина» и др. И потянулись гости в деревню Гадово...

В г. Весьегонске, на старом гербе которого изображён рак, в местном краеведческом музее появилась экспозиция раков — деревянных, кованых, в раковинах, ежегодно устраивается костюмированный городской праздник рака.

По этому же пути пошли и в пос. Сандово, на старинном гербе которого изображена пчела. Чем она хуже мыши? Вот и создали в Сандове музей пчелы — ведь этот район издавна славился своим мёдом из тверского разнотравья с главным экспонатом: большой хрустальной пчелой — подарком от друзей из Гусь-Хрустального. Ну, а в плане — создание своей пасеки с дегустацией сандовского мёда.

А в городе Бежецке открыли музей малины, не случайно эта ягода изображена на старинном городском гербе. Здесь умело использовали легенды, связанные с этой лесной ягодой, представлены поделки и рисунки местных умельцев, собраны рецепты «малиновых» блюд и народных лекарств. К услугам посетителей — всегда чай с малиновым вареньем. Не забывают здесь и об «экскурсионной экономике»: экскурсия по музею для бежечан стоит 50 руб., для гостей города — 100.

Это только несколько примеров из непростой жизни маленьких городов и деревень нашего российского Нечерноземья. Там, где возвращаются к своим корням, где начинают наперекор всему действовать активные, инициативные краеведы и местная интеллигенция, там и появляются первые успехи...

Я верю, что такой общественный лидер должен появиться и у нас, в Озёрном крае. Может быть, он уже учится в одной из андреапольских или пеновских школ, занимается в краеведческом кружке или участвует в поисковых экспедициях.

Потому что, если он не появится, наш край так и останется краем больших, но неиспользованных возможностей, и новым поколениям местных краеведов придётся мучительно долго догонять своих коллег из других таких же провинциальных, но более успешных нечернозёмных городков.

Ведь, что ни говори, а настоящее, реальное возрождение России, я уверен, должно начаться именно с возрождения российской провинции.

* * *

Мне бы очень хотелось, чтобы эту книгу прочитали молодые учителя и журналисты, школьники и юные краеведы и чтобы они почувствовали, в каком замечательном крае они живут и какая ответственность ляжет на их плечи в ближайшем будущем по его обустройству и развитию.

Краю, где рождается красавица-Двина, где сама история, кажется, стучится в пятистенки бревенчатых изб и где живут умные и талантливые люди, с таким трудом сохраняющие культурные и исторические традиции российской провинции, нужна ваша помощь, молодая энергия и вера в его будущее.

Вам, юным краеведам, я и посвящаю эту книгу.

Где начинается Западная Двина? *Белое пятно на географической карте*

У рек, как и у людей, свой характер, свои, особенные, только им свойственные черты. Есть большие, значительные реки, величавые, как Волга, знающие себе цену, привыкшие к уважению и почету. «Матушка», «кормилица» — это ведь можно сказать только о державной реке, которая когда-то кормила пол-России. Есть реки яркие, уверенные в себе, сразу же поражающие своей броской красотой, с высокими живописными берегами, с веселым перезвоном стремительно несущейся воды, с пенящимися водопадами. А есть реки тихие и незаметные, спрятавшиеся в зарослях ивняка и осоки, с кувшинками у берегов. Их красота раскрывается исподволь, постепенно и уже никогда не отпускает тебя. Мне же милее всех небольшие лесные речки с широкими заводьями, где хорошо ловить рыбу, где легко дышится и куда тянет тебя снова и снова.

Западная Двина не похожа ни на одну из виденных мною рек. На первый взгляд, такая же спокойная, как многие реки Средней России, она может решительно менять свой нрав, становиться бешеной и неукротимой. Сбегая с отрогов Валдайской возвышенности, Двина властно вторгается в каменистые гряды и, преодолевая их, звонко несется вниз по огромным валунам, безуспешно стремящимся остановить неуправляемый поток ее вод. Но и на равнинных участках своего пути, успокоившись, она все равно завораживает необычностью, таинственностью, идущими, наверное, от воды — темной, свинцово-тяжелой и упругой, от которой веет скрытой магической силой.

Когда я решил ближе познакомиться с исторической судьбой Западной Двины, то обнаружил в ней немало непрочитанных страниц. Одна из самых интереснейших связана с началом этой великой реки, ее истоком.

Уже давно миновало время географических открытий. На карту нашей планеты нанесены все континенты и острова, хребты и архипелаги. Открыты Южный и Северный полюсы, исследованы моря, озера и реки. Казалось, ничто не ускользнуло от пытливого глаза неутомимых исследователей. Сегодня открывать вроде уже и нечего, нет больше географических тайн, не осталось и белых пятен на географических картах.

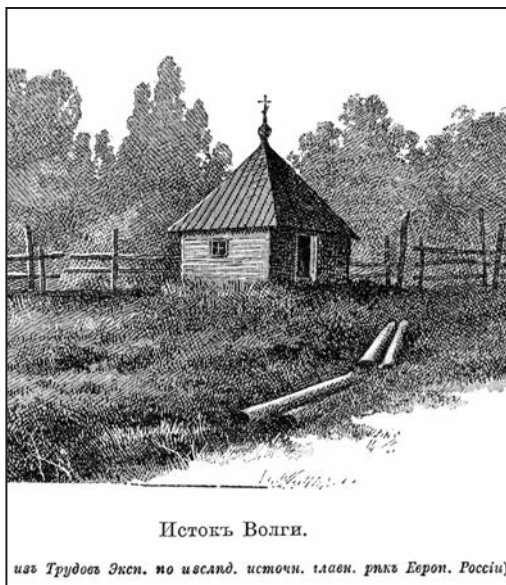

Рис. из книги «Россия», т.1, 1899 г.

Однако это не так. Много еще загадок оставила нам природа, история, много еще на свете таких уголков, куда не успели проникнуть ученые, и, чтобы стать первооткрывателем, совсем не обязательно ехать на Гималаи или еще куда-нибудь за тридевять земель. Потому что удивительное и загадочное часто находится совсем рядом, чуть ли не за порогом дома, где живешь, надо только захотеть и суметь увидеть необычное в обыкновенном, невероятное в очевидном, посмотреть вокруг себя не равнодушным, а заинтересованным взглядом.

Ну что интересного и неизведанного можно найти в таком известном, хоженом-перехоженом туристском крае, как Селигер? Ежегодно сюда приезжают десятки тысяч туристов и отдыхающих. Их привлекают тихие прозрачные озера, неоглядные плесы, сосновые боры по берегам рек и озер, великолепные песчаные отмели, которые тянутся на многие километры, дремучие, почти таежные леса по холмистым склонам Валдайской возвышенности и прозрачный, волнами поднимающийся от нагретой солнцем земли воздух, настоенный на запахе сосен, озерной воды, вереска и луговых трав.

Но сверните с торной туристской тропы, отойдите в сторону от перенаселенных селигерских берегов, и вы окажетесь в глухих и безлюдных местах, до сих пор хранящих немало неразгаданных тайн. Здесь, по берегам быстрых, почти горных рек (в некоторых из них даже водится форель), можно встретить древние курганы кривичей, насыпные холмы славянских городищ. И сейчас еще сохранились во многих местах следы от старинных ладей, которые волоком перетаскивали из одной реки в другую наши предки. Здесь, по этим озерам и рекам, проходил некогда всемирно знаменитый водный путь «из варяг в греки», действовала рукотворная система древних волоков, до конца еще не исследованных учеными.

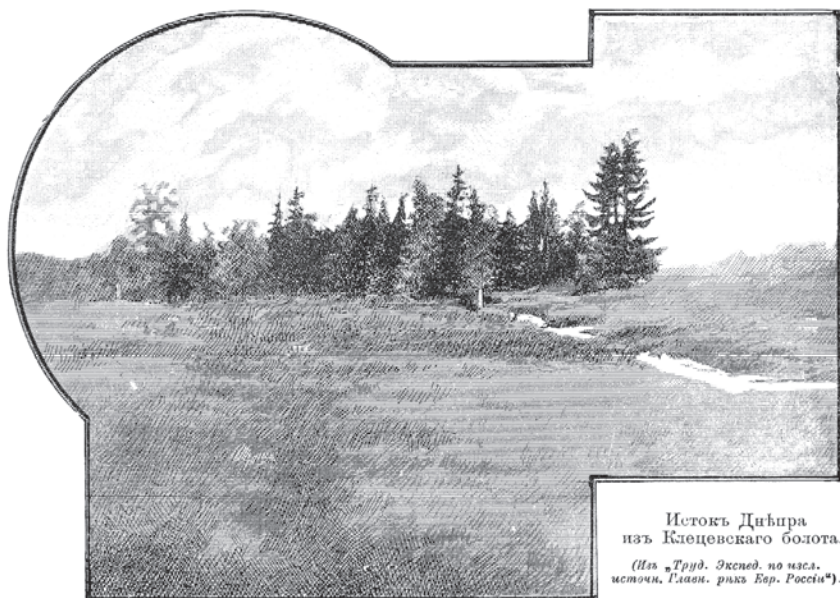

Рис. из книги «Россия», т. 9, 1905 г.

В глухих уголках селигерской земли на лесных опушках и заросших пустошах затаились огромные замшелые камни с высеченными на них древними славянскими надписями и загадочными знаками. Они тоже ждут своих первооткрывателей и исследователей.

Где-то здесь, на древнем селигерском водном пути, некогда стоял известный нам по летописям Игнач-крест, тот самый, до которого, стремясь к Новгороду, дошел Батый, но неожиданно повернул обратно, хотя до города оставалось всего 100 верст пути. Вот уже более двухсот лет ученые спорят об этой давней загадке истории.

Немало в этом краю памятников и более близкого нам времени — воинских мемориалов, братских могил, провалившихся в землю партизанских землянок и полузаросших, оплывших от времени солдатских окопов. До сих пор мальчишки находят на берегах Селигера ржавые, потемневшие от времени гильзы, пробитые пулями каски, солдатские котелки. Великая Отечественная война прошла и по этим местам.

И все же не только своей природой, реками и озерами, своей древней историей знаменит этот край. Его поистине поразительная уникальность заключается в том, что здесь, на отрогах Валдая, берут начало три крупнейшие реки европейской части России — Волга, Днепр

Алексей Парфёнович Сапунов (1852–1924) — учёный, краевед, летописец Витебского края, автор книги «Река Западная Двина» (1893). Фото предположительно относится к первой половине 1890х гг., когда автор работал над своей книгой.

Из домашнего архива Н. Дорофеевко

и Западная Двина. Это огромная, воздвигнутая самой природой колыбель, где в глухих лесах и болотах скрытое от человеческого глаза совершается величайшее таинство — рождение этих прославленных рек. Здесь начинают робко биться их сердца, здесь они набираются сил, отсюда, как повзрослевшие дети, которым тесны становятся стены родного дома, они начинают свой бег в большой мир, к далеким морям и океанам.

Рождение рек, вытекающих едва ли не из одного огромного болота, но держащих путь в разные стороны, — это тоже одна из загадок этого края.

Однажды мне попалась любопытная книга. На ее обложке старославянской вязью было выведено название: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга

для русских людей. Том первый. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье». Это была уникальная географическая энциклопедия, выходившая в России в конце XIX — начале XX веков под общим руководством известного географа вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского и профессора В. И. Ламанского в издательстве А. Ф. Девриена. В этом томе я впервые увидел рисунок, изображающий исток Волги: маленькая избушка у края болота и вытекающий из него ручеек. Подпись гласила: «Исток Волги». И далее в тексте: «Здесь, как говорят, и начинается Волга».

Нашел я в одном из томов «России» и изображение истока Днепра. На гравюре из живописного хвойного лесочка узенькой ленточкой

змеилась маленькая речка. Здесь подпись была более определенной: «Исток Днепра из Клецевского болота» (Смоленская область).

Но сколько я ни листал толстый, пожелтевший от времени том, не обнаружил там рисунка с изображением истока Западной Двины. Может быть, авторы «России» просто не нашли соответствующей фотографии или по забывчивости не поместили ее в книге?

Изучив многие издания разных лет: карты, книги и путеводители, я вскоре понял, что литературы о Западной Двине не так уж много. Десятки и сотни книг и журнальных публикаций посвящены Волге и Днепру, существуют прекрасные красочно иллюстрированные путеводители и альбомы, обширные исследования по этим рекам. А вот Западной Двине повезло намного меньше. Мне удалось найти только единственную монографию, специально посвященную этой великой реке. Она называлась «Река Западная Двина. Историко-географический обзор» и была издана в 1893 году в Витебске. Ее автор, известный в свое время историк и краевед А. Сапунов, в предисловии к книге писал: «Существуют прекрасные издания, посвященные Волге и Днепру. Только наша Западная Двина, одна из главных исторических рек земли Русской, все еще остается в забвении».

Это было сказано почти сто лет назад. Сам автор этих слов в значительной мере восполнил пробел в литературе о Западной Двине, собрав действительно обширные сведения об этой реке из различных изданий¹. И мне не раз придется прибегать к этим сведениям в своем дальнейшем повествовании. Но факт остается фактом: и до А. Сапунова и после него, вплоть до наших дней, литературы, посвященной не-

¹ Когда я работал над первым изданием этой книги, я мало что знал о жизни и творчестве Алексея Парфёновича Сапунова, не говоря уже о том, как выглядел автор «Реки Западная Двина». Готовя второе издание, я обнаружил в интернете публикацию ст. научного сотрудника Витебского областного краеведческого музея Валентина Кучеренко, в которой он рассказывает о А. П Сапунове и истории одной из его редких фотографий (см. фото).

Имя этого талантливого историка и краеведа долгое время находилось в забвении. Только с середины 1950-х гг. после публикации в витебской прессе статьи краеведа Н. Дорофеенко его жизнь и творчество начинают привлекать внимание специалистов, а его имя приобретает широкую известность не только в Белоруссии, но и на Псковщине, где он родился в селе Усвяты. После окончания в 1873 г. Петербургского университета Алексей Парфёнович переезжает в Витебск и начинает работать учителем истории в Витебской гимназии. С этим городом связаны многие годы его преподавательской и научной деятельности. Здесь по его инициативе открывается филиал Московского археологического института, в котором он становится первым преподавателем, а затем создаёт в городе церковно-исторический музей.

А. П. Сапунов много сделал для изучения Витебской губернии, и его еще при жизни называли летописцем Витебского края. Здесь он написал свои главные краеведческие труды: «Усвят», «Список населённых мест Витебской губернии» и свою уникальную книгу — «Река Западная Двина», первую и пока, насколько я знаю, единственную монографию, посвященную этой замечательной реке.

Но он не порывает связи и с Петербургом. В 1890 г. избирается →

посредственно Западной Двине, не говоря уже о ее истоке, не так много. А ведь речь идет об одной из великих рек России, на берегах которой творилась русская история, которой посвящено много песен, былин и сказаний, которая и сейчас играет огромную роль в жизни русского, белорусского и латышского народов.

Чем больше я изучал литературу — и старую и новую, — тем больше вопросов вставало передо мной. Западная Двина оказалась странной рекой — она не имела истока. То есть исток-то у нее, конечно, был, но никто точно не знал, где находится тот таинственный родничок, который дал ей жизнь, и где стоит, как на истоке Волги, та заветная избушка, с которой мы по традиции связываем обозначение начала реки.

В разных источниках говорилось об этом по-разному.

В книге М. Цебрикова «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба» читаем: «Западная Двина берет начало в Тверской губернии, в Осташковском уезде. Пройдя в нем озеро Охват-Жаденье, она пересекает на весьма малом протяжении самую северную часть Бельского уезда» (1862 год).

Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827—1914), выдающийся русский географ и общественный деятель, исследователь Тянь-Шаня, вице-председатель Русского географического общества, руководитель многотомных изданий по географии России — «Географическо-статистический словарь Российской империи», «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» и др. *С картины художника Колесова А.М., 1874 г.*

членом исторического товарищества при Петербургском университете, работает рецензентом в комиссии для рассмотрения и оценки произведений, выдвинутых на ежегодную Уваровскую премию в Петербургской Академии наук, сам получает эту престижную премию.

Ныне память об Алексее Парфёновиче Сапунове бережно хранят не только в Витебском крае, но и Псковщине — одна из улиц Пскова названа его именем. Фотография, которую вы видите в этой главе, хранится в домашнем архиве Н. Дорофеев (А. П. 2012)

Солидный «Географическо-статистический словарь Российской империи», составленный под руководством вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского, утверждал: «Двина вытекает... из небольшого оз. Двина, или Двинца (близ д. Корякиной), лежащего посреди болот и лесов, на высоте 800 рус. ф. над ур. м., не далее 13 верст в прямом напр. от истоков Волги» (1863—1885 гг.).

А. Сапунов в уже упомянутом нами труде пишет, что «за начало Двины прежде принимали исток ее из оз. Охват-Жаденье, но теперь установлено, что она берет начало выше из небольшого оз. Двина, или Двинца, имеющего версты четыре в окружности вблизи деревень Корякиной и Двинца...»

Исследователь верховьев Двины профессор Д. Н. Анучин придерживался другой точки зрения: «Народ признает за начало Двины не озеро Двинец, а полагает его в шести верстах выше, в болотах, тянущихся по направлению к дер. Гришиной (к оз. Пено)» (1891 год).

Мало что проясняли и более поздние источники. В словаре географических названий (1973 год) за начало Двины принимается обширный район Калининской области, где находятся истоки многих рек европейской части нашей страны. Там так и сказано: «З. Д. берет начало на Валдайской возвышенности». А в книге «Города и районы Калининской¹ области», написанной группой калининских историков и краеведов, было написано: «На западе Пеновского района в 6 км от ст. Соблаго из оз. Двинец вытекает Западная Двина» (1978 год).

Так откуда же все-таки начинается Западная Двина? Из озера Охват-Жаденье? Из озера Двинец? Или из мохового болота, лежащего на водоразделе с Волгой? И почему современные словари и энциклопедии, упоминая о начале Двины, теряют свою обычную конкретность, относя его к обширнейшему географическому району — Валдайской возвышенности, где начинаются десятки больших и малых рек, в том числе и сама Волга?

Я разговаривал тогда со многими географами, и никто из них не мог назвать точное расположение истока Западной Двины.

На карте Калининской области я без труда нашел эту реку, озеро Охват, из которого она вытекает, но не обнаружил на ней ни озера Двинец, ни впадающего в него ручья. Все пространство между городом Андреаполь и поселком Пено, где вдоль линии железной дороги протянулось длинное и узкое озеро Охват, заштриховано пунктирными линиями. Болота тянулись до озера Пено, являясь водоразделом между

¹ Здесь и далее — ныне г. Тверь, Тверская область (А. П. 2012)

составленная Меркаторомъ и исправленная

р. Рубон
(Зап. Двина)

Алаунские
горы

ФИН ПТОЛЕМЕЯ,

Т. Монматанль, изд. въ 1605 г., въ Амстердамѣ.

р. Ра
(Волга)

р. Танаис
(Дон)

р. Борисфен
(Днепр)

верховьями Волги и Западной Двины. Где-то здесь, в лесах и болотах, и затаился еще не обозначенный на картах исток великой реки.

Неужели и в наше время еще остались белые пятна на географических картах?

Легенды о Янтарной реке. Откуда произошло название реки?

По-разному открывались людям истоки рек. Начало Волги было найдено еще в средние века, а в 1649 году здесь уже стоял монастырь Иоанна Предтечи, построенный по указу царя Алексея Михайловича. Монахи взяли исток Волги под присмотр, построили первую часовенку, которая стала одной из важных достопримечательностей России.

А об истоке Западной Двины и самой реке долгое время не было никаких достоверных сведений. Первые упоминания относились в основном к низовьям и среднему течению реки. В глубокой древности ее называли Янтарной. Под этим названием Двина была известна еще финикийцам и грекам. По ней проходил путь к балтийскому побережью, где добывали янтарь — «алатырь — бел горяч камень».

О Западной Двине ходили самые невероятные мифы и легенды. Она была окружена тайной. А причиной этому был драгоценный янтарь, торговля которым долгое время держалась в страшном секрете.

Первыми, кто открыл путь по Двине к балтийскому побережью, были финикийцы. Греки тоже знали этот путь, но тщательно берегли тайну добывания янтаря.

Искусные ювелиры делали из янтаря драгоценности, медики изготавливали специальные сосуды для хранения крови. Использовался янтарь и в сельском хозяйстве. Великий Страдивари покрывал свои скрипки янтарным лаком. Янтарь называли солнечным, теплым, волшебным камнем. Ему приписывалась магическая сила отгонять злых духов, приносить счастье и удачу.

В древности не знали, что янтарь — это вовсе не камень, а продукт сложнейших биохимических процессов, протекавших в течение миллионов лет. В мире насчитывается более 120 видов ископаемых смол.

← По мнению греческого географа Клавдия Птолемея (ок. 90—ок. 160), все крупные реки Европы брали начало в горах. На карте к его знаменитой «Географии», изданной в Амстердаме в 1605 г., и Днепр, и Зап. Двина стекают с одной горной гряды: Днепр — на юг в Чёрное море, Двина — на запад в Балтийское. Эта точка зрения господствовала среди европейских географов вплоть до XVI в.

Жизнь им дали древние растения и леса, которые в изобилии росли по берегам рек и морей. Кусочки застывшей янтарной смолы откладывались обычно в заливах и дельтах рек. Большие запасы ее имелись на побережье Балтийского моря. Предполагалось, что балтийский янтарь ведет свое происхождение от сосновых лесов, которые издавна росли на побережье. Но современные ученые установили, что жизнь балтийскому «солнечному камню» дали не сосны, а смолы реликтового кедра, сохранившегося в Атласских горах в Африке, а в древности широко распространенного и в Европе.

О янтаре, который в те времена ценился очень высоко, буквально на вес золота, ходили легенды. По древним античным мифам считалось, что это не что иное, как золотые слезы, которые ронял Аполлон, когда он шел к гиперборейцам оплакивать своего сына Эскулапа. До нас дошли и другие поэтические мифы, где воспевался чудесный камень янтарь. В одном из них рассказывалось о прекрасном юноше Фаэтоне, который попросил своего отца Гелиоса дать ему на один день солнечную колесницу. Долго противился Гелиос, но Фаэтон так пылко просил его, так умолял, что тот наконец согласился. Горя от нетерпения, юноша вскакивает на колесницу, волшебные кони срываются с места и несут ее туда, где ярко светит солнце. От горячих его лучей колесница вспыхивает, как факел, а кони мчатся то высоко в небе, оставляя на темном небосклоне следы Млечного пути, то низко над землей, едва не сжигая ее. Увидев это, разгневанный Зевс бросает в колесницу молнию и поражает ею Фаэтона. Юноша падает с колесницы далеко от родины, в стране солнечного заката, в волны реки Эридан.

Гибель Фаэтона оплакивают его сестры Гелиады. Они находят могилу брата и превращаются в молодые стройные тополя.

*С той поры безутешно деревья
Плачут, а слёзы, твердея и в жёлтый янтарь превращаясь,
Падают в волны прозрачной реки и несутся водою
По золотому песку на уборы латинских красавиц.*

О реке Эридан, где погиб Фаэтон, упоминают и Гомер, и Гесиод, но они не знают, где она расположена, кроме того, что река эта течет на полночь, то есть на север.

Янтарная река Эридан еще долго будет тревожить воображение античных поэтов, ученых, историков и географов. Но место добывания янтаря так тщательно скрывается купцами и мореходами, что о местоположении этой реки ничего не известно. Гесиод сомневается: «О западных окраинах Европы не могу сказать ничего достоверного, ибо я не допускаю существования реки, которую варвары называют

Эриданом, которая будто бы впадает в Северное море и от которой, как говорят, приходит янтарь». Он тщетно ищет очевидцев среди мореходов, которые могли бы подтвердить, что по ту сторону Европы есть река Эридан и море, где на побережье добывается драгоценный янтарь. Но он уверен в том, что янтарь приходит в его страну из окраинных земель.

Ходят слухи и о каких-то янтарных островах, но также никто не знает, где они находятся. Даже солидные ученые, не имея документальных свидетельств, начинают сомневаться в существовании таинственной реки Эридан. Не верит в ее существование даже сам «отец истории» Геродот.

Но идет время, а разговоры и слухи о янтарной реке не утихают. Не все мореходы даже под страхом смертной казни сумели сохранить эту так долго оберегаемую тайну. Уже в первой половине IV века до н. э. античный ученый Эвдокс высказывает мысль, что, по его мнению, янтарная река Эридан вытекает из Рифейских гор, находящихся в глубине Скифии, и впадает в Западное море близ земли кельтов. Вслед за ним Диор Сицилийский и Плиний ясно говорят: янтарь добывают на острове Северного океана, лежащего в трех днях пути от Скифии. Этот остров называется Балтия.

Дело доходит до того, что купцы города Массилии (Марселя) решили снарядить на свои средства корабль и послать его со своим ученым-соотечественником Питеем к берегам, где добывался янтарь. По всей вероятности Питей доплыл до Венедийского (Балтийского) моря и даже видел, как какая-то река впадает в него. Но он ошибочно назвал ее Танаисом (Доном).

Таинственный янтарь, который будоражил воображение купцов и ученых, продолжал делать свое дело. Снаряжались корабли, исследовался великий торговый путь «из варяг в греки», на карту наносились новые земли, реки, озера и возвышенности. Янтарь помогал двигать вперед новую науку географию, делать новые географические открытия.

Славянские племена, исконно жившие по берегам реки, сделали очень много для освоения Верхнего и Среднего Подвинья, для отыскания и благоустройства многочисленных волоков, для надежного функционирования древнего водного пути «из варяг в греки» и его ответвлений.

Славяне, а затем Русское государство в течение многих веков вели тяжелую борьбу с иноземными захватчиками, стремившимися овладеть Подвиньем. Объяснялось это большим торговым и стратегическим значением Западной Двины. Начинаясь в самом центре Русского государства, она была важной торговой артерией, связывающей Мос-

ковию с Балтийским морем: по ней издавна шел поток товаров не только в страны Балтийского бассейна, но и в Византию, Грецию, Рим. По Двине проходил один из древнейших торговых водных путей «из варяг в греки».

Об этом великом пути в древнерусской летописи «Повесть временных лет» говорится так: «Бе путь из варяг в греки и из грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловати и по Ловати внити в Ильмер озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Неву, того озера вниде в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прите по тому же морю ко Царюграду, а от Царяграда прите в Понт море, в неже втечеть Днепр река».

Если посмотреть по карте, то мы увидим, что верховья Днепра и Ловати нигде не соприкасаются друг с другом, и среднековым купцам, чтобы попасть в Ловат, никак нельзя было миновать верховья Западной Двины. По-видимому, поднимаясь вверх по Днепру, купцы, не доезжая до Смоленска, поворачивали свои суда в речку Катунь — правый приток Днепра, затем делали непродолжительный волок в Касплинское озеро и по вытекающей из него реке Каспле — левому притоку Двины, возле города Сураж поворачивали вниз по течению Двины через Витебск и Полоцк в Варяжское море, где как раз и добывался драгоценный «алатырь — бел горяч камень».

Конечно, торговали не только янтарем. Через верховья Западной Двины сплошным потоком шли товары: из Северной Руси возили лес, меха, мед, воск, из Скандинавии — оружие, художественные изделия, из Византии — ткани, книги, вина, пряности. Но янтарь еще до появления здесь славянских племен был одним из самых важных и дорогих товаров.

Известный французский географ Э. Реклю как-то заметил: «Реки несут в волнах своих историю и жизнь народов». Если это справедливо для рек вообще, то тем более для такой великой реки, как Западная Двина. Протянувшись на 1 020 километров от отрогов Валдайской возвышенности, она протекает по территории нынешних Калининской и Смоленской областей, потом, круто повернув на запад, проходит на большом протяжении по Белоруссии и уже под латышским названием Даугава впадает возле Риги в Балтийское море большой и полноводной рекой.

На протяжении веков Западная Двина была свидетельницей многих исторических событий. По ее берегам и по воде не раз приходили на Русь завоеватели: Ливонский орден, обосновавшийся с начала XIII века на территории современной Риги, литовцы и поляки, шведы. До сих пор здесь сохранились остатки старинных военных дорог, по

которым двигались на Русь полчища Витовта и Батория — витовтов и баториев шляхи. Их пробивали в непроходимых береговых лесах воины, которые шли с топорами впереди войска, валили вековые сосны, строили гати по болотам.

Исконно русская река, она в разные времена принадлежала Полоцкому, Смоленскому княжествам. Но пользуясь слабостью и раздробленностью русских феодальных земель, ее нижнее и среднее течение не раз захватывали войска Ливонского ордена и других поработителей. Да и сама Двина много лет, вплоть до 1710 года, была порубежной рекой. Здесь проходила граница между русскими, польскими и шведскими землями. На старинной карте государства Российского — Книге Большого Чертежа, составленной в XVI веке, указываются порубежные города — Невель, Великие Луки, Холм, Гдов и среди них «Полоцк на реке Двине на правом берегу».

Многие столетия велась борьба Русского государства с орденом меченосцев, поляками и шведами за Ливонию, за выход к морю. Начинаясь в пределах Русского государства, Двина с 1621 по 1710 год в своем среднем течении принадлежала Польше, в нижнем — Швеции и не могла служить надежной торговой магистралью. Еще раньше шла длительная борьба между Полоцком и Ригой: рижане не пускали русских купцов дальше Риги, а русские рижских купцов дальше Полоцка.

Иван Грозный в 1563 году в ходе Ливонской войны отбил Полоцк у войска польского короля Стефана Батория и, двигаясь вниз по Двине, вступил в Ливонию. Он брал один город за другим, «точно птиц ловил на клей», как заметил один польский летописец. Казалось, победа близка, и все течение Двины до Рижского залива будет в руках Русского государства. Но в 1579 году Стефан Баторий взял обратно Полоцк, Велиж и другие города.

Почти через сто лет — в 1654 году — царь Алексей Михайлович снова взял Полоцк, вслед за ним Друю, Десну, Витебск и другие города по Двине. И даже сделал попытку совершить поход на Ригу, но неудачно: его войскам пришлось отступить. По Кардисскому миру со шведами (1660 год) Москва отказалась от всех завоеваний в Ливонии. А в 1667 году в соответствии с Андрусовским мирным договором вынуждена была возвратить Польше Полоцкое, Витебское и Инфляндское воеводства.

Только в ходе Северной войны войскам Петра I удалось разгромить шведов и в 1710 году овладеть Ригой.

Но лишь в 1772 году в результате вхождения Белоруссии, западных земель в состав России Западная Двина на всем своем протяжении от

истока до устья оказалась на территории Российского государства¹.

У Западной Двины много загадок, много еще нераскрытых тайн. Одна из них — ее название. Откуда оно возникло, что обозначает и какой народ дал имя этой полноводной реке?

Здесь у ученых тоже нет единой точки зрения. Известно только, что в разные времена у разных народов Западная Двина называлась по-разному: античные географы именовали ее Янтарной рекой, Эриданом, Рубоном, Хезином, финны и карелы называли ее Виэна, скандинавы Вина или Дина.

В скандинавских сагах есть немало упоминаний о Дине. В одной из них говорится, что однажды викинг Рагнар Лодброк напал на шотландского вождя Элла, но был побежден и посажен в яму, полную змей. Сидя в яме и ожидая казни, Рагнар поет предсмертную песню, в которой вспоминает свои богатырские подвиги:

*Ударили в мечи! Я помню день той славы
(Лет двадцать было мне), как сталь моей дружины,
Сверкая молнией, открыла бой кровавый,
И восемь ярлов² там легло при устье Дины.*

В другой саге прямо говорится, что Дина протекает по государству Гардарик (так в те времена назывались славянские земли) и там находится ее исток: «Говорят, что король Реггвид еще в юношеском возрасте был неутомимым викингом и подчинил себе многие страны, лежащие по реке Дине, которая протекает по государству Гардарик; отсюда он воевал с разными народами в Восточном царстве... Эта река (Дина. — А. П.) — третья или четвертая из величайших рек на земле; тот знаменитый Ингвар во время своих странствий, как упоминается в истории его, узнал истоки этой реки».

О том, что Двина, по крайней мере в нижнем течении, называлась в древности Диной, свидетельствует и старинное название нынешнего города Даугавпилса — Динабург (город на Дине).

Впервые название Двина, как мы уже говорили, появляется в летописи «Повесть временных лет». Об этом бесценном памятнике древнерусской письменности, составленном на основе летописей и других письменных источников XII—XIV веков и дошедшем до нас в так называемом Лаврентьевском списке, сделанном в 1377 году в Суздальском княжестве монахом Лаврентием, известный русский историк

¹ После распада СССР в начале 1990х гг. русло реки снова оказалось поделенным между различными государствами, на этот раз между Россией, Беларусью и Латвией под названием Даугавы (А. П. 2012)

² Вождей

Н. П. Барсов сказал: «Как и у всех народов, и у нас первая отечественная летопись, обыкновенно приписываемая Нестору, составляет в то же время и первую отечественную географию».

Из нее мы узнаем о странах и народах той бесконечно далекой ныне от нас эпохи, о древнерусских городах, расселении славян, о горах, лесах, морях и реках — Волге, Днепре, Двине, узнаем и о том, что именно здесь обитали племена кривичей, которые «седают на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра». Именно в этой летописи река впервые названа Двиной, и слово это возникло, по-видимому, за много веков до того, как оно попало в летопись. Возможно, именно оно и лежит в основе скандинавского наименования реки — Дина. Во всяком случае в верховьях Двины немало других славянских названий с тем же корнем: озеро и деревня Двинец, поселок Двин, реки Девенка (близ Лучесы), Двинка (приток Вилии), озера Двинье, Двино и др.

Откуда же такое название?

Одна, кстати довольно убедительная, версия гласит, что в основе названия лежит древнерусское, ныне исчезнувшее из нашего языка слово «двина», обозначавшее «много». Интересно, что это слово как диалектное было записано в прошлом веке среди говоров крестьян в Смоленской губернии, то есть в тех местах, где, собственно, и протекает Западная Двина. В пользу этой гипотезы свидетельствует и название нижнего течения Западной Двины — Даугава. По-латышски это название тоже означает — многоводная река. Вполне возможно, что это латышский перевод первоначального древнерусского названия реки — многоводная.

Один из ученых-топонимистов, занимавшийся изучением происхождения названия реки, как-то совершенно справедливо сказал: «Сколько исследователей — столько и точек зрения о названии реки Двина». Есть версия, которая пытается провести параллель между названиями Западной и Северной Двины. Действительно, еще в XVII—XVIII веках многие исследователи связывали слово «Двина» с русским словом «два». В «Записках о московитских делах» (XVI в.) известного путешественника средневековья Сигизмунда Герберштейна читаем: «Область Двина и река (Северная Двина. — А. П.), возникающая от слияния рек Юга и Сухоны, получили имя Двины, ибо Двина по-русски значит два или по два».

Интересное наблюдение сделал известный советский лингвист Б. А. Ларин. В 1959 году он опубликовал записи старорусских слов и выражений, сделанные в начале XVII века англичанином Ричардом Джемсом в Холмогорах. В них упоминаются выражения «брат дви-

на» — единоутробный брат и «вино двина» — крепкое (двойное) вино. Это подтвердила и топонимическая экспедиция Уральского университета. Она выяснила, что в Архангельской и Вологодской областях встречаются наименования полей и лугов — двина и двинки. У одного древнего старика в Вологодской области было записано полузабытое диалектное слово — «двины» («две рядом находящиеся полосы в поле»). Когда у него спросили, что обозначает это слово, старик ответил: «Если полосы короткие, возьмет да достанется две полосы рядом, вот и двины, слово-то это старинное».

В данном случае Северная Двина, образуемая слиянием двух притоков, осмысливалась, как Двойная река. Высказывались предположения, что и Западная Двина получила это свое название потому, что у нее тоже есть «два значительных истока». Но если у Северной Двины — это Юг и Сухона, то как бы мы ни искали по самой крупномасштабной карте «значительные истоки» у Западной Двины, мы их не найдем. Потому что таких истоков у этой реки просто нет.

Кстати, прилагательные Северная и Западная, возникшие как отличительный признак каждой реки, для того чтобы не спутать их друг с другом, появились не так уж и давно. Еще в середине XIX века эти реки (и та, и другая) именовались просто Двиной и не различались друг от друга. В древних летописях мы тоже видим только одно название — Двина.

Любопытно и то, что при тех обширных географических познаниях, которыми, несомненно, обладал автор «Повести временных лет», и при общей достоверности исторических и географических сведений, которые он нам сообщает, летописец имеет совершенно неправильное представление о направлении течения Западной Двины (о существовании Северной Двины он, видимо, еще не знает). Давайте вчитаемся в скупые летописные строчки: Двина вытекает из того же Оковского леса, что и Волга и Днепр, но Волга течет на восток, Днепр — на юг («на полдне»), а Двина — на север («идет на полунощье и внидет в море Варяжское»). Посмотрите на карту, и вам станет ясно, что «на полунощье» течет не Западная, а Северная Двина, а Западная Двина сначала течет как раз «на полдне» и только после Витебска резко поворачивает на запад, чтобы впасть в Рижский залив Балтийского моря.

По всей видимости, древний летописец за Двину принимал две реки. Именно поэтому она у него течет на север, как Северная Двина, а в Балтийское море впадает, как Западная Двина.

Таким образом, можно предположить, что название Двина — это слово, возникшее в глубокой древности и обозначающее «две рядом

текущие реки», а скандинавы могли заимствовать название Дина у славян или у местной заволоцкой чуди. Так или иначе, но творцы этого слова были, по-видимому, выходцами из Балтии или южных районов страны — с низовьев Днепра, которые, растекаясь на север по великому водному пути «из варяг в греки» и его ответвлениям, заселили верховья нынешней Западной Двины и, перевалив водораздел, вышли к истокам Северной Двины¹.

С высоты современных достижений науки нам кажется, что если мы чего-то не знаем, то этого не знали и наши предки. Но сколько раз мы убеждались, что первые исследователи и первооткрыватели этих мест, первые «географы» с точки зрения конкретного опыта знали об этих реках, лесах и землях не меньше, а зачастую больше, чем мы. Потому что это была их жизнь, а без рек, без подробного изучения их нрава, поведения, многочисленных волоков в другие реки просто нельзя было жить, существовать. Они были ближе к природе, к земле, к воде, чем мы, и знали о них тоже несравненно больше. Просто многое из того, что знали они, утратилось, исчезло, стерлось из памяти поколений.

До сих пор мы не знаем с достаточной точностью, откуда появились славяне, кто были их предки и когда они заселили эти неоглядные лесные и болотистые пространства. Наверное, это было значительно раньше, чем мы предполагаем. Разные народы в разные времена называли Зап. Двину по-разному. Свою лепту в исследования верховьев этой реки внесли и славяне, которые пришли сюда с юга и, сев «на верх Двины», начали осваивать все огромное пространство на севере, перетаскивая через водоразделы свои легкие челны.

А нам остается только предполагать, что означает это слово — Двина: полноводная, двойная, рядом текущая, тихая? А может быть, кто-то предложит свою, совершенно не похожую на все остальные версию: Янтарная река ждет своих новых исследователей и новых первооткрывателей.

Такая уж она, эта Двина, даже в своем названии хранящая неразгаданные тайны прошедших веков.

Ну и что ж — тем интереснее для нас, современников, постараться проникнуть в эти тайны, понять, почему именно так первопоселенцы называли эту реку, а не иначе? Какое её свойство поразило их больше всего?

И почувствовать аромат далёкого от нас времени.

¹ О происхождении названия Зап. Двины существуют и другие точки зрения: наиболее вероятное — от финноязычного слова со значением «тихая, спокойная» (А. П. 2012)

Городок на Андреевом поле. Первый город в верховьях Зап. Двины

Есть два способа изучения верховьев рек. Один — начинать путь от истока и, спускаясь вниз по течению, наблюдать, как река, впитывая в себя ручейки и речки, набирает силу, мужает и крепнет, превращаясь в могучую водную магистраль. Но есть и другой способ: идти вверх по реке, навстречу течению, переходя вброд впадающие в нее притоки, обходя болота и заливы, следить за трепетной живой ниточкой, уводящей в лесную чащобу или болото, туда, где в глухом лесу, скрытое от любопытных взглядов, происходит это великое чудо — рождение реки.

Мы с моим другом выбрали второй путь и начали свое путешествие на «вершину» Западной Двины с маленького городка Калининской области — Андреаполя, раскинувшегося на двух ее берегах. Это первый город в начале Двины. Потом, ниже по течению, будут другие города и поселки: Западная Двина, Велиж, Сураж, Витебск, Полоцк и, наконец, Рига, где река под названием Даугава впадает в Балтийское море. Но Андреаполь все-таки был первым двинским городком, самым близким к истоку реки, расположенным от него в каких-нибудь 40—50 километрах. Это небольшой районный городок Калининского Нечерноземья. Про такие говорят: глубинка, хотя и находится он на железнодорожной линии Осташков — Великие Луки.

Здесь было все так же, как во многих других глубинных городах России: желтое, полинявшее от дождей и ветра здание железнодорожного вокзала; широкая мощеная обсаженная липами улица, ведущая в центр города; пустынные улочки с деревянными одноэтажными домами, небольшой базар, ползаросший городской парк, кинотеатр с летней танцплощадкой. Но видны и приметы последних лет — ряд пятиэтажных домов, асфальтированная площадь перед новыми зданиями райкома партии и райисполкома¹, современный торговый центр, обелиск погибшим воинам с букетиком полевых цветов на братской могиле: во время Великой Отечественной войны в этих местах шли ожесточенные бои с фашистскими захватчиками.

В таких городках многое напоминает деревню — своей размеренной неторопливой жизнью, внимательным и по-деревенски доброжелательным отношением к тебе со стороны местных жителей и отнюдь не городской, а скорее сельской тишиной, которую время от времени

¹ Ныне здание администрации Андреапольского района Тверской области (А. П. 2012)

Наш маршрут на исток Зап. Двины начинался в г. Андреаполь и проходил по лесам и болотам Калининской области

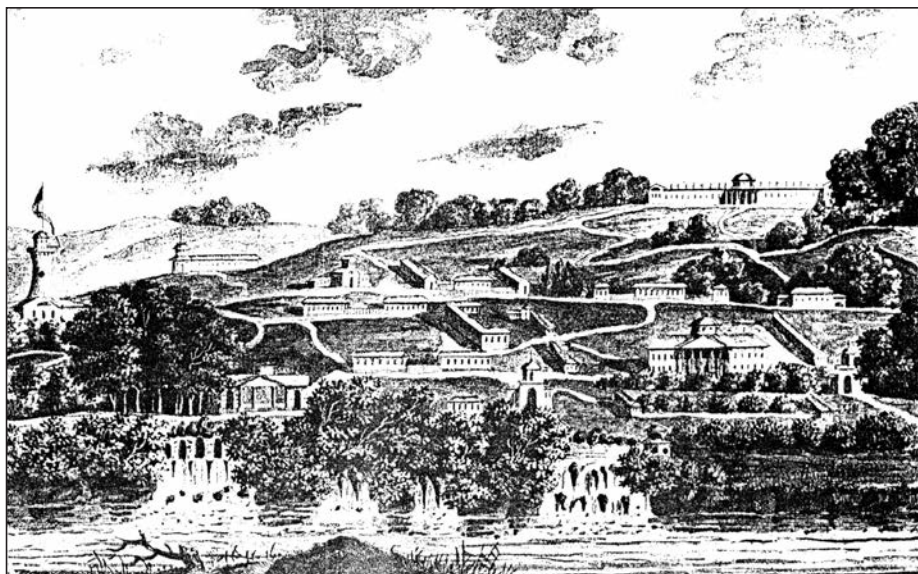
прерывают звонкие петушиные крики. Здесь все знают друг друга и при встрече раскланиваются, как старые знакомые. Греются на лавочках перед своими домами старушки, обсуждая предстоящую перемену погоды, виды на урожай, цены на грибы на местном рынке. При виде нас они сразу замолкают и долго смотрят вслед, а потом, когда мы отходим на почтительное расстояние, начинают о чем-то судачить — новичок здесь привлекает внимание.

Андреаполь образовался на месте двух старинных сел: Дубны, что находилось на правом берегу Западной Двины, и Мачихина, расположенного по ее левому берегу. Дубна в прошлом имела большое торговое значение, так как отсюда начиналось судоходство вниз по Двине. Здесь из местного строевого леса собирали струги, и другие суда, которые в полоу ю воду сплавлялись по реке.

Впервые сельцо Дубна упоминается в актах Литовской метрики под 1489 годом как центр волости, граничащей с Буецкой и Лопастницкой волостями торопецкой земли. Эта дата и считается годом основания Андреаполя, который в 1989 г. отметил свое 500-летие. Расположенная на границе с владениями Литвы, Новгорода и Московского княжества, Дубна была то под Литвой, то под Новгородом, то под их «смесным» владением, когда дань собирали сообща

«в два кнута», как писали в старинных летописях. В начале XVI века после войны с Литвой Дубненская волость вместе с другими волостями Торопецкого княжества вошла в состав Московского государства, образовав Торопецкий уезд.

Шли годы, текла вода в Двине, и в XVII—XVIII веках все земли вокруг Дубны и Мачихина мы видим уже в составе одного имения —

Левобережье Андреаполя. Гравюра начала XIX в.

Мачихина, «отказанного» стольником Челищевым своим сыновьям. Затем оно перешло во владение к помещикам Кушелевым. Это было обычное имение. Уклад жизни в нем был таким же, как в большинстве тогдашних помещичьих хозяйств.

Рядом с имением в начале XVIII века был обнаружен минеральный источник: целебная вода, типа нынешней Кашинской. К источнику местный помещик Сергей Андреевич Кушелев провел дорогу, построил ванны и организовал здесь курорт. Он действовал с 1809 года. На курорте лечились офицеры, раненные во время Отечественной войны 1812 года. Но из-за отдаленности, финансовых трудностей и плохого сообщения курорт стал хиреть, и в середине XIX в. его пришлось закрыть.

Фамилия Кушелевых — широко известна в Андреаполе, а имя одного из ее представителей — Андрея Кушелева было увековечено в названии города...

Возникновение географических названий — интересный и нередко сложный процесс. Часто в основе нового названия лежит самое что ни на есть обыденное явление, связанное с географией, рельефом, хозяйственным значением той или иной местности или именем, фамилией ее владельца. Посмотрите, сколько на карте в районе Верхней Двины таких названий: Козлово, Гришино, Минькино, Семеновское,

Макеево, Севастьяново, Антоново. А сколько больших и малых деревень — Горки, Заборье, Подлесье, Пустошь, Устье, Залучье, Лужки, Мох...

Но бывает и так, что основа первоначально всем понятного названия с течением времени так видоизменяется, что само это название уже перестает восприниматься в его прежнем смысловом значении и начинает жить своей новой жизнью, существовать как бы само по себе.

Так случилось и с Андреаполем. Вначале и мы недоумевали, откуда в Калининской области, в глубинке могло появиться такое «итальянское» название. А все оказалось удивительно просто, потому что основа у этого названия самая что ни на есть русская, народная и ничего иностранного здесь нет и в помине.

Рассказывают, что местный помещик Андрей Кушелев распахал на левом берегу реки Западная Двина на принадлежащих ему землях поле, которое по-местному и окрестили Андреевым полем. В старину полем обычно называли простор за городом, селением, безлесное, незастроенное обширное место, а также пашню, ниву, засеянную хлебом, или вообще приготовленный для сельскохозяйственных работ участок земли. Поэтому поле всегда противопоставлялось селению, лесам, горам, болоту.

В деревне подобные названия приживаются очень быстро, и сейчас многие покосы, пустоши, луга называются по имени их прежних владельцев: Марфина пустошь, Митькин луг, Ширяево поле... Совсем недалеко от верховьев Двины, возле деревни Волговерховье, на берегу озера Посемцы есть обширная безлесная поляна, которая и сейчас называется Новое поле. Раньше здесь был хутор, где жили переселившиеся в эти места несколько семейств из соседней деревни Рвеницы. Они расчистили и раскорчевали лес, засеяли землю рожью, построили избы. В отличие от старых, уже обжитых мест этот хутор и получил название Новое поле, которое сохранилось до наших дней.

Так было и с Андреевым полем. Постепенно это название распространилось и на всю местность вокруг. Во всяком случае уже с 1783 года селцо Мачихино называлось Андреево Поле.

Поэтому когда в 1905 году по этим местам пролегла железная дорога, то станцию называли не Дубна и не Мачихино, а Андреяполь, то есть Андрея поле. Местные старожилы вспоминают, что название станции писалось так вплоть до 1937 года. И только позже утвердилось современное написание — Андреаполь. Так русское слово «поле» превратилось в иностранное «поль», а маленький, ничем не приметный древний погост Дубна получил загадочное «заграничное» название, до сих пор удивляющее приезжающих сюда гостей.

Слово «поле» входит в состав многих других географических названий. Вспомним, например, Ходыньское поле, Воронцово поле, Девичье поле — в Москве, Марсово поле, Лодейное поле — в Ленинграде и Ленинградской области, Гуляй поле в Запорожской области, Рясское поле — в междуречье Прони и Рясы в Рязанской области и т. д. Очень распространены названия с окончанием на «полье»: Заполье, Долгополье, Краснополье, Белополье, Триполье, а также на «поль»: Чистополь, Борисполь, Григориополь. К этой категории топонимов относится и название Андреаполь.

Из железнодорожной станции и прилегающих к ней населенных пунктов и образовался поселок. Он удобно расположился в верховьях сплавной реки, берега которой были богаты строевым лесом, и возле железной дороги — важного средства транспортного сообщения.

Один за другим на берегах Двины стали возникать лесопильные заводы. Первый такой завод в Андреаполе основал в 1907 году предприимчивый купец Гейман. Спустя два года был построен другой лесопильный завод возле села Жукова. С проведением железной дороги отпала необходимость в сплаве леса вниз по Двине. Лес распиливали прямо в Андреаполе, а лесоматериалы грузили в вагоны на железнодорожной станции и вывозили в Ригу, Варшаву и другие города.

Но еще долго Андреаполь был обыкновенным поселком при железной дороге. Статус города он получил в 1967 году, став городом районного подчинения.

Широкая, скользкая от дождя улица скатывается с пригорка прямо в реку. Река и мост через нее видны издалека. Перегнувшись через перила, на мосту стоят мальчишки с удочками и ловят рыбу. Ловят рыбу и с берега, кто-то из ребят зашел в воду по колени и забрасывает леску в заросли травы: вместо червя на крючке болтается живец. По мосту время от времени с грохотом проносятся машины, и он долго скрипит и кряхтит, как столетний старик.

Двина здесь неширокая: метров 30—40, не больше. Она течет в песчаных, поросших кустарником берегах. Сверху видно, как течение тащит по дну небольшие камешки, серебрятся в воде стайки мелких рыбешек, в заводи степенно плавают домашние утки.

Я спустился под мост и зачерпнул ладонью воды. Она была темноватая и прохладная. От нее пахло свежестью и кувшинками. Плывущие мимо листья, обрывки водорослей, щепки стремительно неслись вниз и скрывались за поворотом.

Таким было наше первое свидание с рекой, которая на несколько дней должна была стать нашим спутником. Где-то там, впереди, откуда неслись эти листья и обрывки водорослей, начиналась великая

река, где-то там, за поворотом, рождалась эта упругая и мощная струя, которая потом превратится в могучую Западную Двину.

Городок в верховьях Двины нам понравился своей тишиной и милым, симпатичным обликом. Как и другие такие же городки Нечерноземья, он жил своей напряженной жизнью и, как мог, старался помочь сельским труженикам. Тишина, так понравившаяся нам, тоже имела свои причины: шла страдная пора, все взрослое население работало в деревнях на заготовке сена и кормов.

Об этом идет разговор в райкоме партии, куда я зашел, чтобы узнать из первых рук, чем живет город и район. Валентина Николаевна только недавно была избрана секретарем райкома по пропаганде, а до этого работала главным агрономом в районном сельхозуправлении. Наверное, поэтому и разговор наш начался с проблем, связанных с развитием сельского хозяйства района.

— Да, нечем нам пока хвастать, — призналась Валентина Николаевна. — Земли бедные: семьдесят процентов песок, много леса и болот. Поля крохотные — на них и трактору трудно развернуться, к тому же засоренные камнями. С отдельных полей больше камней собирают, чем картофельных клубней.

— А урожайность какая?

— Сто центнеров картофеля, восемь центнеров озимой ржи с гектара — разве это урожайность? Нет, нечем нам хвастать.

Андреапольский район принадлежит к группе северо-западных районов Калининской области, которые по своим природным и экономическим возможностям действительно являются самыми трудными районами калининского Нечерноземья. Так уж издавна повелось: Андреапольский, Пеновский, Торопецкий, Нелидовский, Бельский районы — это калининская глубинка, на которой областной план не сделаешь. Другое дело — Ржевский, Zubцовский, Кашинский районы — здесь и сельская экономика покрепче, и климатические условия лучше. А с кого можно больше получить, тому больше и перепадает из областного бюджета.

Калининская область со своими скудными землями издавна находилась в сфере притяжения Ленинграда — города, куда уезжала молодежь после окончания школы, службы в армии. До революции мужчины уходили на отхожие промыслы, плотничали, работали извозчиками, мостили петербургские улицы... На лето возвращались, чтобы помочь оставшимся женщинам по хозяйству, на сенокосе, в уборке урожая.

Отток людской силы после Великой Отечественной войны принял такие масштабы, что калининские села, как и деревни других областей Нечерноземья, стали пустеть и «стареть». И на Селигере, и в иных ме-

стах Калининской области появились безлюдные деревни с опустевшими избами, окна которых крест-накрест забиты досками. Это значит, что хозяева покинули свои родные места и уехали кто куда. Много таких бывших деревень мы встречали на своем пути.

Видя это, руководители области забили тревогу. Чтобы как-то сократить отток сельского населения в Ленинград, они в свое время добились, чтобы на ленинградских предприятиях не принимали на работу жителей Калининской области. Но и эта чрезвычайная мера, естественно, не смогла решить проблему закрепления молодежи на селе. Нужны были другие, не административные, а экономические и социальные меры, чтобы возродить нечерноземную деревню: развивать сельское хозяйство, строить дороги, жилье, школы, больницы, дома культуры и на этой основе закреплять население и поднимать экономику района.

— Вот в Хотилицах у нас за это взялись всерьез, — Валентина Николаевна кивнула на висевшую на стене карту района. — Сейчас там строится современное село со всеми необходимыми социально-культурными объектами. И молодежь туда едет охотно, и экономика колхоза на подъеме. А в других селах и деревнях еще много нерешенных проблем.

Медленно развивается и центр района — город Андреаполь. Местная промышленность крайне слаба: лесокombинат, фарфоровый завод да несколько небольших предприятий — вот и вся районная индустрия.

— Правда, начали было несколько лет назад строить крупный цементный завод на местном сырье. Завезли оборудование, технику, материалы. Все радовались: ведь по проекту на заводе должны были работать около 9 тысяч человек — столько же, сколько сейчас живет в городе. Можно сказать, построить еще один такой же Андреаполь.

Памятник 500-летия г. Андреаполя.
Установлен в 1989 г.

Как бы это двинуло вперед экономику города, решение социальных вопросов, укрепило бы нашу районную партийную организацию. Но радовались недолго.

Вскоре прибыл министр из Москвы. Походил по стройплощадке, осмотрел завезенное оборудование и технику, поговорил со специалистами и отбыл обратно. А потом из министерства пришло распоряжение — стройку законсервировать, технику перебросить на другие объекты, все работы свернуть.

От бывлой стройки остался забор с теперь уже никому не нужным оборудованием да несколько пятиэтажных домов, которые успели построить для будущих работников завода. Дома стоят и поныне на окраине Андреаполя, в них живут люди, и это, пожалуй, единственное, что досталось в подарок городу от несостоявшегося цементного гиганта.

Да, в области экономики, повышения эффективности сельского хозяйства, урожайности сельскохозяйственных культур успехи Андреапольского района выглядят более чем скромно. Но разве так уж беден этот лесной район?

Я посмотрел в окно: где-то там за городом синели далекие и безбрежные леса, которыми покрыта большая часть района, таились обширные клюквенные и морошковые болота, внизу под пригорком мерцали темные воды Двины, которая начиналась где-то совсем неподалеку отсюда. Разве это не богатство, разве это не надо ценить?

Я вспомнил, как сегодня утром мы забежали на городской базар: прилавки были завалены грибами, малиной, морошкой и брусникой. Ими бойко торговали прямо из плетеных лукошек, и над базаром стоял густой и терпкий запах леса. Неужели и это не богатство?

Может быть, если как следует, по-хозяйски подсчитать, то экономику района как раз и следует поднимать не только за счет скудных сельскохозяйственных угодий, а за счет правильного, рачительного использования того, что дает нам природа: лесов и рек, охотничьего хозяйства, сбора грибов и ягод, организации индустрии отдыха?

— Нет, — вздыхает Валентина Николаевна, — без молодежи, без кадров мы деревню не поднимем. А молодежи-то как раз с каждым годом все меньше остается на селе.

Впрочем, есть у нас в городе человек, который один сделал для воспитания нашей молодежи неизмеримо больше, чем все наши доклады, беседы, призывы. Это учитель и краевед Эдуард Эдуардович Шимкевич. У нас его знают все. «Университет» Шимкевича прошли сотни учеников нашей местной школы. Это он организовал краеведческий кружок, районный краеведческий музей, он привил ребятам интерес и

любовь к нашей земле, нашему краю. Он и на исток Западной Двины водил своих питомцев, и все окрестные деревни обошел в поисках музейных экспонатов. Интересный, любознательный и равнодушный человек. Вам надо обязательно с ним познакомиться. Шимкевич — живая память нашего района.

Краевед Шимкевич. *Краеведческие университеты школьного учителя истории*

Дом Шимкевича мы нашли без труда: его бывшие ученики — а их здесь полгорода — хорошо знают и любят старого учителя. Эдуард Эдуардович встретил нас на террасе. Седой, стройный, с внимательным взглядом чуть усталых глаз. Несмотря на возраст, в нем сразу угадывалась былая военная выправка.

Есть в русском языке слово — «краевед». Так называют людей, которые не только хорошо знают, но и любят свою землю, где они живут, свой город, свой поселок, свою деревню. Очень часто это учителя, врачи, среди них встречаются люди и других, самых разных профессий — журналисты, охотоведы, лесники. Многие из краеведов — ветераны войны и труда. Однако не профессия, и даже не уровень образования определяют их беззаветную любовь к своему краю, к своим родным местам, их истории, прошлому и настоящему. У всех них есть черты, которые роднят их друг с другом. Это удивительная любознательность, равнодушие ко всему, что их окружает, и поразительное бескорыстие.

Они собирают материалы об истории городов и деревень, ищут археологические памятники, в поисках новых интересных сведений допоздна просиживают в библиотеках, совершают краеведческие экспедиции. И все это не для собственной славы, и уж, конечно, не ради личной выгоды. Да и о какой тут выгоде может идти речь, когда на свои деньги, а часто и на весьма небольшую пенсию снаряжаются краеведческие экспедиции, ведутся поиски, приобретаются экспонаты, когда на это тратят и свое свободное время, и отпуска. И все для того, чтобы ощутить связь времен, чтобы сделать жизнь людей духовно богаче.

Как правило, это беспокойные люди, которых иногда называют чудаками и, прямо скажем, не всегда понимают: «И что им надо — сидели бы дома. Вот чудаки!»

А чудаки долго копаются на пыльных чердаках и выискивают в старой рухляди древние книги или старинные иконы, собирают предметы быта и старую одежду, записывают песни и старинные обряды,

составляют летописи и собирают документы об участии односельчан в Великой Отечественной войне, оборудуют комнаты боевой славы, создают краеведческие музеи.

Для чего они это делают? Для того чтобы сохранить историю и народную память, чтобы пробудить у своих земляков, их детей, школьников законную гордость за свою землю, за тех, кто жил раньше и живет сейчас на ней и кто сделал ее такой, какая она стала теперь.

Совсем недалеко от Андреаполя, в деревне Малые Переволоки, что стоит на древнем водном пути, связывавшем Волгу и Ловать с верховьями Западной Двины, живет Иван Иванович Смирнов. Долгое время он работал заведующим сельским Домом культуры в селе Ворошилове. По душевному призванию и по складу своего характера он прирожденный краевед. За пятнадцать лет этот неугомонный человек сделал то, что не каждый может совершить и за всю свою жизнь. Здесь лучший в районе народный хор, лучшая агитбригада, лучшая комната боевой славы и лучший краеведческий музей. Его тоже создал Иван Иванович. Все экспонаты, представленные в музее: старинные книги, каменные кресты, иконы, документы, редкие монеты, крестьянская утварь — тоже собраны им.

Это он спас от разбазаривания резной деревянный иконостас из заброшенной Отоловской церкви, перетаскивая чуть ли не на себе по разбитой проселочной дороге за восемь километров от Ворошилова ценности в музей. Зачем? Кому нужны эти лапти, монеты, иконы и прочая музейная рухлядь? И зачем надо было выкапывать и везти в музей каменный крест, что издревле стоял на протоке возле теперь уже не существующей деревушки Заозерье? И зачем создавать летопись села, возрождать старинный обряд посиделок? Иван Иванович твердо уверен: это надо для того, чтобы знать свою землю, свою историю. А история — она не только в учебниках и городских музеях, она вокруг нас, в каждом селе, в каждой деревне, в каждом доме.

А. М. Горький, придавший важное значение развитию отечественного краеведения, однажды очень точно сказал: «Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и построить будущее». А не научившись любить свой родной край, вряд ли можно научиться любить и свою Родину. Вот почему надо шапку снимать перед этими скромными и бескорыстными тружениками. Сберегая старые книги, одежду, фотографии, документы, они сберегают нечто большее — народную память, тот нравственный и культурный капитал, без которого не может существовать ни один народ.

К этому бескорыстному племени краеведов-энтузиастов принадлежит и Эдуард Эдуардович Шимкевич — учитель истории андреаполь-

ской средней школы¹.

В его обязанности школьного учителя истории вовсе не входило вести со школьниками занятия краеведением, а тем более создавать краеведческий музей. Но по глубоким нравственным убеждениям Эдуарда Эдуардовича, без этого нельзя представить себе работу школьного учителя. Для него занятия краеведением были естественным продолжением его уроков, важным средством воспитания и обучения школьников. Шимкевич не ограничивался одними школьными занятиями — проводил краеведческие походы с учениками, обследовал окрестности Андреаполя, увлек ребят историей города, собиранием документов. И сейчас те ученики Шимкевича, с которыми нам довелось беседовать, больше помнят не школьные уроки, а туристские походы и скромную комнату школьного краеведческого музея. Здесь они предметно познавали историю и географию, здесь впервые поняли простую истину: каждый человек должен знать свои истоки.

А история была вокруг них: Эдуард Эдуардович водил ребят на древние городища, каких немало в окрестностях Андреаполя, по местам боев Великой Отечественной войны, школьники вместе со своим учителем совершали многодневные походы по Западной Двине, были на ее истоке и даже установили памятный столб с надписью: «Здесь начало Западной Двины». Через занятия краеведением прошли несколько поколений андреапольских ребят.

Шло время, и маленькая школьная комната уже не могла вместить все собранные юными краеведами экспонаты. Под музей выделили дополнительное помещение, ребята сами оформили стенды, организовали несколько разделов: древней истории, Великой Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, истории города. Нашли и выставили фотографии знатных земляков... Школьный музей стал важным средством обучения и воспитания учащихся. Многие уроки истории и географии проходили в его помещениях.

Известность музея вышла за пределы школы. Сюда стали заходить и жители Андреаполя, всем было интересно узнать, чем же примечателен их родной городок. Вскоре музей стал нужен не только школе, но и всему району. Музей расширял свои собрания, и в 1972 году ему присвоили статус районного краеведческого музея. Выделили более просторное помещение в центре города, помогли оформить экспозиции, создали совет музея, куда вошли ветераны партии, Отечественной войны, представители комсомольской и других общественных организаций. Здесь проводились экскурсии, устраивались

¹ К сожалению, в 1990 г. он ушел из жизни. В 2010 г. исполнилось 95 лет со дня его рождения (А. П. 2012)

Иван Иванович Смирнов (1940—1998) — краевед, основатель и руководитель краеведческого музея в д. Ворошилово Пеновского р-на Калининской (Тверской) области

встречи ребят с ветеранами войны и труда, торжественно принимали в пионеры школьников.

С самого начала основания музея и до 1983 года — выхода на пенсию — Эдуард Эдуардович руководил районным краеведческим музеем на общественных началах. Руководил бескорыстно, проводил бесплатные экскурсии, отдавая все свое свободное время, хотя годы уже брали свое. Жители города видели, как по утрам в любую погоду шел к музею этот седой человек с военной выправкой. Он служил музею беззаветно и бескорыстно, не требуя ни вознаграждения, ни похвалы.

— Мало мы внимания уделяем краеведению, мало. Музей — народная память, а память надо беречь как зеницу ока. — Эдуард Эдуардович сказал это убежденно и твердо. Но в словах его послышалась и какая-то глубоко спря-

танная, затаенная грусть. Или мне показалось?

— Поверьте мне, много повидавшему в жизни, чувство Родины не рождается само по себе. Его надо воспитывать.

Он внимательно взглянул на своего маленького внука, тихо сидевшего рядом, затем перевел взгляд на сад, видневшийся через открытую дверь террасы, за которым несла свои воды Западная Двина, и продолжил:

— Там, на фронте, по ночам мне снился наш поселок, вот этот дом, где я вырос, и река, в которой мы купались еще мальчишками. Знаете, было такое чувство, что я сражаюсь не только за Родину вообще, но и за этот дом, за эту улицу и эту реку, за маленький клочок земли, где я родился и вырос. И который я никому не отдам, как бы тяжело и трудно мне ни было.

Эдуард Эдуардович повернулся ко мне лицом, и только тут я заметил шрам возле глаза — след от давнего ранения.

Он ветеран Великой Отечественной войны, воевал под Москвой,

брал Варшаву, сражался под Берлином. Прошел путь от старшего сержанта до капитана Войска Польского. Я недоуменно смотрю на собеседника. Словно понимая мой вопрос, он встает, уходит в соседнюю комнату и возвращается с книгой, на обложке которой золотом вытеснено название «Под знаменем 4-й Поморской дивизии им. Яна Килинского», изданной в Варшаве в 1978 году.

Эту книгу прислали ему однополчане из Польской Народной Республики, где Э. Э. Шимкевич воевал в составе 4-й Поморской дивизии. Как он, уроженец Андreaполя, попал в Войско Польское? Потому, считает Эдуард Эдуардович, что отец его был по национальности поляк, а сам он с детства хорошо знал польский язык. И когда на территории нашей страны стало формироваться

Войско Польское, он, как знающий польский язык, попал в польскую дивизию, куда для передачи боевого опыта Красной Армии были направлены многие советские солдаты и офицеры.

На фронте всем родам войск приходилось тяжело, Но Эдуард Эдуардович всю войну провел в разведке, а в разведку слабых не брали. Да и немногим разведчикам выпало счастье дожить до Победы.

Я листаю книгу и несколько раз натываюсь на фамилию Шимкевич. Прошу Эдуарда Эдуардовича перевести некоторые страницы с польского на русский. Он переводит и делает свои краткие комментарии.

«12 декабря 1944 г. командир 10-го пехотного полка Потапович создал разведгруппу, в которую вошли добровольцы из трех батальонов полка... Цель — разведка боем в районе Варшавы и захват «языка». Командиром группы назначен подпоручик Э. Шимкевич. Форсировав Вислу ночью по льду, разведчики ворвались в окопы немцев... Была получена точная информация о противнике, стоявшем на противоположном берегу Вислы в Варшаве против фронта 4-й дивизии... Особенно отличились в проведении этой операции подпоручик Эдуард

Эдуард Эдуардович Шимкевич (1915—1990) — краевед, исследователь верховьев Зап. Двины, основатель Андреапольского краеведческого музея. *Фото 1986 г.*

Шимкевич, командир разведки подпоручик Чеслав Отовчиц, подпоручик Офранцышек Петельчик, хорунжий Стец, подхорунжий Евгений Коноровский...»

— За этот бой я был награжден польским орденом Крест Валечных (Крест Борцов), — комментирует Эдуард Эдуардович. — К рассказу мне добавить нечего. Разве только то, что успех разведки был еще обеспечен фактором внезапности. Я сожалею, что за давностью лет не могу продолжить список тех, кто участвовал в этом бою. 17 января 1945 года Варшаву освободили части Советской Армии.

А вот еще один эпизод из боевой жизни Э. Э. Шимкевича. Он относится к концу войны, когда 1-й Белорусский фронт, в состав которого входила 1-я армия Войска Польского, начал наступление от Берлина на Эльбу. Дивизия поляков встретила ожесточенное сопротивление фашистов.

«Обстановка с каждой минутой ухудшалась, и когда немецкие танки вползли на пригорок и открыли огонь по расположению полка сбоку, она стала критической. Командиры подразделений сделали все, чтобы оградить полк от потерь. Особенно хорошее умение руководить боем, смелое применение тактических приемов показали командиры батальонов поручик Эдуард Шимкевич и Егор Коледников...»

— Да, наша дивизия вела тогда непрерывные бои, — вспоминает Эдуард Эдуардович. — И вышла к Эльбе после разгрома фашистов в районе города Клитц. Было это 6 мая в 6 часов. Наши части заняли восточный берег Эльбы. Это был конец боевого пути 4-й дивизии пехоты имени Яна Килинского. На Эльбе нас сменили части 47-й армии. А дивизию направили в освобожденную Польшу на отдых. Мне вместе со штабом 10-го полка 7 мая пришлось побывать в Берлине. Я ходил по развалинам города, был возле Бранденбургских ворот, во дворе имперской канцелярии, где за неделю перед этим покончил жизнь самоубийством Гитлер. Над Берлином еще не рассеялся пороховой дым, пахло горелым человеческим мясом, а возле походных кухонь советских войск уже выстроились очереди берлинцев.

Не только мы, но и внук Эдуарда Эдуардовича с интересом слушал рассказ ветерана. Судя по всему, Шимкевич не очень-то любил рассказывать о своих военных подвигах.

— А вечером этого же дня я был в третий раз ранен шальной пулей из-за угла уже во взятом Берлине. Пуля ударила меня в скулу — и в этом было мое солдатское счастье. Она скользнула по левой щеке и оцарапала ухо. От контузии я потерял сознание и упал. Но остался в строю, так как по молодости посчитал контузию легкой, да и надо было догонять мою дивизию: она была уже на выходе из Берлина. А вот

сейчас, — он провел по щеке, — так старая контузия дает себя знать: и глаза стали плохо видеть и голова побаливать, поэтому и вышел на пенсию.

Эдуард Эдуардович закурил, и его строгое и суровое лицо вдруг озарила довольная улыбка.

— 8 мая где-то около 21 часа в Берлине вдруг началась бешеная пальба. Стреляли в воздух наши солдаты из всех видов ручного оружия. Так они выражали свое ликование и радость по случаю безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Закончилась чудовищная и последняя из всех когда-либо бывших войн. Так мы тогда думали...

Эдуард Эдуардович показывает свои боевые реликвии, которые он надевает по торжественным дням. Среди них советские награды — орден Боевого Красного Знамени, медаль «За взятие Берлина», польские ордена — орден Грюнвальда, Крест Валечных, медаль за заслуги...

— Когда я, советский человек, вспоминаю о своей службе в Войске Польском, я горжусь этим так же, как гордились и гордятся бойцы интернациональных бригад своим участием в сражении с фашистами на стороне революционной Испании. Это был наш интернациональный долг, и я рад, что мы, советские люди, выполнили его с честью.

Теперь мы уже другими глазами смотрим на Эдуарда Эдуардовича — краеведа, историка, ветерана-интернационалиста. Так вот откуда у него этот живой интерес ко всему, что связано с войной, с поисками героев-земляков, не вернувшихся домой. Впрочем, вряд ли это можно назвать интересом — это боль сердца и души, это неоплатный долг перед теми своими друзьями, товарищами, однополчанами, кто уже никогда не увидит нашу землю, за которую они отдали жизнь.

Эдуард Эдуардович принадлежит к тем людям, которым интересно жить и которые охотно делятся со всеми тем, что знают сами. Приезжают к нему ученые из Латвии. Просят: «Покажите дорогу на исток Двины». Он вместе с ними совершает это неблизкое путешествие в качестве проводника. Археологи из Москвы считают: «Лучше Шимкевича никто не знает, где искать древние славянские захоронения». Он и с ними колесит по району, ищет, показывает, советует. О нем пишут местные областные газеты «Калининская правда» и «Смена». Он сам выступает в печати с краеведческими материалами.

Несколько раз ходил на верховье Двины с ребятами из краеведческого кружка. Этим он, пожалуй, гордится больше всего. В первый раз был там в 1945 году — сразу после войны. Потянуло туда какой-то неведомой силой. Вдруг захотелось узнать, а что же там, за поворотом реки, откуда она течет и где начинается. Это была его давняя детская мечта —

пройти по берегу реки и найти то место, откуда она вытекает. Об этом он думал, когда утром просыпался и выходил на берег Двины, которая проносилась мимо его дома, когда сидел еще мальчишкой на мосту, свесив вниз ноги, и смотрел на неподвижный поплавок на темной поверхности воды.

Тогда, в свое первое путешествие вверх по Двине, он шел по берегу сквозь леса и болота, а его зоркий глаз бывшего разведчика, помимо его воли, по привычке отмечал: вот по этому полю лучше было бы проползти ползком — слишком оно открыто, а вот этот редкий лесок надо бы скорее миновать короткими перебежками. Он вздрагивал от каждого треска ветки и замирал, думая, что вот сейчас тишину разорвет сухая дробь автоматной очереди. Ведь он все еще жил войной и, как все фронтовики, не сразу привык к тишине. Это было его первое мирное путешествие. Но это тоже был поиск: только не «языка» и не замаскированных огневых точек противника, это был мирный поиск отвоевавшего свое советского солдата. Вчерашний разведчик искал начало Западной Двины.

— Ну и как, нашли? — спрашиваю я.

— Начало нашел — ручеек, который впадает в озеро Двинец. Низинка там есть такая, луговина, вот там из болота и вытекает Западная Двина.

Потом ходил на исток с ребятами, когда работал учителем истории. Увлёк ребят идеей отыскать начало реки и установить там памятный знак. Потому что вычитал в литературе, что, как это ни странно, у Двины не было точно обозначенного начала.

В рюкзаках ребята вместе с палатками и продуктами несли мешочки с цементом и камни-булыжники. В каждом рюкзаке — по одному камню. Без этого в экспедицию не брали. И как ни было трудно ребятам в походе, никто не выкинул из рюкзака ни цемент, ни булыжник, а дотащили их до нужного места.

Вот тогда, сорок лет назад, юные краеведы сложили из доставленных в рюкзаках камней большую каменную горку, в центр поставили (как древние землепроходцы) деревянный столб и залили фундамент цементом. Потом по праву первооткрывателей прокричали троекратное «ура». На столбе краской сделали надпись: «Здесь начинается река Западная Двина».

Спустя двадцать лет это место посетила новая экспедиция андрепольских краеведов. Почерневший от дождей и непогоды столб нашли с трудом, так разросся вокруг лес. Но когда нашли, то увидели у каменного основания бутылку из темного стекла, плотно закупоренную пробкой. Точь-в-точь такую, какие в старые времена, если верить мор-

ским рассказам, кидали в море путешественники, потерпевшие кораблекрушение. А в бутылке записка.

— Я уже не помню ее дословный текст, — рассказывает Эдуард Эдуардович. — Но когда мы ее вынимали, то у ребят было такое же чувство, как у детей капитана Гранта. Поверьте, все мы, и я в том числе, почувствовали себя великими путешественниками, нашедшими следы исчезнувшей экспедиции.

— А что же было в записке?

— Там было всего несколько слов. Туристы из Риги писали, что принесли сюда, на начало Двины, привет от широкой и полноводной реки Даугавы. Примерно так. А у подножия столба, помню, лежал высохший букетик полевых цветов. С тех пор прошло уже более двадцати лет, не знаю, сохранился ли этот знак.

Потом я долго расспрашиваю Эдуарда Эдуардовича о дороге к верховьям Двины. Он берет лист бумаги и чертит схему нашего пути. В ней есть и реки, и дороги, и развилки, и деревни, и отдельно стоящие дома. Пунктиром указана линия нашего движения, и вся схема напоминает разработанную до мельчайших подробностей стратегическую операцию по прорыву обороны противника. Для ясности Эдуард Эдуардович делает прямо на полях пометки: «Здесь болото», «Брод», «Влево не надо», «Санаторий летчиков», «Линия электропередачи», «Переправа».

Наш маршрут не умещается на одном листе, и Эдуард Эдуардович решительно ставит на нем цифру 1, а на другом цифру 2. Потом, когда мы двинулись вверх по Двине, мы с большой благодарностью вспоминали советы старого краеведа, его самодельную карту окрестили «картой Шимкевича», а обозначенный на ней маршрут — тропой Шимкевича.

Правда, был у этой карты один изъян: лист 2 обрывался на озере Охват, не дотянув километров 25—30 до начала Двины.

— Ничего, — утешал нас Эдуард Эдуардович, — дойдете.

Как жаль, что я не расспросил его тогда, как отыскать исток Двины, и не обратил внимание на то, что Эдуард Эдуардович почему-то не произносил слова «исток», все время говоря о «начале» реки.

Мы условились на следующее утро вместе осмотреть экспозицию краеведческого музея. Правда, при слове «музей» Эдуард Эдуардович как-то странно посмотрел на меня. Но в отделе культуры райисполкома заверили: музей существует, хотя совсем недавно он переехал на время ремонта из старого здания в вечернюю школу рабочей молодежи.

— Временно переехал, — сказали мне.

Школьный городок раскинулся на другой стороне Двины. Там, на высоком пригорке, поросшем белыми березами, где раньше находилось сельцо Мачихино, стояло несколько домов — новое каменное здание средней школы, выкрашенная в зеленый цвет двухэтажная музыкальная школа и старое бревенчатое здание школы рабочей молодежи. Именно здесь, как нас уверяли, и должен был располагаться краеведческий музей. Но вывески не было, да и ключи, которые мне выдали в отделе культуры, не подходили к двери, и мы с Эдуардом Эдуардовичем, потоптавшись на скрипучем крыльце, были вынуждены оставить попытку проникнуть в музей.

Шимкевич был тих и грустен. Он как-то отрешенно смотрел на школу, где в одной из комнат были свалены музейные экспонаты, которые он с такой любовью и самоотверженностью собирал со своими учениками все эти послевоенные годы. Потом обернулся ко мне и виновато улыбнулся. Весь его облик как бы говорил: «Вот, видите, я же вас предупредал».

Я не знаю, возможно, действительно музей не работал временно. И нам, как говорится, не повезло. И может быть, правы работники отдела культуры райисполкома, когда совершенно искренне заверяли нас: «Вот приезжайте к нам в следующем году, увидите, все будет в порядке». Возможно, это и так. Но отчего-то больно и грустно было смотреть на как-то сразу ссутулившегося школьного учителя, долготные труды которого были заперты на замок и пылились где-то там за дверью, на скрытых от людских глаз стеллажах¹.

Эдуард Эдуардович не сказал ни слова осуждения, но я прочел в его глазах глубокую боль и обиду. Может быть, он думал о том, что не зря прожил свою жизнь, что научил ребят любить свою землю, свой маленький и уютный городок, что много сделал для пробуждения в них интереса к истории, к героическим подвигам своих земляков, а может, он думал о человеческой невнимательности, равнодушии, о безразличии к нашей памяти, к тому делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

Как просто, оказывается, иногда можно ранить человека черствостью, равнодушием к тому, что он делает. И как важно бывает вовремя поддержать инициативу, усилия, энтузиазм таких нужных для города людей, как Эдуард Эдуардович Шимкевич.

Мы прощаемся с Эдуардом Эдуардовичем у моста через Двину. Он жмет нам на прощание руки, и в глазах его я опять вижу затаенную грусть.

¹ В настоящее время районному краеведческому музею присвоено имя его основателя — Э. Э. Шимкевича, а его дело продолжает новый директор музея — В. Линкевич, много делающий для изучения андреапольского края

— Я бы сам вместе с вами сходил на исток, — говорит он. — Но возраст, возраст...

И я понимаю, что он немного завидует нам, этот старый учитель, солдат и краевед.

В ту пору ему шел восьмой десяток.

Хранители памяти. Зачем нужны краеведы?

У меня особое отношение к краеведам. Я люблю их за подвижность, за бескорыстие, за любознательность. Я уважаю их за неиссякаемую любовь к родному краю, за удивительный и неподдельный интерес к его истории, за развитое чувство хозяина земли, где они живут. За их непримиримость к равнодушию, к обывательщине, к головотяпству, которых не так уж мало в нашей жизни. Это люди социально активные, беспокойные, часто бескомпромиссные, с ними не так просто жить местным руководителям, но без них жизнь была бы беднее и менее интересной.

Краеведение — это социальное явление. Оно тесно связано с воспитанием молодежи, с развитием ее самосознания, ответственности, инициативы. По степени развития краеведения, его массовости, его влияния на жизнь общества можно судить о зрелости самого общества.

Если понимать под краеведением не только научное изучение своего края, а вообще его познание, собирание сведений о нем, его истории, природе, хозяйстве, то можно утверждать, что история краеведения насчитывает несколько тысячелетий. Первыми краеведами были мореплаватели и мореходы, открывшие дальние, дотоле не известные континенты, моря и океаны, древние рудознатцы, которые нашли и стали использовать залежи руд и других полезных ископаемых, это те, кто освоил старинные речные пути и волоки, кто первым научился отличать полезные растения от ядовитых, вести наблюдения над животными, окружающей природой. Из пристального внимания человека ко всему, с чем он сталкивался в повседневной жизни, иногда из обыкновенного любопытства, а иногда из глубочайшего интереса, из стремления разобраться и приспособиться ко всему, что его окружало, из умения выделить из огромного количества наблюдений и обычного житейского опыта наиболее ценные сведения, которые накапливались от поколения к поколению, и возникло краеведение. Исследователями, открывателями тайн родной природы были и те, кто первым начал добывать огонь, приручил собаку, «изобрел» железо, научился ловить рыбу, пахать, строить дома, использовать полезные растения.

Краеоведами, историками и географами можно назвать и древнерусских летописцев, авторов произведений областной литературы, всевозможных актов, грамот, описаний путешествий и т. д. Уже тогда на Руси летописные своды составлялись по определенным областям — есть летописи киевские, псковские, новгородские, вологодские, великоустюжские, тверские. Все они отличались друг от друга не только описанием различных исторических событий, но и их толкованием, трактовкой. Каждая летопись несет в себе известную долю местного патриотизма.

Систематическое научное изучение нашей Родины началось около 300 лет назад и связано с именем Петра I, проявлявшего большой интерес к русской истории. Именно тогда начали создаваться первые краеведческие музеи, собираться сведения по губерниям о диковинных камнях, древних изваяниях, отыскиваться старинные книги, иконы, летописи, браться на учет городища, курганы и могильники.

Центром этой работы стала Российская академия наук, открытая в 1725 году. Она организует географические экспедиции, ведет естественнонаучные исследования в различных местностях России, активно участвует в сибирском и камчатском путешествиях Беринга, а затем в проведении известных экспедиций Гмелина, Палласа, Лепехина.

В 1761 году М. В. Ломоносовым разрабатывается план изучения России, в котором значительное место отводится обследованию минеральных богатств страны. По всей Российской империи рассылается составленная ученым анкета из 30 вопросов — первая программа краеведческого исследования городов, губерний и государства. В сборе материала принимало участие и местное население.

Интенсивное исследование России продолжалось и в XIX веке. Особенно широкий размах оно получило в связи с созданием в 1845 году Русского географического общества, ставшего центром нового движения, получившего название отечествоведения.

Но и тогда, когда в России стали развиваться науки, накопились достоверные сведения об окружающем мире, появились ученые-специалисты в различных областях знаний, краеведение не утратило своего значения, своей роли и привлекательности. Потому что краеведение во все не подменяет и не заменяет науку. Его задача — всестороннее изучение малых территорий: деревни, села, города, района, а следовательно, изучение местных условий и особенностей путем личных наблюдений и исследований, сбора материалов, экспонатов. Конечно, краеведение использует при этом данные различных наук — географии, истории, этнографии, археологии и т. д. Но в отличие от фундаментальных наук, оно не препарировывает явление на определенные части, стороны, грани, а

исследует его в комплексе, в том виде, в котором оно существует в действительности. Вот эта-то конкретность, предметность изучения и является одной из важных сторон краеведения. А другой его чертой и особенностью является демократичность, общественный, добровольный, любительский характер. Нельзя в приказном порядке декретировать, чем должны заниматься краеведы на месте, нельзя требовать от них выполнения определенного плана, навязывать изучение тех или иных тем. Ведь краеведение — это увлечение, и каждый волен изучать и исследовать то, что он считает для себя интересным, важным и необходимым. Но, как и любое общественное движение, краеведение, естественно, развивается в рамках общества и решает своими средствами те задачи, которые являются актуальными для данного этапа его развития. И в этом состоит его огромное социальное, общественное, воспитательное значение, которое трудно переоценить.

Интерес к прошлому, к своим истокам — это, пожалуй, одно из важных проявлений национального самосознания. В этом ряду стоят и первые наши историки-краеведы — В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, Н. М. Карамзин и многие наши писатели, начиная с А. С. Пушкина. В этом же ряду и многочисленные, подчас неизвестные широким массам любители истории края, которые первыми заинтересовались разбросанными по полям курганами, древними городищами, камнями с загадочными знаками, каменными крестами и изваяниями, стоящими на старинных погостах.

Особенно интенсивно развивается краеведение в России с середины XIX века. Начинают выходить статистические сборники, памятные книжки губерний, труды ученых архивных комиссий, путеводители и краеведческие сборники. При губернских управлениях создаются статистические комитеты, вводятся специальные «Прибавления» к газетам «Губернские ведомости», которые начали выходить с 1838 года. Они становятся своеобразными органами местных любителей края. В неофициальной части «Губернских ведомостей» помещаются материалы по истории, географии, экономике данной губернии, сочинения местных литераторов. Составляются первые археологические карты губерний, организуются первые краеведческие музеи, выходят первые краеведческие сборники — «Тверская старина», «Костромская старина», «Ярославская старина». Исторические и краеведческие материалы охотно печатаются в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Вестник Европы», а также в популярных исторических изданиях второй половины XIX — начала XX веков: «Русская старина» и «Русский архив», издателем которого был известный историк и коллекционер старинных рукописей П. И. Бартнев.

Не стала исключением и Тверская губерния, давшая России целую плеяду выдающихся деятелей науки и культуры.

Около 1655 года под Калязиным в крестьянской семье родился Павел Роговский — первый доктор философии в России. Выходец из простого народа, он своим талантом, упорным трудом постиг все тогдашние науки и добился признания своей учености не только в России, но и за рубежом. Высоко ценили его и на родине. В 1699 году он стал ректором Московской славяно-греко-латинской академии — того самого учебного заведения, которое окончил М. В. Ломоносов.

С 1766 года работал в Твери Л. Ф. Собакин — губернский математик, известный изобретатель XVIII века. В 1787 году он написал книгу «Лекции о разных предметах, касающихся до механики, гидравлики и гидростатики...»

В XVIII веке в Осташкове жил знаменитый русский математик Леонтий Филиппович Магницкий — автор популярной в те времена «Арифметики». В селе Кравотынь на Селигере родился известный художник XVIII века, талантливый самородок Миня Колокольников. Везло Твери и на литераторов — здесь жил баснописец И. А. Крылов, служивший в губернском магистрате, неоднократно бывал великий русский драматург А. Н. Островский, совершивший в 1855 году путешествие на исток Волги.

В Твери в 1843—1853 годах вице-губернатором служил писатель И. И. Лажечников, недолгое время (с 1860 по 1862 год) исполнял эту хлопотливую должность М. Е. Салтыков-Щедрин. Два года (с 1826 по 1828 год) был тверским вице-губернатором журналист и баснописец А. Е. Измайлов, да не ужился с местным дворянством и после жалобы на него местных «отцов города» вынужден был перевестись в другое место.

Тверская земля — это родина известных землепроходцев, путешественников и флотоводцев, замечательных патриотов нашего Отечества. Многим из них стал тесен родной край — их звали новые земли, новые страны, новые открытия, Волга была той широкой дорогой, которая позвала в далекий путь многих тверяков. Из Твери вниз по реке в далекую Индию уплывал наш первый землепроходец Афанасий Никитин, открывший эту дотоле неведомую страну задолго до экспедиции Васко да Гамы. Из маленькой деревни Овсища в таинственные азиатские дали ушел будущий исследователь Тибета, соратник Пржевальского Всеволод Роборовский. Тесна оказалась родная Рясна и для будущего флотоводца, героя Севастополя адмирала Корнилова.

Но где бы они ни были и как бы далеко от дома ни забрасывала их судьба, они всегда с признательностью вспоминали свои истоки, свой

суровый, но до боли родной край, который они любили искренней сыновней любовью. И всегда стремились вернуться обратно, как Афанасий Никитин, сложивший свою голову где-то на Смоленщине, на пороге тверской земли, на которой он не был в течение шести долгих лет странствий.

Почему-то считается, что открывать дальние страны интереснее и романтичнее, чем постигать землю, на которой живешь, где родился. Но среди тверяков нашлось немало замечательных людей, для которых изучение родного тверского края стало не менее интересным и увлекательным, чем путешествия по дальним странам. И здесь их тоже ожидали замечательные открытия.

Но что нам известно о первых тверских краеведах, заложивших научную основу для изучения родной земли? Кто знает фамилии Д. И. Карманова, Н. Н. Коншина? Кто знает о А. Г. Жизневском, В. А. Плетневе, наконец, о Ф. Н. Глинке, но не как декабристе и общественном деятеле начала и середины XIX века, а как историке и тверском краеведе? А ведь усилиями поколений именно таких бескорыстных и увлеченных людей еще задолго до революции создавались основы краеведческого изучения краев и регионов, без чего невозможно было бы развитие и советского краеведения. Увы, многие их имена и дела до сих пор неизвестны широким массам и знакомы лишь узкому кругу специалистов.

Вот почему хочется вспомнить хотя бы о нескольких из них, так много сделавших для исследования тверского края. Они достойны того, чтобы их имена были восстановлены в нашей памяти, не были преданы забвению. То, чего они достигли своим трудом, те факты и сведения, которые они добыли напряженной работой, служат сейчас нам и будут служить грядущим поколениям. Все это они делали не для себя, а для нас, и все это достойно самого высокого уважения.

Первым краеведом и историком Твери стал сын тверского посадского человека Диомид Иванович Карманов. Это был удивительный человек. Родившись в начале XVIII века и не получив систематического образования, он стал вольнослушателем тверской семинарии. Учиться сыну посадского человека было трудно: в то время он был уже отцом семейства. Но Карманов упорно «грыз гранит науки», нередко подвергаясь шуткам и оскорблениям своих однокашников. Уже тогда, познакомившись с трудами В. Н. Татищева и других русских историков, он с увлечением собирает старинные рукописи, составляет первую историю Твери и других городов Верхнего Поволжья, пишет историю Тверского княжества под характерным для того времени виетиватым названием «Исторические известия Тверского княжества,

почерпнутые из общих русских летописцев с приобщением новейших онаго приключений. 1775 г.»

Эти его занятия историей и краеведением всячески поощрялись ректором семинарии Макарием, который был назначен в Тверь в 1764 году. Местные власти он удивил тем, что начал преподавать богословие не на латыни, а на русском языке. Свои уроки он давал в Желтиковом монастыре, архимандритом которого был. Сюда по вечерам вместе с семинаристами стал приходить и Д. И. Карманов. Уже после смерти Макария он приступает к главному делу своей жизни — подготовке исторических и краеведческих трудов.

Большинство из них не было опубликовано при жизни автора, в течение многих лет оставалось в рукописях. Долгое время они хранились в библиотеке духовной семинарии и увидели свет уже во второй половине XIX века. Для XVIII века это были выдающиеся, новаторские труды. Особую ценность им придают уникальные исторические документы, которыми пользовался автор и которые позднее оказались утраченными. К трудам Д. И. Карманова обращались затем многие поколения русских историков. Сам выходец из простолюдинов, он горячо ратовал за развитие образования для детей из «простого звания». Ему также приписывают авторство «Вопля купецких и разночинных людей». Вот такой он был — первый тверской краевед Диомид Иванович Карманов.

XIX век стал новым этапом развития краеведения. Центрами культуры и просвещения в губерниях были губернские и уездные гимназии. В то время во многих гимназиях основательно занимались и краеведением, стремясь использовать его как активный метод обучения, привлечь учащихся к научным исследованиям, созданию местных музеев, сбору экспонатов. В уставе гимназии 1804 года ученикам и учителям предписывалось: «Собирать травы, разные роды земель, камней, изъяснять их свойствами отличительные признаки; в зимнее время учитель должен посещать фабрики и мануфактуры, ибо рисунки и описания не могут дать ясного о том понятия».

Активную пропаганду краеведения вел журнал «Учитель». В 1862 году он писал: «Что окружает нас? Местность, в которой мы находимся, и люди, с которыми мы живем. Это окружающее составляет самый естественный, ничем не заменимый и вполне достаточный материал для всестороннего развития способностей человека, а следовательно, и для общего образования его».

Активно вела эту работу и тверская гимназия. С 1831 по 1837 год ее возглавлял известный русский писатель И. И. Лажечников. Он не был уроженцем тверского края, его родина — подмосковная Коломна, где

он родился в 1792 году в купеческой семье. Как и большинство молодых людей того времени, Лажечников участвовал в Отечественной войне 1812 года в составе Московского ополчения, проделал с войсками заграничный поход, был награжден орденом за бои под Парижем. Но потом уволился с военной службы и был назначен директором училищ Тверской губернии, а в 1843—1853 годы стал тверским вице-губернатором. Иван Иванович любил русскую историю, много сделал для просвещения местного населения. Здесь, в тверском крае, он написал свои известные исторические романы «Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман», драму «Опричник». Эту любовь к изучению прошлого он стремился привить и своим ученикам, разъезжал по губернии, хорошо знал историю тверской земли, был лично знаком со многими ее выдающимися представителями. Выступал он и как краевед. В 1866 году в журнале «Русский вестник» появилась его статья «Как я знал Магницкого».

Дело И. И. Лажечникова в Твери продолжил известный педагог, писатель и краевед Николай Михайлович Коншин (1793—1859). Он стал после него в 1837 году директором тверской гимназии и народных училищ. Причем эту должность получил благодаря ходатайству А. С. Пушкина, с которым познакомился в то время, когда был руководителем канцелярии главноуправляющего Царским селом и дворцовым правлением. Вообще Николай Михайлович был знаком со многими друзьями А. С. Пушкина. Он был дружен с поэтами Баратынским, Дельвигом, другими членами пушкинского круга. Сам писал стихи, поэмы и романы.

Но все же тверской период его жизни оказался самым плодотворным. Здесь Н. М. Коншин увлекается русской историей, начинает изучать прошлое тверской земли, активно занимается краеведением. В 1840 году в журнале «Маяк» помещает свою первую краеведческую статью «Взгляд на древнюю Тверь». В 1847 году в «Московских ведомостях» появляется еще одна его статья — «Об Оршинском монастыре и открытых в нем древностях». Он ездит по губернии и соседним городам, занимается поисками древних рукописей. Много времени проводит в библиотеках, изучает архивы церквей и монастырей. В 1848 году судьба преподносит ему счастливый подарок: он находит в Новгороде рукописный список «Домостроя» с неизвестною до тех пор последней главой «Послание и наказание от отца к сыну». Это ему, Николаю Михайловичу Коншину, мы обязаны появлением на свет в 1849 году наиболее полного списка «Домостроя» — ценного источника для изучения русской жизни XV—XVI веков. Он вышел под его редакцией и известен в кругу ученых как «Коншинский список».

Фёдор Николаевич Глинка (1786—1880) — декабрист, общественный деятель, известный русский поэт и один из первых тверских краеведов

Примерно в это же время проводит свои краеведческие изыскания в Тверской губернии и известный поэт первой половины XIX века, декабрист, друг А. С. Пушкина Федор Николаевич Глинка (1786—1880). Уроженец Смоленской губернии, он оказался в тверском крае по приговору Николая I и его приближенных сановников, которые вели следствие по делу о восстании декабристов. За причастность к заговору против священной особы императора Ф. Н. Глинка был сослан сначала в Олонецкую губернию, а затем в 1830 году переведен в Тверь. Здесь он женился на дочери тайной советницы Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой и поселился в ее небольшом имении — сельце Кузнецове, в верстах 50 от Твери¹. С конца 40-х годов, он, проживая в Москве, каждое лето проводит в тверском имении жены, а с 1862 года окончательно поселяется в Твери, где его избирают почетным попечителем Тверской губернской гимназии и почетным членом Тверского губернского статистического комитета, который возглавлял всю работу по изучению местного края.

Но Федор Николаевич Глинка известен не только как герой Отечественной войны 1812 года, не только как крупный общественный деятель, член первого тайного общества «Союз благоденствия» и не только как председатель Вольного общества любителей российской словесности, руководитель умеренного крыла декабристского движения. Мы знаем его и как автора текстов и поныне популярных песен — «Вот мчится тройка удалая», «Не слышно шума городского», стихотворения «Город чудный, город древний...». Но не всем известно, что он был также талантливым археологом и краеведом.

¹ О тверском периоде жизни Ф. Н. Глинки см. в моей книге «В поисках Дивьего камня». — М.: Московский рабочий, 1981 (А. П. 2012)

В 1810—1811 годах Ф. Н. Глинка совершает свое первое краеведческое путешествие по Смоленской и Тверской губерниям, пишет брошюру «Замечания, мысли и рассуждения во время поездки в некоторые отечественные губернии».

Поселившись в тверском крае, он стал ревностным собирателем древностей, исследователем прошлого Тверской Карелии. В 30-х годах Федор Николаевич увлекается собиранием камней с древними знаками и изображениями, производит первые археологические раскопки. Результатом этих исследований стала его статья «Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде».

Свои находки он подарил Тверскому музею, одним из основателей которого был. Принимал активное участие в организации в 1872 году археологического отделения в музее. И сейчас этот музей, начало которому положили его первый директор А. Г. Жизневский и Ф. Н. Глинка, — один из старейших областных музеев страны.

Ф. Н. Глинка смотрел далеко вперед. Он как член археологического общества ратовал за широкое развитие краеведческих исследований не только в тверском крае, но и по всей стране. В предложениях, сделанных им обществу истории и древностей российских, он выдвигает обширную программу изучения России, привлечения к этому делу широких кругов общественности на местах. Он ратует за то, чтобы общество установило тесную связь с губернскими статистическими комитетами, со своими членами-корреспондентами на местах, директорами и учащимися гимназий, губернскими и уездными землемерами, всеми любителями наук и древностей, простолюдинами, призывая их собирать древности и присылать их в общество.

Он предлагает провести своеобразное анкетирование, составляет список предметов и объектов, на которые следует обратить особое внимание. В этот перечень входят народные предания, рисунки, снимки и чертежи старинных земляных насыпей, курганов, деревьев, «считаемых заветными», заметных камней, каменных баб и идолов, древних развалин или городищ, старинные кирпичи, ножи, бердыши, пищали и прочее оружие, медные кресты, кольца, другие вещи, находимые на полях, где бывали древние побоища. Его интересуют вопросы топонимики. Он считает, что надо собирать не только предметы, но и названия — пустошей, урочищ, оврагов, ручьев, особенно имеющих нерусские или загадочные наименования. Он выдвигает мысль о заведении на местах музеев или хранителей древности, которые могли бы «доставить удовольствие любителям древности и даже пользу ученикам самих гимназий», то есть подчеркивает большое

воспитательное значение всей этой работы.

«Не угодно ли будет обществу, — писал он в Общество истории и древностей российских, — развить и передать от себя, кому следует, мысль о заведении местных музеев, или хранилищ древностей. Директоры гимназий, посредством воспитанников, легко могут войти в сношение с помещиками; простолюдины же станут доставлять за малую плату находки, не имеющие, по большей части, в их глазах никакой положительной ценности... Тогда остатки владычества татарского, набегов Литвы, нашествия поляков, соединяясь с остатками богов времен незапамятных, сольются в одно целое, во многих отношениях любопытное. Тогда ни камни, служившие жертвенниками, ни каменные бабы степей русских, ни Дейвы Божни — литовские не останутся вовсе забытыми».

Призыв Ф. Н. Глинки подхватили последующие поколения тверских краеведов. По всей губернии ведется работа над составлением археологической карты. Статистический комитет рассылает в волости запросы — сообщать обо всех древностях, какие имеются на местах: старинных церквях, крестах, курганах, камнях с надписями.

Огромную работу по обобщению присланного материала проделал известный тверской краевед и историк В. А. Плетнев, подготовив на его основе интереснейшую книгу — «Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии». Она вышла в свет в 1903 году. В ней много наивного, подчас неверного и ошибочного, она полна всевозможных предположений и самых фантастических описаний. И все же это первый свод древних памятников истории и культуры тверского края, который потом позволил ученым и краеведам сделать немало интересных находок.

Я прошел по нескольким адресам этой книги, когда занимался поисками камней с выбитыми на них загадочными знаками в районе Селигера. Сделать это было нелегко: исчезли деревни и населенные пункты, возле которых они лежали, но некоторые из этих камней с изображениями следов ног человека и животных, странных фигур мы нашли и очень радовались, что Плетнев оказывался прав.

Но многое из того, о чем упоминает В. А. Плетнев, еще не найдено, и до сих пор воображение современных краеведов будоражат строчки из его книги о таинственных камнях с высеченными на них изображениями лосиных рогов и медвежьих лап, знаков «наподобие кочерыжек», «вил и костылей с крюками наверху», трезубцев, серпов и треугольников...

Выходили и другие издания, которые до сих пор сохраняют свою научно-справочную ценность. Среди них многотомное «Военно-стати-

стическое обозрение Российской империи», «Русский биографический словарь», изданный в конце XIX — начале XX века под редакцией А. А. Половцева, топографические межевые атласы губерний, труды «Экспедиции по исследованию источников главнейших рек Европейской России» под руководством генерал-лейтенанта А. Тилло, «Географическо-статистический словарь Российской империи», составленный в начале 60-х годов прошлого века по поручению Русского географического общества П. П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Дореволюционные краеведы, историки, ученые своим бескорыстным трудом, внимательным и заботливым отношением к нашему прошлому, рыцарским служением науке способствовали пробуждению общественного интереса к стране, заложили тот крепкий и основательный фундамент, на котором потом стали развиваться и наша историческая наука, и наше отечественное краеведение.

Они были первыми, эти ученые и краеведы, а первым всегда труднее. Они были разные и отстаивали разные взгляды. Но все они были патриотами, чувствовали неразрывность своей судьбы с судьбой своего Отечества, своего народа. Они еще не всё знали, может быть, где-то и заблуждались, подчас выдвигали фантастические гипотезы, но они были искренни и одержимы, настойчивы и любознательны, непримиримы ко лжи и лицемерию и всегда ценили истину и порядочность превыше всего. Выше своего благополучия, своей карьеры, выше мелочных обид и косых взглядов своих чиновных сослуживцев.

У истоков российского краеведения стояли крупнейшие научные авторитеты, выдающиеся русские ученые, географы и путешественники, которые сложились как ученые еще в дореволюционной России. Многие из них и поныне составляют гордость не только географии и краеведения, но и славу нашего Отечества.

В нынешнем процессе обновления, очищения родников нашей памяти от завалов волюнтаризма, догматизма и забвения, воспитания у нашей молодежи интереса к истории своей страны мы опираемся и на их высокий научный и моральный авторитет, их гуманистический пример бескорыстного служения своей Отчизне. Вот почему они всегда в нашей памяти, всегда с нами — и выдающиеся умы России, гордость ее науки и истории, и менее известные краеведы, но тоже много сделавшие для своего народа.

И сегодня первые русские краеведы и их труды — это не только наше наследие. Они наши современники, они наше общее достояние. Среди них — ученые, самородки-краеведы и исследователи Тверского края: крестьянский сын Павел Роговский и посадский человек Диомид Карманов, потомственный дворянин Федор Глинка и крупные

царские сановники — тверские вице-губернаторы и известные русские писатели И. И. Лажечников, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Е. Измайлов... Все они делали одно большое дело — приумножали славу своего края, а значит и нашей Родины.

Многие из этих славных имен долгие годы были в забвении. Но забывчивость не лучшее человеческое качество, а беспамятство еще никогда никому не приносило пользы. И если уж говорить о нашей исторической памяти, то сколько бед и несчастий уже принесло нам забвение правды истории, наша «забывчивость» в отношении многих ее не только славных, но и трагических, скорбных страниц.

Мы — наследники всей нашей истории, а не только ее выдающихся событий. Вот почему мне представляется важным вспомнить и о первых тверских краеведах, тех, чьи традиции продолжают сегодня многие исследователи родного края. Этого требует элементарная человеческая благодарность, этого требует наша память.

Курган у деревни Курово. Подвиг старшего лейтенанта Г. Половчени

Рано утром мы вышли из Андреаполя и по торной тропинке двинулись вдоль полотна железной дороги к Двине. На карте Шимкевича было хорошо видно, как нитка железной дороги стрелой пересекает ленту реки и мчится дальше, в сторону Соблаго и Пено. Нам надо дойти до железнодорожного моста через Двину и повернуть вдоль правого берега к деревне Курово.

Солнце еще не встало. Все окутано туманной дымкой. Только справа от нас в утренних сумерках темнеет угрюмая железнодорожная насыпь, она высоко поднимается над болотами и заливными лугами, по которым проложена, чтобы весной полыми водами не размыло железнодорожное полотно.

Тропа идет по густой траве, осыпанной крупными каплями росы. Пахнет туманом, скошенными травами и можжевельными ягодами. Заросли кустарника тянутся вдоль тропы длинным нескончаемым забором. Удивительны эта утренняя тишина, это безлюдье, этот темнеющий впереди, манящий к себе таинственный лес. Восходящее солнце уже высветлило верхушки кустарника, позолотив мокрые от росы листья, порозовели клубы тумана, медленно поднимающиеся над заливными лугами. И трепетное ощущение радости, предчувствие, что впереди ждет что-то необыкновенное, охватило нас.

Километра через три впереди показались черные кружевные арки

железнодорожного моста, и тропинка уперлась в берег реки. Двина стала заметно уже, чем в Андреаполе, но вода такая же темная и застывшая, как разлитый по дороге гудрон. Река здесь петляет по обширному лугу, и ее русло четко обозначено зарослями кустарника, которые тянутся вдоль берегов.

Тропинка по высокому в этих местах берегу вскоре выводит на зады деревни Курово. Жмутся к воде маленькие почерневшие баньки, мирно колышутся у берега смоленые лодки, с косогора вниз к реке сбегают огороды и изгороди, едва не касаясь темной воды. Было раннее утро, и деревня еще не проснулась, только над несколькими печными трубами неподвижно стояли столбы дыма, упираясь в застывшее небо. У воды неторопливо копошились гуси, на той стороне Двины похрапывали стреноженные кони да раздавались иногда сонные и ленивые крики петухов.

Деревня двумя порядками вытянулась вдоль дороги у подножия высокого холма, поросшего травой и молоденькими соснами. Прямо от дороги навстречу вели бетонные ступеньки.

Оставив рюкзаки внизу, мы поднялись на холм: на его вершине с автоматом в правой руке навечно застыл каменный солдат. Левую руку он поднял вверх, как бы говоря: «Врага не пропустим. Нашу землю защитим». На постаменте скромная надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.» На каменных надгробиях поименно перечислены фамилии солдат и офицеров, погибших в боях за эту маленькую деревеньку во время знаменитой Московской битвы. Мы насчитали 162 фамилии. Вот какую цену заплатила эта деревня за свое освобождение, вот сколько героев спят теперь на берегу Двины, навечно покоясь в братской могиле. И в бессменном карауле стоит на холме изваянный из камня советский солдат с поднятой рукой, протянутой над деревней и над тихой, присмирившей рекой.

Сколько таких памятников мы потом встречали на калининской земле, сколько оплывших окопов, заросших траншей и воронок от снарядов и бомб. Эта земля еще хранит следы прошедшей войны, еще не зажили раны на ее теле, хотя с тех пор и прошло уже более сорока лет. Не зажили раны и у тех, кого мы сейчас называем ветеранами войны, и у тех, кто потерял сорок с лишним лет назад своих родных и близких.

Я беру горсть земли с холма — она плотная и черная, как головешки на пожарище. Сколько пришлось вытерпеть и вынести этой земле, опаленной войнами и набегами врагов.

Еще в Андреаполе Эдуард Эдуардович сказал нам:

— Обелиск в деревне Курово воздвигнут на древнем славянском городище.

Оглядевшись, мы увидели, что находимся на очень ровном возвышении, которое господствовало над всей местностью. Отсюда хорошо, как на ладони, была видна деревня Курово, петляющая в кустарнике Двина, впадающая в нее маленькая речка, обширная заболоченная пойма с заливными лугами, лес за околицей. Не было сомнений, что мы стояли на знаменитом Куровском городище, что расположилось как раз на мыске у впадения в Двину этой маленькой речки.

Местные жители уже давно знали, что высокий и обрывистый холм возле их деревни хранит какую-то тайну. Ходили легенды о древних кладях, которые якобы были зарыты здесь. Мальчишки нет-нет да и приносили домой непонятные железные предметы, наконечники от стрел, черепки от горшков с замысловатыми сетчатыми узорами. Слухи о находках дошли до ученых. Уже после войны сюда приехали археологи. Вскрыв верхний слой земли на холме, они натолкнулись на остатки укрепленного городища, много веков назад кем-то уничтоженного и сожженного. Было найдено много опаленных огнем наконечников стрел и топоров, почерневших и обуглившихся черепков от глиняной посуды, приспособлений для ловли рыбы.

Уже в древности этот обширный лесной и озерный край был заселен людьми. В начале нынешнего тысячелетия здесь жили угро-финские племена, составлявшие коренное население края. Они пасли скот, охотились в здешних лесах, богатых дичью и зверем. Занимались и рыбным промыслом. Рыбу ловили на крючки, гарпунами и другими снастями. Жили в укрепленных городищах, обнесенных деревянными частоколами и рвами: защищались не только от диких зверей, но и от соседних родов и племен, набегов кочевников. Древние жители уже тогда умели выплавлять руду: наряду с примитивными каменными орудиями на городищах были найдены изделия из железа.

Здесь, в этом древнем поселении, когда-то кипела жизнь: люди работали, охотились, ловили рыбу, растили детей и каждый день боролись за свое существование — с врагами, природой, зверьем, голодом, непогодой. Но и тогда они любили свою землю, которая давала им все: еду, одежду, жилье. И когда нужно, шли за нее на смерть.

Мы не знаем, почему погиб этот маленький первобытный городок: может быть, из-за случайного пожара, внутренних распрей или нашествия врагов. Но так и видится сквозь тьму веков, как рушатся обьятые пламенем жилища и еловые бревна частокола, как мечутся среди горящих обломков люди и прямо с холма, спасаясь от огня, бросаются в Двину... Теперь от этого маленького поселения остались одни обгоре-

лые головешки, остатки утвари и пепел, спрессованные в толще культурного слоя.

Сейчас в Калининской области известно более 300 археологических памятников — древние городища и селища раннего железного века. Много их и в верховьях Западной Двины. За период раннего железного века, который ученые датируют I тысячелетием до н. э. — I тысячелетием н. э., сменилось несколько культур: угрофинны, балты, славяне.

Славянские племена появились в этих местах с VI века н.э. Они шли вверх по рекам и их притокам, растекаясь по огромным, тогда еще слабо освоенным просторам. Освоение славянами новых земель происходило мирным путем без борьбы с местными племенами. Сначала они соседствовали друг с другом, а потом славяне ассимилировали местных жителей, переняв у них многие обычаи, традиции, обогатив свой язык новыми словами. Это были кривичи — одно из славянских племен, которые сыграли важную роль в становлении Русского государства. Во всяком случае в «Повести временных лет» уже со всей определенностью говорится, что все эти места в XI веке заселяли кривичи: «Кривичи сядят на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра».

Об этом свидетельствуют множество кривичских курганов и городищ по берегам рек.

В расселении славянских племен, в их хозяйственной и торговой жизни важную роль играли реки. С Куровского городища так и видится вереница черных от смолы славянских челнов, пробивающихся с юга на север вверх по Двине. Историк В. О. Ключевский, размышляя о роли рек в жизни славянского, а потом и русского населения, писал: «Трудно сказать, что было ближе русскому человеку, сама река или земля по ее берегам. Он любил свою реку, ни о какой другой стихии своей страны не говорил он в песне таких ласковых слов, и было за что. При переселении река указывала ему путь... он жался к ней, на ее берегу ставил свое жилье, село или деревню».

В лесах вокруг своих селищ славяне вырубали и выжигали деревья, удобряя древесной золой бедные почвы. Потом распахивали расчищенное и удобренное поле, засевали его, собирали урожай. Когда земля переставала родить, ее забрасывали и выжигали новый участок леса. И сейчас еще об этом способе земледелия напоминают названия многих пустошей, деревень и селений в Калининской области: Гари, Ляды, Ожигалово, Горелый мох... Может быть, и название деревни Курово тоже связано с этим древним обычаем — выжигать лес под поле или для добычи древесного угля. Это был весьма распространенный промысел местного населения вплоть до революции.

Много воды утекло в Двине, много хозяев сменилось на этой древней земле. Видела она и новгородские дружины, и отряды смоленских князей, и суздальских воинов. Видела и ордынских баскаков, собиравших дань с поработанной Руси, пережила взлет и падение великого Тверского княжества, возвышение Москвы. Много, очень много повидала на своем веку эта древняя, политая кровью двинская земля. И междоусобицы князей, и нашествие ордена меченосцев, и отряды Стефана Батория, других непрошенных захватчиков, полной мерой испила чашу испытаний в грозную годину Великой Отечественной войны.

Здесь на городище почти физически ощущается связь времен и поколений, которые жили, осваивали, защищали эту землю. Духовная связь между тем, что делалось до нас, что делали наши деды и отцы, что делаем сейчас мы сами. Нет, история — это не сухой перечень дат, событий, имен и фактов, это та живая ниточка, которая воедино связывает нас с землей, на которой мы живем сейчас, с теми, кто жил на ней прежде. История — это народная память, которая хранит в своих сокровищницах заветы и опыт поколений, которая учит с уважением относиться ко всему, что сделано ими, это эстафета, в которой каждое новое поколение, как эстафетную палочку, передает следующему самое важное, самое драгоценное — умение любить свою землю, готовность защитить ее от всяческих невзгод. Наверное, поэтому так символичен на древнем городище памятник советским воинам.

Я стою перед каменным солдатом, смотрящим с холма на двинские дали, солдатом, который погиб, но не пустил дальше врага, и думаю, что в этой последней войне он защищал не только маленькую деревню Курово, не только нашу жизнь, но и нашу историю, нашу культуру, наше национальное достоинство. И в этой смертельной схватке на его стороне была вся наша героическая история, патриотизм и бесстрашие наших предков.

Не знаю почему, но при виде этой небольшой деревеньки, кустов сирени за палисадами ее домов, болота на той стороне Двины на память пришли опаленные войной и выстраданные поэтом строчки:

*Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;
Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.*

Пусть здесь речь идет не о Курове, а об одной из смоленских деревенок, в которой побывал фронтовой корреспондент Александр Твардовский. Но сколько же таких боев за маленькие, но дорогие всем нам деревушки пришлось вести нашим солдатам на калининской земле суровой зимой 1941/42 года.

На перегоне Осташков — Андреаполь рядом с железнодорожным полотном возвышается обелиск. В суровые годы Великой Отечественной войны в этих местах проходил передний край обороны. Дальше фашистов не пустили. Здесь в октябре 1941 года были остановлены войска захватчиков, стремившихся с хода овладеть Осташковым. Тогда, в сентябре сорок первого, гитлеровцы захватили все западное побережье Селигера, пал Андреаполь, 10 октября фашисты оккупировали Пеновский район. Фронт стоял по берегам озер Вселуг и Пено. До Осташкова оставалось всего 3—4 километра. Враги трижды атаковали город и трижды их атаки отбивались нашими воинами. Положение было крайне напряженным — 14 октября фашисты взяли Калинин и рвались к Москве.

Именно в эти тревожные дни, как рассказывал потом Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своих воспоминаниях, его принял Сталин и назначил командующим 4-й ударной армии, входившей тогда в состав Северо-Западного фронта. Армии приказано было перейти в наступление в направлении Пено — Андреаполь и освободить их. Это было составной частью великой Московской наступательной операции.

Главный удар на Пено наносился 249-й стрелковой дивизией полковника Г. Ф. Тарасова. Рядом с ней, южнее железной дороги, действовала 332-я стрелковая дивизия имени М. В. Фрунзе полковника С. А. Князькова, усиленная лыжным батальоном и саперной ротой. Она наступала в направлении Лохово — Жукопа. Наступление началось утром 9 января 1942 года. Два часа наша артиллерия обрабатывала передний край обороны гитлеровцев. В 10 часов 30 минут дивизии двинулись вперед. В передовых порядках воинов полковника Г. Ф. Тарасова шли два лыжных батальона, танковый и саперный батальоны, атаку поддерживал дивизион «катюш».

Стояли жестокие морозы, зима выдалась холодной и снежной. Люди, лошади и техника буквально вязли в глубоком снегу, достигавшем одного метра. Мы видели здешние леса и болота: они труднопроходимы и в летнее время, а зимой — становятся почти непреодолимыми. Чтобы проложить колонне путь, приходилось рубить на одном километре до 1 000 деревьев. И тем не менее советские войска и техника в таких невероятных условиях, без дорог, прямо по целинному снегу

продвигались вперед. 10 января наши воины ворвались в Пено и освободили его. Затем штурмом были взяты деревня Щевереве и станция Соблаго.

Оставляя горы замерзших трупов, фашисты откатывались к Андреаполью, создавая оборонительные рубежи в районе станции Охват, Луги, Голенищево. Был превращен в опорный пункт и холм возле деревни Курово. Все подходы к городу были заминированы, возведены долговременные укрепления, где фашисты намерены были отсидеться зимой. Взять Андреаполь с ходу было трудно.

Тогда решено было овладеть городом обходным маневром. Бойцы 249-й дивизии двинулись в обход Андреаполя: с севера — подразделения Назаренко и Дурьева, с юго-востока — подразделение Андреева. Шли снежной целиной, лесом и болотами, форсировав Двину недалеко от деревни Курово, и в середине января неожиданно появились около Андреаполя. Одновременно 332-я дивизия нанесла сильный удар в районе Величково и Луги. 16 января 1942 года после ожесточенных боев Андреаполь был очищен от противника. Первым ворвался в город танк старшего лейтенанта Гавриила Антоновича Половчени. Он подавил более десяти огневых точек и разгромил колонну вражеских автомашин. Немцы бежали, оставив технику, огромные склады продовольствия, фуража, свыше 1100 бочек горючего, 150 вагонов с боеприпасами. Полностью был разгромлен немецкий пехотный полк, крупный разведотряд СС и саперная рота. За героизм, проявленный при освобождении Андреаполя, Г. А. Половчене было присвоено звание Героя Советского Союза — в те скупые на награды времена оно присваивалось не так уж часто¹.

После войны Гавриил Антонович стал почетным гражданином города Андреаполя. Об этих героических днях напоминает тем, кто приезжает в город, скромная мемориальная доска на фасаде железнодорожного вокзала. Мы видели эту доску и выбитые золотом буквы: «г. Андреаполь освобожден от немецко-фашистских захватчиков 16 января 1942 г. В боях за г. Андреаполь приняли участие 249-я под командованием генерал-майора Тарасова Г. Ф. и 332-я под командованием генерал-майора Князькова С. А. стрелковые дивизии 4-й ударной армии».

249-я стрелковая дивизия сформировалась в первые дни войны на территории Ярославской области. Уже в июле 1941 года прибыла на фронт. Во время Московской битвы она действовала в верховьях Западной Двины, принимала активное участие в Торопецко-Велижской

¹ Ныне главная улица Андреаполя, идущая от ж/д вокзала к Зап. Двине, носит его имя (А. П. 2012)

операции. 21 января был освобожден древний город Торопец, стоявший на реке Торопе — притоке Западной Двины. Но при наступлении на город Велиж наши войска встретили упорное сопротивление противника. Особенно сильные бои разгорелись в районе реки Западная Двина, где фашисты успели укрепить свою оборону. По глубокому снегу, проваливаясь по пояс, воины 249-й дивизии штурмовали деревню Севастьяново на правом берегу Западной Двины. Не взяв ее, нельзя было овладеть и следующим укрепленным пунктом — деревней Ильино на пути к Велижу.

В цепочке воинов, штурмовавших высокий обледеневший берег Западной Двины, шел и молодой солдат Марк Лисянский. На всю жизнь запомнится ему этот отчаянный бой за небольшую деревеньку на берегу реки зимой 1942 года. Здесь он получил свое боевое крещение, здесь был ранен и здесь он увидел впервые весь ужас и всю суровую правду войны. Эти воспоминания о своем первом бое будущий поэт, а на фронте сотрудник дивизионной газеты «В бой за Родину» Марк Лисянский носил в себе всю свою жизнь.

В 1970 году он снова посетил места боев дивизии, ходил по берегам Западной Двины, пытаясь вспомнить тот свой давний первый бой, отдать дань памяти тем, кто не вернулся тогда из атаки. Он узнавал и не узнавал те места, которые почти тридцать лет назад преодолевал ползком, сжимая в руках винтовку.

Весь мир сузился у него до прорези в мушке, сквозь нее он видел никому не ведомую деревню Ильино, которую надо было непременно взять, а смысл жизни заключался в жестком приказе охрипшего взводного: «Вперед!».

Тогда, в 1970 году, он и написал это свое стихотворение — «Западная Двина», посвятив его тем, кто не вернулся из боя.

Герой Советского Союза Гавриил Антонович Половченя (1927—1998)

...До деревни одна верста,
 Мы идем к деревне давно.
 За речной полосой — высота
 Под названием Ильино.
 Мы идем, Мы бежим, Мы ползем.
 А верста, словно сорок верст,
 Чернозем — уже краснозем,
 И горит перед нами мост.
 А команда одна:
 — Вперед! —
 И огонь нас в клещи берет,
 И дивизия — вплавь и в брод,
 И двинская вода как лед.
 На войне это значит — ад.
 А команда одна:
 — Вперед! А приказ:
 — Ни шага назад! —
 Это трудно даже во сне,
 Это страшно даже в кино.
 На войне как на войне —
 Мы дошли до тебя, Ильино.

Возвращаясь в свою дивизию из Ярославля в апреле 1942 года после ранения и сидя на ящиках грузовика, Марк заносил в свой блокнот строки только что родившегося стихотворения «Моя Москва», которое вскоре станет любимой песней всех фронтовиков. Проезжая через Москву, он ненадолго забежит в редакцию журнала «Новый мир» и оставит там листок со своими стихами:

*Я по свету немало хаживал,
 Жил в землянке, в окопах, в тайге...*

Композитор И. О. Дунаевский, прочитав стихи, прямо на журнальной странице записал мелодию и передал на радио. И пошла гулять песня по фронтам Великой Отечественной войны!¹...

...Спят вечным сном на древнем городище в Курове 162 солдата — они погибли в тех тяжелых январских боях за освобождение Андреаполя. Спят в одной братской могиле на берегу Западной Двины, в земле, где осколки снарядов и бомб перемешаны с железными наконечниками стрел и копьев первых обитателей этого края.

¹ Ныне она стала гимном г. Москвы (А. П. 2012)

Говорят, когда устанавливали обелиск, лопаты постоянно натыкались на железные и каменные предметы, и неизвестно, чего больше сейчас на этом холме — песка или следов войны — немых свидетелей далеких и недавних подвигов.

Я не знаю, из каких мест родом те 162 воина, чей прах покоится в братской могиле. Но все они отдали жизнь за Родину, сложив свои головы у безвестной тверской деревеньки Курово. Ведь Родина каждому из нас может видаться по-разному — и в образе отчего дома и милых березок под окном, и в образе родного завода, на котором ты работаешь, и в образе города, который стал для тебя родным, даже если ты в нем и не родился. И в образе маленькой деревушки Курово на древней тверской земле, и в горстке бедной на урожай, но такой родной и дорогой почерневшей болотистой земли, которую до последней капли крови, до последней пяди защищали наши солдаты. Но это была как раз «та последняя пядь, что уж если оставить, то шагнувшую вспять ногу некуда ставить». Ногу солдату действительно ставить было некуда — позади была Западная Двина. Для солдат деревня Курово и берега неширокой здесь Двины и стали той самой Родиной, той самой последней пядью земли, которую, когда пробьет час испытаний, никогда и никому отдавать нельзя. Даже ценой собственной жизни. Родиной единой, одной и единственной, какая есть и должна быть у каждого из нас.

...Уже в Москве я нашел в словаре В. И. Даля объяснение слова «пядь» — «протяженье меж большого и указательного перстов, растянутых по плоскости». Всего каких-нибудь десять сантиметров.

Так мало? Но бывают моменты, когда в этих сантиметрах и сосредоточивается для тебя вся твоя земля, вся твоя Родина.

Оковский лес. *«Двина из того же леса потечет...»*

От Курова проселочная дорога выводит нас на картофельное поле, со всех сторон окруженное лесом. Оно, как огромный цветастый крестьянский сарафан, все в бело-голубых крапинках, колышется волнами под порывами невесть откуда взявшегося ветерка. Цветет, набирает силы картофель. Когда его кусты клонились книзу, обнажалась земля — сухая и песчаная, со множеством камней. Камни, большие и маленькие, лежали в бороздах и пирамидками по краю поля, всем своим видом демонстрируя сложные проблемы местного нечерноземного земледелия. Вспомнились слова в райкоме:

«Скудная у нас земля, засоренная. Да и поля маленькие — на них трактору и не развернуться».

Это поле по местным рамкам было не такое уж и маленькое: несколько гектаров. Оно сиротливо прижалось к реке, зияя желтыми проплешинами сухой песчаной земли. Трудная, тяжелая и не такая уж плодородная нечерноземная земля. Как непросто взять с нее хороший урожай.

Пыльная проселочная дорога, петлявшая вдоль опушки, вдруг юркнула под еловые ветви и исчезла в сумраке темного леса. Пропало солнце, исчезло голубое небо, повеяло сыростью и грибами, и мы оказались в темном и угрюмом лесу. Прямо к тропе подступали сумрачные ели и березы, запахло прелыми листьями и болотом, захлопала вода под ногами.

Леса в верховьях Двины тянутся на десятки километров: еловые на водоразделах, светлые и чистые сосновые боры на песчаных косогорах, березовые и осиновые в низинах и на болотах. Идти по таким лесам без дорог трудно. Много низин, ложбин, заболоченных лесных полян. Отойдешь немного в сторону, и нога по колено проваливается в темную болотную жижу, густо поросшую травой и кустарником. В старину такие леса занимали огромные пространства: от Валдая до Смоленской возвышенности и были известны под названием Оковский лес.

Чем же были знамениты эти места?

Своей глухоманью и непроходимостью. Дремучие, девственные леса тянулись на сотни верст и образовывали сплошные заросли, сквозь которые невозможно было продрасться. Дорог не было, редкие деревеньки были разбросаны по берегам рек на десятки верст друг от друга. Даже княжеские военные дружины и те старались обходить леса стороной. А уж если углублялись в них, то двигались вдоль берегов рек, высылая вперед отряды воинов для устройства просек, гатей и мостов. Глушь и безлюдье были такие, что нетрудно было заблудиться и целому войску. Именно такая участь постигла в 1316 году тверского князя Михаила Ярославича, который во время своего похода на новгородцев решил «спрямить» дорогу. Как бесстрастно отмечает летопись, «поиде к Новгороду ратью и увернулся по Ловати из Устьян, и заблудися в озерах и болотех, и начаша вои его мерети голодом, ядыху конину и с щитов кожу сдираючи, а снасть (обоз. — А. П.) свою всю пожгоша».

В XI—XII веках густые и дремучие леса сплошь покрывали всю территорию нынешних Калининской и соседних с ней областей. Редкие иностранные купцы и путешественники, бывавшие в этих местах в

XVI—XVII веках, с изумлением и восхищением писали об этих неоглядных лесах. В 1517 году по ним проехало австрийское посольство, которое возглавлял полномочный посол Сигизмунд Герберштейн. Посол был любознателен и по-немецки пунктуален. В пути он вел дневник, куда заносил интересные сведения о природе, городах и селениях, мимо которых проезжал, о людях, их жизни и обычаях. Посольство направлялось в Москву через Опочку, Новгород, Вышний Волочек, Торжок и Клин. Ехали медленно. Лесам по обе стороны дороги, казалось, не было ни конца, ни края. На одной из стоянок Герберштейн занес в свой дневник такую запись: «Северная и северо-западная части России покрыты огромными, сплошными лесами, еще сохраняющими девственный характер...».

На составленной Герберштейном карте России местность к югу от рек Мста и Молога показана почти безлесной, вся остальная огромная территория — в сплошных лесах.

Да и другие иноземные путешественники вслед за Герберштейном изумлялись огромным пространствам Оковского леса. Австрийский посол Майерберг, посетивший эти места несколько позже, сообщал: «По лесистой дороге посольство после Новгорода проехало 300 верст до Торжка, а от Торжка прямой путь на Москву, но тоже лесами... »

Другой посол из Голштинии — Олеарий, побывавший здесь в 1635 году, писал: «Хотя обширная страна русская там и сям покрыта кустарниками, обильна лесом, большею частью еловым, березовым и орешником, хотя она пустынная и довольно болотиста, тем не менее по причине доброго качества почвы земля в ней, при небольшой обработке, чрезвычайно плодородна и родит рожь, пшеницу в громадном изобилии...».

Дичи и разной живности, в том числе и волков, водилось в этих местах немало. Волки чувствовали себя хозяевами не только в лесу, но и в деревнях, куда нередко навевывались. Чтобы отпугнуть их, крестьяне били в колотушки, разжигали прямо на деревенских улицах костры. Количество истребленного волками скота в конце прошлого века исчислялось десятками тысяч голов на сумму в сотни тысяч рублей.

В лесной чащобе водились лоси, медведи, зубры, олени, косули. Особенно много было лосей. Еще при Иване Грозном, как отмечал летописец, «лоси яко самозванни на заколение прихождаху». Был широко распространен лосиный промысел: шкуры лосей шли на изготовление одежды, амуниции для солдат, в XVI веке их отправляли на продажу тысячами. Следствием этого было почти поголовное истребление лосей к началу XIX века. Это животное стало настолько редким, что в деревнях его стали принимать за зубра, а в Корчевском уезде Тверской

губернии, по рассказам очевидцев, появление лося однажды даже вызвало панику: бабы приняли его за медведя с рогами.

Немало водилось в Верхнем Подвинье бобров, соболей и куниц. Охота на куниц в Тверской губернии имела большое промысловое значение и при относительно высокой ценности меха составляла немалый источник дохода для крестьян.

В древности весь этот край был покрыт преимущественно дремучими еловыми лесами. Эти древние исконные леса потом были в значительной степени вырублены, а на их месте выросли смешанные, появились заросли березняка и ольшаника.

Большие пространства занимали дубовые рощи. В руслах рек и сейчас нередко находят огромные дубовые стволы, которые свидетельствуют, что дуб в этих местах был тоже своим исконным деревом. А по берегам рек и на песчаных буграх росли обширные сосновые боры. Они и теперь занимают большие пространства на песчаных холмах и водоразделах. В них всегда светло, чисто, идешь — и нога мягко ступает по хвойной подстилке, утопая по щиколотку в иголках.

Но Оковский лес — это не только еловые и сосновые рощи, заросли березы и ольхи. Этот край издавна славился своими неоглядными непроходимыми болотами. Перед ними отступал даже лес: натолкнувшись на болото, он сдавался, хирел, превращался в поросль карликовых уродливых сосенок и хилых березок. Болото пускало деревья только на свои окраины. Дальше, насколько хватало глаз, расстилалась зеленая равнина с кочками, редким тонким болотным сосняком, кривыми березками, ивой, ольхой и осокой. По более сухим окраинам болот растет морошка, голубика, клюква, которых и сейчас немало в этих местах. Нынешние болота — это остатки прежних зарастающих озер. Называют их в здешних местах мхом. Есть болото Красный Мох, Шиловский Мох, Яшкин Мох...

С тех далеких времен миновало немало столетий. Леса заселялись, вырубались под пашни, редели еловые и сосновые рощи, зарастали мелколесьем болота. Меньше стало дичи в лесах, рыбы в озерах и реках. Однако дремучие леса в верховьях Волги и Западной Двины сохранялись вплоть до конца XVIII века. Этому способствовали и указы Петра I, который запрещал помещикам рубить в принадлежащих им лесах деревья, представляющие интерес для корабельного дела. Но в 1782 году запрет был снят, и по всей России началась хищническая рубка лесов. Вместе с дубовыми и сосновыми вырубались и другие деревья. Быстро таяли знаменитые леса и в тверском крае. Как с горечью сообщалось в одном официальном документе, «от дороговизны дров бедствовали в 1883 году крестьяне Калязинского уезда Тверской губер-

нии, так как леса в этой местности «хозяйствующими помещиками» давно уже уничтожены». От вырубки и пожаров стали гибнуть еловые леса в Смоленской, Калужской, Московской и Тверской губерниях.

В конце XIX века группа специалистов вынуждена была высказать свое «особое мнение» о состоянии лесного хозяйства и соблюдении лесоохранительных законов. Оно было неутешительным: «Свободное лесное хозяйство привело к тому, что вся Россия, за исключением северных губерний, сделалась безлесной, да и в северных губерниях сохранились лишь казенные леса, помещичьи же все вырублены... На нашей еще памяти росли леса по Шексне... теперь от этих лесов нет и помина... такие же леса некогда были по Волге и ее притокам, и мы видим теперь на месте этих лесов песчаные берега и разносимые ветром пески, которые делают Волгу все мельче и мельче...».

С течением времени стало забываться и само название — Оковский лес. Но все же остатки этого некогда огромного древнего лесного массива сохранились. И сейчас, попадая в эти места, поражаешься его сосновым борам, на многие километры протянувшимся по берегам рек и озер, дубовым и березовым рощам, заливным лугам с бесчисленной вереницей стогов сена, зарослями ивняка вдоль рек, топким болотам, подернутым изумрудно-зеленым мхом. И россыпям морошки на кочках, и алым пятнам земляники на лесных полянах, тишине и глуши — всему, чем так богат этот лесной и болотистый край.

...Первое упоминание об Оковском лесе содержится в нашей Начальной летописи: «Днепр бо потече из Оковьского леса и потечеть на полдне; а Двина из того же леса потечеть, а идти на полуношь и внидеть в море Варяжьское; из того же леса потече Волга на восток».

Древний летописец очень точно определил то главное, что составляло особенность этого необычного леса, его основную достопримечательность — Оковский лес дает жизнь десяткам больших и малых рек. Расположенный на водораздельной гряде, он является огромным резервуаром, хранителем и заповедником чистой родниковой воды. Здесь под сенью густых и тенистых деревьев в низинах, на дне болот, рек и озер бьют тысячи невидимых ключей и родников, питающих наши неисчислимы водные артерии. Я бы назвал Оковский лес Колыбельным — здесь рождаются, выпестовываются, мужают и крепнут будущие малые и большие реки. И весь этот лес как бы сочится и брызжет влагой, звенит и клокочет от напора подземных вод, которые рвутся наружу от избытка могучих сил и которые нельзя ничем остановить. Оковский лес — это гигантская кладовая воды, он дает жизнь не только рекам, но и всей этой суровой, но прекрасной земле. Кто знает, может быть, отсюда и происходит его название: «ока» по угро-фински

означает «вода», «река». Поэтому этот лес можно назвать и «лесом, дающим воду», «лесом, где начинаются реки».

Особенность Оковского леса — в близости истоков рождающихся здесь рек, которым потом суждено разбежаться в разные стороны. Их верховья находятся друг от друга буквально в нескольких километрах, а то и ближе. Нашим предкам стоило только перетащить ладью через небольшую гряду, и можно плыть уже в другое море.

Вот почему издавна у Оковского леса было еще одно название — Волоковский лес, оно часто встречается в древнерусских летописных сводах. Волоковский лес — место, где начинаются волоки. Слово «волок» исконно русское, производное от слов «волочить», «переволокивать». Было у него и другое значение — «обширная, лесистая, ненаселенная область». А в словаре В. И. Даля понятие «волоковский лес» объясняется также и как «глухой лес», «непроезжий бор, из которого летом и зимой выволакивают срубленные бревна на полозках, на волоках». Обозначало оно и «гужевой путь дремучим лесом от селения до селения», «переезд, перегон лесом». Когда один крестьянин говорил другому, что он «заготовил на зиму отличный волоковый лес», этим он хотел сказать, что запасся крупным лесом, вывезенным из глухого бора посредством волокуш или просто волоком.

Можно предположить, что Оковский лес означал и место, где начинаются речные волоки, и дремучее дикое, незаселенное лесное пространство, в котором нет дорог, а деревья можно вывозить не на телеге или санях, а на простых волокушах. Известно, что в деревнях, расположенных в глухих лесах и на болотах, в старину не знали колес, а вывозили древесину по мокрому мху на волокушах.

Территория, занимаемая Оковским лесом, — это не только собственно лесные угодья, реки, озера и болота, не только пространство, где рождаются наши великие реки, но и место, где из многих племен, как река из родников, формировалась русская народность. Можно даже сказать, что здесь находятся истоки нашей государственности. Первые поселения кривичей положили начало образованию многих древнерусских городов. Кривичи и словене (их главными городами были Смоленск и Новгород) составили основу великорусской народности. Они были первыми, проложившими дорогу в земли чудских народов Поволжья, к другим славяно-русским племенам. На границе «леса» возникли такие крупные центры общерусского государства, как Смоленск, Тверь, позднее Москва.

Кривичи были энергичными и любознательными людьми, их с полным правом можно назвать первопроходцами. Это они заселили огромные лесные пространства, проложили первые волоки, отвоевали

у леса поля, основали первые селища и городища по берегам рек и озер. Именно они первыми «открыли» Оковский лес, отыскиали истоки многих рек, дали жизнь этим глухим и безлюдным местам.

Таким образом, Оковский лес — это понятие не только географическое, природоведческое, но и историческое, этнографическое и экономическое. Вот почему многих русских историков издавна интересовал вопрос: а где же находится этот таинственный летописный лес и каковы его исторические границы? Само название этой обширной территории, судя по русским летописям, уже в X—XI веках было привычным, известным всем понятием. Но границы ее в летописях не указываются. Мы знаем только, что это район верховьев рек Волги, Двины и Днепра.

Одним из первых ученых, кто пытался определить границы Волоковского (Оковского) леса, был известный русский историк Н. П. Барсов. В своей книге «Очерки русской исторической географии» (1873 год) он пришел к выводу, что эти пространства были намного обширнее, чем о них сказано в летописи. По его мнению, границы Оковского леса проходили на востоке по Уральскому хребту, на северо-западе по Олонецким горам, а на юго-западе он граничил с Карпатами.

С течением времени границы Оковского леса уточнялись. В много-томном издании «Россия» уже читаем, что Оковский лес занимал в старину только северо-западную часть Среднерусской возвышенности, расположенную в пределах Смоленской и Калужской губерний. Высшей точкой ее считалась возвышенность между Днепром и Десной в районе города Ельня. Границы Оковского леса, таким образом, сужались до нынешних южной части Калининской и северной части Смоленской областей в пределах бассейнов рек Межи и ее притоков, Жукопы, Обши и верховьев Днепра на юге.

Во втором томе «России» помещена специальная карта, где нанесено предполагаемое расположение Оковского леса. Он обозначен в верхнем течении Днепра между городами Смоленском, Ельней, Вязмой, Сычевкой и Белым, в центре так называемого ельнинского узла Среднерусской возвышенности, откуда берут начало Днепр, Десна, Угра. Это одно из самых ее высоких мест.

Думается, что точка зрения Н. П. Барсова, расширительно трактующего границы Оковского леса, и мнение авторов «России», помещающих центр этого леса в верховья Днепра, нуждаются в некотором уточнении. Каким образом, спросите вы, можно это сделать? Ведь почти целое тысячелетие отделяет нас от того времени, когда впервые в летописных источниках появилось упоминание об Оковском лесе? И вообще, не досужая ли это выдумка летописца или художественный

образ, к которым часто прибегали авторы древних книг?

Нет, это не выдумка и не домысел. И помочь нам в этом могут как древние письменные источники, так и топонимика — наука о происхождении географических названий, в том числе и материалы, собранные профессором Н. П. Барсовым.

В древности район Оковского леса назывался Волоком. Если вслед за Барсовым попытаться внимательно изучить все сохранившиеся наименования деревень, рек, озер со словом «волок», то по их насыщенности можно попытаться определить границу территории Волока.

Посмотрите на дореволюционную карту центральных районов европейской части России, и вы обнаружите огромное количество таких названий. Они встречаются на обширной территории от верхнего течения Волги, Западной Двины и Днепра до Северной Двины и Онежского озера.

О том, что Волоковский лес (Волок) в древности ассоциировался с огромной территорией в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины, свидетельствует не только топонимика, но и часто встречающийся в русских летописях термин — Заволочье. Так называли земли, «что за Волоком», а следовательно, за Волоковским (Оковским) лесом. Уже в XI веке земли, расположенные в бассейнах Онеги, Мезени, Северной Двины и Печоры, именовались Заволочьем, а населяющие их племена назывались заволоцкой чюдью. Этот факт подтвержден многими письменными источниками. Западнее Псковского Заволочья нет ни одной местности с названием Волок, тогда как на восток они тянутся до самого Белоозера. Границы Заволочья, таким образом, простирались на северо-восток от Онежского озера и на север от Белоозера. На западе, как считает тот же Н. П. Барсов, крайняя граница между Волоком и Заволочьем проходила в районе верховьев реки Великой (Псковская область), а на востоке до Грязовецкого района Вологодской области. Во всяком случае в межевой книге Грязовецкого уезда упоминается о Васильевском погосте, как принадлежащем Заволоцким землям.

Но географических названий со словом «волок» много и в других районах европейской части России. Для того чтобы более точно определить район Оковского леса, надо использовать и другие данные. И здесь нам тоже помогут древние письменные источники.

Как свидетельствуют русские летописи, в XIV и XV веках местность, лежащая вне пределов Оковского леса, или просто Леса, именовалась Залесскими землями, а расположенные в них города — Залесскими. Это название и донныне сохранилось в наименовании многих населенных мест, в частности в названии подмосковного города Переславль-Залесский. Лишнее подтверждение тому, что восточная граница

Оковского леса проходила не по Уральскому хребту, а западнее Москвы.

Во времена летописца Нестора северная часть Оковского леса называлась также Верхом, или Верхними землями, в отличие от Низовских земель, или Низа (Поднепровье и Поволжье), где располагалась собственно «русская земля». Это название возникло первоначально, видимо, в южнорусских землях, откуда славянские племена продвигались на север по верховьям рек в поисках новых свободных земель. И, естественно, для населения южных районов (Низа) земли, расположенные на севере, представлялись лежащими на Верху.

Впервые этот термин упоминается в Лаврентьевской летописи, в том месте, где идет речь о сборе князя Владимира Святославича на печенегов, о его походе в Новгород по «верховние (верхние) вои». Как видно из древнерусских летописей, Верхом называли собственно Новгородскую и Смоленскую области, а Низом — поволжские земли, лежащие вниз от Тверцы. Так, в Новгородской летописи говорится, что князь Ярослав в 1119 году княжил «Торжку в своей волости и даже пойма по всему Върху и по Мсте и за Волоком возми дань». А великий князь Святослав Всеволодович из Карачева в 1185 году собирал «от верхних земель вои».

Ну а теперь давайте попробуем наложить на карту те районы, которые в старину назывались Волоком, Лесом и Верхом, и его граница сразу начнет обретать более или менее реальные очертания.

Прежде всего следует отвергнуть предположение, что Оковский лес простирался на востоке до Уральского хребта, на юго-западе — до Карпат. И вряд ли следует отодвигать его северную границу до бассейна Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры. Ведь эти земли издавна назывались Заволочьем и, следовательно, находились уже по ту сторону Волока.

Нет никаких доказательств и того, что на востоке и северо-востоке Оковский лес простирался до Вологды или Владимира. Это подтверждают и данные межевой книги, в которой Васильевский погост, расположенный в пределах нынешней Вологодской области, упоминается как принадлежащий именно Заволоцким землям. Значит, граница Волока проходила южнее и западнее не только Вологды, но и Москвы.

Оковский лес — это хотя и обширный, но все же весьма локальный район. Ведь Начальная летопись прямо связывает его с верховьями Волги, Днепра и Западной Двины. А если это так, значит, верховья Днепра, Угры и Оки можно считать только южной границей Оковского леса, а северной его границей будут верховья Волги: она ведь тоже вытекает «из того же леса». И из того же леса течет Двина — значит, она начинается в самых дебрях Оковского леса.

Да и само понятие «лес» в старину имело вполне конкретный характер. На картах Древней Руси были Брынские (Брянские), Мещерские, Мордовские, Муромские леса. Несмотря на их огромную протяженность, они все-таки простирались не до Уральских гор и Карпат, а охватывали вполне определенную территорию.

По нашему мнению, Оковский лес располагался на водораздельных грядах Валдайской и северо-западной части Среднерусской возвышенностей в пределах треугольника, который образуют нынешние железнодорожные линии: Москва — Бологое — Старая Русса и Москва — Вязьма — Смоленск на территории нынешних Калининской, Новгородской, Смоленской и частично Псковской и Калужской областей. Но центром, ядром Оковского леса, несомненно, были верховья Волги, Западной Двины и Верхнего Поднепровья, то есть тот район, который в русских летописях именовался Верхом. Прямо по центру Оковский лес ныне пересекается железнодорожной линией Москва — Ржев — Великие Луки. Это сердцевина Оковского леса, его водораздельная перемычка. Здесь начинаются многие русские реки, отсюда они текут в разные стороны: на север, на юг или на запад, как Западная Двина.

Читатель может спросить: а зачем, собственно, нам пытаться восстанавливать границы этого забытого всеми древнего Оковского леса, зачем копаться в старых летописях, книгах и географических картах, отыскивать его «следы» в сохранившихся названиях? Что это даст нашим современникам, занятым другими, более важными и актуальными проблемами?

Но так уж устроен человек: не может он жить только сегодняшним днем, сегодняшними проблемами, какими бы серьезными они ни были. Ведь жизнь каждого из нас, всего нашего поколения, как и любого поколения вообще, строится на прочном фундаменте истории народа, его культуры. Мы как бы вырастаем из прошлого и в то же время несем в себе ростки будущего. Сегодня — это рубеж, часто не видимый и не осязаемый нами, по которому проходит граница между прошлым и будущим. Отказаться от прошлого — значит отказаться и от будущего, потерять память, без которой не может существовать ни один народ.

Может быть, поэтому и сегодня нас так глубоко волнуют скупые строчки древних рукописей, и сегодня так современно воспринимается нами гениальное произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», отдаленное восемь столетиями, и сегодня мы восхищаемся непревзойденными творениями древних зодчих, которые вложили в стены и купола воздвигнутых ими зданий свое представление о мире и красоте. И кто мы без нашей великой русской культуры —

литературы, живописи, музыки, без героических страниц нашей истории — без Куликовской битвы, без Полтавы, без Бородинского сражения, без подвига нашего народа в Великой Отечественной войне?

Нельзя быть хозяином своей страны, своей земли, если не быть хозяином всего того огромного наследия, которое оставили нам предшествующие поколения. Чувство хозяина распространяется не только на наши заводы, фабрики, сельскохозяйственные угодья, на все то материальное, чем мы сейчас располагаем. Оно, это чувство, в не меньшей мере охватывает и наше духовное наследие, нашу историю, культуру, традиции, склад нашего национального характера.

Знать, любить и украшать свою землю, свой отчий дом — в этом и состоит главный завет наших предков. Знать свою историю, знать землю, по которой мы ходим, знать все, что на ней было, знать и передавать эти знания своим детям, будущим поколениям. Цепочка памяти не должна прерываться, не должна оскудевать, как никогда не должны оскудевать родники, дающие жизнь нашим полноводным и могучим рекам.

Оковский лес — это одна из страниц нашей истории, нашего национального самосознания, один из родников нашей государственности, частица нашей исторической правды. Вот почему так важно не дать ему затеряться, исчезнуть из нашей памяти.

...Уже стемнело, когда мы добрались до берега реки. Быстро поставили палатку. В темноте тревожно шумел Оковский лес, гудел ветер в верхушках сосен, возились жуки в прибрежной осоке. Это были такие простые и обыкновенные, но до боли родные и близкие звуки. Звуки нашей природы, нашей земли, нашей Родины.

Двинские пороги. *«Ребята,— крикнул кормщик.— Молись Богу, держись!»*

Утро было сказочным. Наша палатка стояла на самом берегу реки в середине обширной, заросшей травой поляны. Солнце только что взошло, и поляна, озаренная его приветливым светом, дышала тишиной и покоем. Она была похожа на огромный ковер с россыпью вышитых на нем цветов: колокольчиков, ромашек, иванчая и зверобоя. Высокая трава сверкала капельками росы.

У берега заросшая осокой и кувшинками вода была неподвижной. Рядом на песчаном косогоре застыли сосны. Они стояли, как часовые, охраняя покой реки, и их словно вылитые из меди стволы отражались в темной поверхности воды. От нее поднимался густой белесый туман,

и с берега казалось, что дымится вся река — и осока, и кувшинки, и причудливые, как чудовища, полузатопленные стволы деревьев, сползшие в воду с песчаных косогоров.

Я бросил в воду щепку — она медленно развернулась и застыла возле черной обуглившейся коряги. Это было странно. Только вчера, когда мы шли вдоль ее берега, река была стремительной, быстрой и не такой широкой. А здесь она тиха и спокойна, и ее противоположный берег просматривался в тумане метрах в 50—80 отсюда. Мелькнула мысль: может быть, и не Двина это вовсе, может быть, в сумерках мы пробежали мимо нее, наткнувшись на старицу или глухое зарастающее озеро?

Вдруг я услышал далекое шуршание в траве и, обернувшись, увидел на поляне возле березняка человека в плаще с капюшоном и небольшим ведерком в руках. Он, поминутно нагибаясь, что-то искал в траве.

«Странно, — подумалось мне, — что можно искать в траве в такую рань?»

Когда я вышел на берег, незнакомец прилаживал свое ведерко к багажнику стоявшего у сосны велосипеда.

К раме его велосипеда были приторочены самодельные удочки, на багажнике укреплен завернутый в брезент груз, а сверху жестянка, обмотанная веревкой.

— Ну как рыбалка? — спросил я.

— Рыба — это само собой: куда она из реки денется. Только вот до рыбалки решил заехать на эту поляну. Это, можно сказать, знаменитая в здешних местах поляна. — И он кивнул на ведерко.

И тут я увидел, что оно до краев наполнено крупными ярко-красными ягодами земляники, пахнущими лесом и солнцем. Дядя Миша — так звали незнакомца — рассказал, как однажды случайно обнаружил эту поляну и назвал ее Земляничной.

Мы идем к берегу, и я показываю ему щепку, застывшую возле поплавка.

— Что, — спрашиваю я, — река не течет? И почему она такая широкая, как озеро?

Он прячет ухмылку в седые усы.

— Это у берега нет течения, а посередине есть тек, и быстрый. Когда ловлю рыбу с лодки, так и тянет вниз по течению — без груза снесет. А что широкая здесь Двина и поспокойнее малость — это так. А все потому, что ниже начинаются пороги. Слышали небось?

На карте Шимкевича пороги обозначены где-то впереди, а дядя Миша показывает рукой назад: «Там пороги, километрах в трех, не больше». Значит, вчера вечером, выбравшись из болота, мы в темноте пробежали мимо них?

— Так их с дороги не видно. Тут река прямо в лес поворачивает, чтобы, значит, подальше от людей укрыться. Не любит она свои тайны напоказ выставлять. Место глухое, и гул там такой стоит, что говори — не говори — все равно не слышно.

Простившись с дядей Мишей, мы стали собираться в дорогу: быть рядом со знаменитыми двинскими порогами и не побывать на них — этого я никогда не простил бы себе.

О двинских порогах было известно с давних времен. Двина была важной торговой рекой, связывающей центр Русского государства с Прибалтикой. Имела также большое стратегическое и военное значение. По Двине сплавляли вниз лес, везли воск, мед, кожи, деготь, пеньку, лен, а вверх из Риги шли встречные заморские, голландские и вестфальские товары — ткани, золото, серебро, свинец, изделия из железа, пряности, вина. «Берега Двины серебряные, а дно ее золотое» — эти слова, приписываемые Ивану Грозному, хорошо характеризуют большое торговое значение реки.

Двина считалась судоходною рекой с села Дубна (там, где теперь расположен Андреаполь), но и выше — от озера Охват до Дубны по ней весной в половодье сплавляли лес. Однако устойчивое пароходное сообщение начиналось намного ниже — от города Велижа.

Во второй половине XVIII века из Риги вверх по Двине в год отправлялось более пятисот кораблей. Количество стругов, идущих вниз, достигало в благополучные годы тысячи. Например, в 1817 году по Двине было доставлено 1 506 барок и стругов, 17 полубарок, 256 шкутов, 236 лодок, 66 нагруженных и 672 ненагруженных плота. К судам, плавающим по Двине, предъявляли особые требования: они должны быть грузоподъемными и вместе с тем легкими, с малой осадкой, чтобы пройти по мелям и порогам. Как правило, это были плоскодонные суда — лодки, струги, полуструги, лайбы. Струги строились в верховьях и среднем течении Двины из елового леса, на них грузили товары и с помощью опытных кормчих сплавляли вниз до Риги, здесь их разгружали и продавали на слом.

Длина струга достигала 17—18 сажений, ширина — 5 сажений полтора-два аршина и высота — 9 четвертей¹. Один струг вмещал до 13 тысяч пудов груза. Его обслуживала команда в 30 человек во главе с кормчим. У каждого члена команды были свои обязанности. На заднем мостке командовал коренной, один-два заведующих ведали осмотром в пути, на ковыле (руле) стоял детина. Среди других членов команды — сошник, два роскасных, травельщик, лейщик. Построенные на скорую

¹ Сажень=2,1336 м, аршин = 71,12 см, четверть= 17,78 см

руку, плоскодонные струги подтекали, как тщательно ни конопатили и ни смолили их днища, поэтому на каждом были четыре лейки для вычерпывания воды. Команда «на литов» (к себе) означала — налево, а «на Русь» — направо.

Особенно тяжелым был труд гребцов. Они работали, сменяясь через определенное время. Чтобы не было обиды, вешали на струге дырявое ведро, полное воды. Когда вода из него полностью вытекала, происходила смена гребцов.

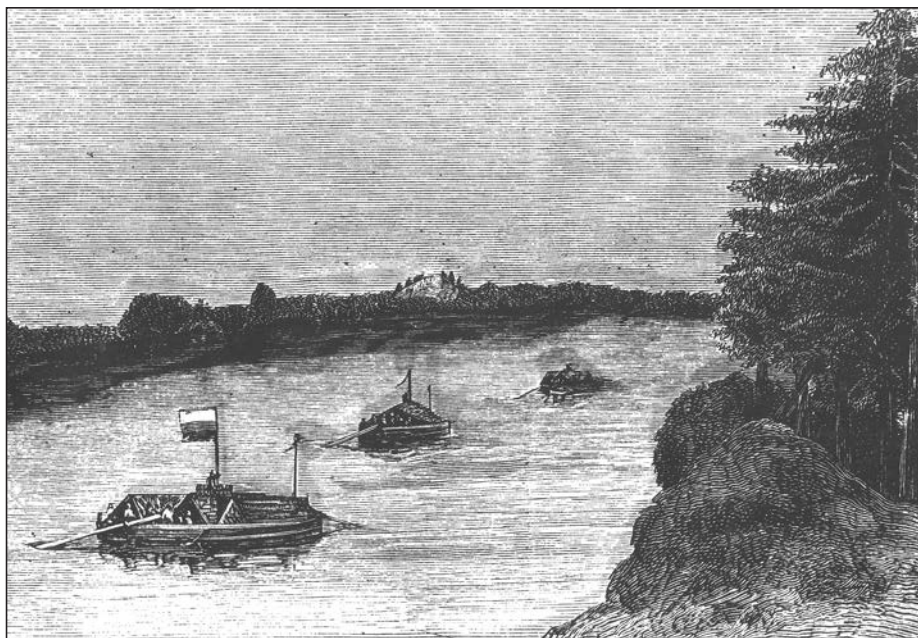
Водная магистраль работала с большим напряжением. Первый струг, открывающий навигацию по Двине, торжественно встречали в Риге пушечным выстрелом.

С проведением железных дорог речные перевозки по Двине постепенно хиреют. В 1861 году была построена дорога от Риги до Динабурга (нынешний Даугавпилс), в конце 1860 года проложили железнодорожный путь от Острова к Динабургу, в конце 1866 года дорога пришла в Витебск. Водный путь не выдержал соперничества с железным: сплав леса из Полоцка и Витебска прекратился в 70-х годах, а от Велижа — в 1887 году.

Главной опасностью для судоходства по Двине были, конечно, пороги и мели. Их было много на всем протяжении реки. Двина образовала их, пробивая себе путь через ряд каменных и меловых гряд. Многие из порогов в народе называли заборами. Это гряды камней, перегородившие русло реки. Другие окрестили головками — скрытые на дне камни, поверх которых хлещет бойкая вода.

Двинские пороги по протяженности — 40 верст — занимали в России второе место после Днепровских (70 верст), а по высоте падения воды — третье после Боровицких на реке Мсте и Днепровских. Пороги носили самые устрашающие названия: Щучья голова, Медведь, Собачья дыра, Чертова борода, Ястребские, Разбойник, Череп. У деревни Соболевой находится порог Чертово гумнище: когда его проплывали на плотях, то плотогоны бросали в воду деньги, стремясь задобрить «нечистую силу». Километрах в пятнадцати от станции Западная Двина река стремительно несется вниз, образуя крутые извилины и стремнины. В начале нынешнего века местные лесопромышленники спрямили русло реки, прокопав канал для сплава леса. Его остатки сохранились до наших дней. Ниже этого канала начинаются знаменитые Вережуйские пороги, имеющие протяженность около двух километров.

Даже опытные кормщики испытывали дрожь при проходе через пороги. Перед порогом вся команда молилась, кормщик отрезал от буханки ломоть хлеба, посыпал его солью и бросал в воду впереди струга. Команда кидала в воду мелкие монеты — на счастье. Но помогало это

Сплав торговых барок по Двине. Рис. из книги А. Сапунова «Река Западная Двина», (1893)

далеко не всегда. Случалось, что струги и шкоты вдребезги разбивались о камни, и местные жители вылавливали из воды остатки судов и всплывших товаров. Скольких кормщиков поглотила Двина — неизвестно, статистика несчастных случаев в то время не велась. Однако до нас дошли сведения, что в начале прошлого века, когда сплавлялось в год 1000—1600 судов, их гибло ежегодно до 25, а в 1804 году, например, было разбито и того больше — до 100.

В одной старой книге я нашел рассказ очевидца, описавшего моменты прохождения порогов. Думается, этот рассказ в полной мере даст представление о том, какую опасность представляли они при плавании по Западной Двине.

«Миновав Менку, мы привалили у Якобштадта. Здесь в малую воду отгружают товары на лайбы, а если их нет, то на берег. Пришлось и мне это делать. Выгрузили из двух барок около трех тысяч пудов, оставили караульного и поплыли далее. Мнение моих кормщиков было — проплыть первый порог и заночевать на последнем привале под бором, в нескольких верстах от главных порогов.

Первая барка так и сделала, но на другой... на которой находился я, когда начали приваливать, вырвало соху, и на берегу остались три

человека и лодка. В минуту набрали запасной снасти и выехали еще двое, но снасти не хватило до берега. Между тем было около восьми часов вечера, поднимался ветер, и впереди грозно шумели пороги. Лодок не успели привязать, их отнесло от барки. Упущенные снасти торопливо выбирали на мосток. Положение было отчаянное, которое может понять только тот, кто плывал по Двинским порогам. Я стоял на заднем мостике и смотрел на кормщика; он был неузнаваем: без шапки, которую сорвало ветром, с растрепанными волосами, бледный он стоял на крыше и смотрел вперед.

— Ребята! — крикнул он. — Молись Богу, держись!.. — И более голоса не слышно было за шумом и ревом волн.

В ту же минуту грозный вал первых попусков обдал нас своими брызгами. Барка загрохотала, перегнулась щепкою и понеслась стрелой. Кормщик сосредоточенно смотрел вперед и только рукой указывал, направо или налево нужно брать. Рабочие мгновенно подхватывали его распоряжения. Берега угрюмые и неприветливые, с нависшими скалами, птицею мелькали мимо нас и точно расступались и неслись назад. Ночной сумрак ложился уже над нами, когда на одном крутом повороте у порога Улан мы наскочили на несколько плотов с лесом, и один плот, повернувшись боком, повис на носу барки. Восемь латышей и одна латышка схватились за дрыгалку и отчаянно кричали. Кормщик соскочил с крыши на передний мосток. Голоса затихли... Еще секунда, и барку разбило бы в щепы. У меня дух захватило, и я закрыл глаза; когда опамятовался, барка шла тихо, выскочив на плесу; плоты оказались далеко позади. Кормщик поздравлял с проходом главных порогов.

— Теперь не робей, ребята, — говорил кормщик, — главное, худое уже прошли, будем целы!

А темнота стояла такая, что берегов не видно. Вода шумела. На высоте скал мелькали огоньки. Быстро пронеслись в темноте ночи Под-Уланье, Червивец, Зыбучая плеса, Чертова борода, Гусар и другие пороги. Прошли и Кокенгузен. Мы плыли, волнуемые надеждою и страхом, всю ночь. И какая же это была длинная и страшная ночь! При воспоминании о ней кровь стынет в жилах и волосы поднимаются... На заре мы добрались до Чалиц, проплыв ночью 115 верст».

...И вот теперь нам предстояло воочию увидеть самые верхние Двинские пороги, не такие грозные, о которых только что рассказал очевидец, но тоже по-своему примечательные. Признаюсь, до этого я никогда не видел речных порогов и теперь торопился на встречу с ними, вешая на шею фотоаппараты, объективы и светофильтры.

Мы двинулись от Земляничной поляны вдоль правого берега вниз

по течению реки. Тропа бежала через поляны, заросшие высокой, по пояс, травой, взбегала на косогоры, чтобы потом юркнуть куда-то вниз и раствориться в густых зарослях прибрежного кустарника. А слева сквозь кусты и деревья блестела широкая водная гладь реки, стиснутой каменистыми берегами. Потом тропа круто пошла вверх, остались позади кустарник и ельник, и впереди замаячили стройные стволы соснового бора. Я прислушался: впереди глухо шумело, как шумит лес в ветреную погоду. Но это шумел не лес. Я посмотрел вверх — на фоне прозрачно-голубого, залитого солнцем неба четко выделялись совершенно неподвижные верхушки сосен. Они стояли, не шелохнувшись, прижавшись друг к другу.

С каждым нашим шагом гул становился все сильнее. Он шел из темного ущелья, поросшего лиственным лесом. Я начал спускаться туда, цепляясь за кусты: мне хотелось увидеть своими глазами эту только что спокойную и тихую реку, которая теперь бесновалась где-то там внизу, зажатая каменными грядками. Шел без тропы, держа направление на доносящийся снизу шум. Торопясь поскорее выйти к порогу, я не обратил внимание на лежащий на моем пути и скрытый густой травой сероватый комочек, скрученный, как веревка, в кольцо. И только какое-то острое чувство приближающейся опасности заставило меня с ходу перемахнуть через него. Оглянувшись назад, я понял, что чуть не наступил на гадюку с зигзагообразной полосой на спине. Я оцепенел, но потревоженная змея, воинственно зашипев, видимо, решила не связываться со мной. Извиваясь, она уползла в траву.

Лес расступился, и меня оглушило ревом бесновавшейся реки. Сверху сквозь заросли кустарника я увидел гряду камней, перегородившую русло, с которой с грохотом падала вниз вода. Река бесилась и кипела, билась о крутые, отшлифованные плиты. Это был первый порог, называвшийся Красный камень, он получил это имя от поднимающегося из воды красноватого валуна. Чтобы посмотреть на порог поближе, я перебрался через протоку на небольшой песчаный островок по перекинутой кем-то толстой жерди.

Теперь, глядя на порог, я понял, почему так разлилась река выше порогов и брошенная мною в воду щепка медленно крутилась на одном месте. Каменная гряда первого порога подпирала воду, как плотина, заставляя реку разлиться широким озером между пологими берегами. А здесь в теснине, прыгая по бесчисленным камням, она металась и шумела, как настоящая горная река, водопадом низвергаясь с каменных плит.

Несколько сот метров отделяют первый порог от второго. Здесь берега выше и круче, а рев воды громче. Она падает с каменного уступа,

от ее грохота шумит в ушах. Балансируя между камнями, облепленными клочками белоснежной пены, подхожу к самому сливу воды. В середине порога между камнями несется мощный поток, низвергаясь вниз. Вспомнились слова дяди Миши: «Я проходил этот порог прямо по центру на надувной лодке. Ощущение такое, что лодка нависает над обрывом, как будто переламывается пополам, а потом ныряет в воду». Порог Медведь (так он называется) — самый крупный из верхнедвинских порогов.

После него река несколько успокаивается. С высокого берега, поросшего еловым лесом, видно, как она бежит, сжатая крутыми, отвесными берегами. Шум утихает. Но ненадолго. Дорогу реке снова перегораживает гряда валунов, через которые с шумом и ревом хлещет присмирившая была вода. Третий порог, прозванный Бараном, пожалуй, самый шумный. Грохот от него слышен далеко, он разносится по лесу, как отдаленные раскаты грома.

Сейчас трудно себе представить, как по этим порогам сплавляли лес от озера Охват до Андреаполя. Дело это было сложное и опасное, хотя и сплавляли плоты весной, по большой воде, когда пороги становились проходимыми. Но и в весеннее половодье вода беснуется и кипит, пробивая себе дорогу в этой теснине, сложенной из известняков и синей глины.

На обратном пути я снова пробежал мимо всех трех порогов. Теперь они казались не такими угрюмыми, как утром. Сверху было видно, как сверкали, переливаясь на солнце, водяные брызги, как бились о скользкие валуны тугие струи, как застыли по крутым берегам сосны и ели, словно охраняя беспокойную и мятущуюся реку.

...Мы пройдем еще немало километров вверх по Двине, отыщем ее начало, увидим ее и маленьким ручейком, и большой рекой. Но все-таки в памяти моей самым ярким, самым сильным впечатлением останется знакомство с первыми Двинскими порогами. Здесь я еще раз отчетливо почувствовал особенный характер этой реки, ее затаенную силу. Спокойная и своенравная, стремительная и тихая, грозная и ласковая, она жила своей, неведомой нам жизнью в этом глухом и таинственном Оковском лесу, среди заливных лугов и сказочных земляничных полей.

Возвращаясь обратно, у первого Двинского порога я осторожно раздвинул траву. На песке снова лежала серая, свернутая кольцом змея.

Я не стал ее тревожить. Ведь она тоже была частью окружающей природы, хозяйкой этих мест, хранительницей реки, леса и всего этого таинственного, сказочного уголка.

«Роспись» стольника Цызырева. *«Река Двина вышла из Заковицкого леса»*

Что можно увидеть в верховьях Двины? Зарастающие лесные озера с блюдцами воды посередине, заливные луга со стогами душистого сена, моховые болота с россыпями клюквы и морошки, реки и ручьи, со звоном сбегаящие с зеленых холмов, деревни с бревенчатыми домами, оштетинившимися телевизионными антеннами, остатки старых окопов и блиндажей, обелиски у дороги с букетиками полевых цветов... И нескончаемые сосновые боры, которые тянутся вдоль Двины на многие километры.

От порогов до озера Охват проселочная дорога бежит берегом реки по крутым песчаным холмам. Она ловко взбирается на косогоры, краем леса обходит низины, петляя по гребням заросших соснами увалов. Меня всегда удивляло, как разумно проложены кем-то эти дороги. В них нет ни крутых подъемов, ни обрывистых спусков, они ловко огибают лощины, каким-то чудом минуют болота, проскальзывают между деревьями, витиевато кружат по лесу, всегда безукоризненно вписываясь в местный рельеф.

В верховьях Двины мы видели много таких дорог, которые и сейчас в этой лесной глубинке являются важным средством местного сообщения. Не все из них действуют. Многие заросли кустарником и травой, заброшены за ненадобность или ведут к уже несуществующим деревням, о которых напоминают остатки фундаментов да буйные заросли крапивы. Но все они проложены мастерски, со знанием дела, я сказал бы, с известной долей таланта и выдумки.

Особенно интересно наблюдать, как мечется колея, выбирая верное направление, когда впереди повстречается болото. Она долго выписывает кружева по кромке болота, стараясь найти в нем хотя бы маленький проход, и только когда все возможные варианты исчерпаны, с ходу бросается в низину, чтобы перейти ее по гатям или деревянным мосткам. Не по нивелирам и колышкам прокладывались такие дороги, а ценою опыта, проб и ошибок, с помощью смекалки и наблюдательности местных мужиков. В общем, из множества путей и направлений выбирался один — самый разумный, самый надежный и самый короткий. Такая дорога жила долго, неся свою верную службу в этом лесном и болотистом краю.

Мы шли по маршруту, которым почти триста лет назад двигалась на «вершину» Двины экспедиция стольника Максима Цызырева. Это была первая научная экспедиция в эти места, снаряженная по приказу

Петра I. В моей походной сумке лежала копия любопытного архивного документа. Это был, как мы сейчас сказали бы, научный отчет об изучении верховьев Двины с весьма примечательным названием: «Чертеж и описание, 1701 года, декабря 11, учиненное стольником Максимом Цызыревым, начав от Витебска вверх до вершины Двины реки, с показанием сел, деревень, лесов и судов по оной ходящих».

Описание это весьма краткое — всего на 4 страницах. Многих деревень, о которых упоминает Цызырев, уже давно нет на географических картах, другие, как, например, село Дубна, изменили свои названия, но и сегодня эти скупые строчки почти трехвековой давности читаешь с большим интересом.

«1701 года, декабря в 11 день, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... и по приказу ближнего боярина и воеводы Петра Самойловича Салтыкова велено стольнику Максиму Цызыреву сделать тайным обычаем от Витебска вверх до самых вершин Двины реки чертеж с подлинною мерою по маштапу, и очертить и описать те в чертеже имянно, в которых местах от границы, сколько от Двины реки и где перешла Двина через рубеж Московский, и какие села и деревни по ней, и сколько много ее бегу в рубежах Московских, и вершинах какова велика, и какие по ней суда ходят, и какие села вверх по той реке есть, и то все записав имянно, велено написать на роспись книгу».

Максим Цызырев в точности исполнил приказ царя, «всему учинил чертеж с подписью на 4 листах и тому чертежу учинена описная роспись в книге». Человек он был, судя по всему, любознательный и к тому же пунктуальный. В деревнях, мимо которых проезжал Цызырев, он тщательно расспрашивал мужиков о глубине, фарватере, мелях по реке, возможном по ней судоходстве и самым аккуратным образом записывал все полученные сведения в свой походный дневник. Отчет об экспедиции, который был представлен царю, свидетельствует о незаурядных качествах автора как географа, путешественника и картографа.

Из «росписи» видно, почему стольник путешествовал не открыто, а «тайным обычаем». Дело в том, что он проезжал по землям, входившим в то время в состав Польского государства. Тогда граница между Московской стороной и польскими землями проходила по реке Торопе, разделяя Торопецкий уезд и Велижский, который находился уже на польской стороне. От села Дубна до польского рубежа было всего 90 верст, поэтому и приходилось стольнику путешествовать инкогнито, чтобы его ненароком не посчитали лазутчиком Москвы.

Направление Цызырева в верховья Двины было обусловлено, несомненно, стратегическими интересами Петра I. Ведь по Двине прохо-

дил самый надежный, если не считать порогов, и самый дешевый водный путь в Балтийское море. А верховья Волги и Двины так близко подходили друг к другу, что напрашивалась мысль о соединении Двины посредством канала с Поволжьем и Центральной Россией.

В «росписи» нет данных, до какого места в верховьях Двины дошла экспедиция Цызырева, но он точно был в Дубне, а потом совершил путешествие вверх по Двине к озеру Охват, которое тогда называлось Афото.

Мы идем вдоль реки по лесной дороге, проложенной через чистый и светлый сосновый бор. Тропа то выбегает прямо на обрывистый берег Двины, то удаляется от нее, и тогда нас со всех сторон обступают сосны. Бор настолько светел и прозрачен, что реку сквозь стволы сосен мы видим за километр. Дорога густо усыпана хвоей и шишками. Вдоль нее мелькают желтые цветы зверобоя и иван-чая, а там дальше, насколько хватает глаз, тянутся черничные поля.

Где-то далеко на весь лес прокуковала кукушка. В гулкой тишине ее голос звучал таинственно и призывно, будто манил куда-то в тревожную даль, туда, где сосновый бор смыкался с темным еловым лесом.

По этой лесной дороге, наверно, давно не ездили. Ее колеи были доверху засыпаны сосновой хвоей. Время от времени, раздвинув хвоинки, на обочину выбегала стайка грибов — красных, желтых, фиолетовых сыроежек, темно-коричневых маслят с влажными шляпками, грациозных подберезовиков на тонких стройных ножках. Я вынул котелок и стал собирать эту нечаянную лесную добычу.

Дорога взлетела на песчаный бугор, и на нас пахнул густой запах сосновой смолы. Он шел от крупных и стройных сосен, выстроившихся вдоль просеки. На их стволах были нанесены стреловидные насечки, напоминающие «елочки». Ниже насечек прикреплены жестяные чашки, в них стекала густая пахучая смола. Многие были наполнены доверху. А она продолжала течь по выбитым в стволах желобам, переливаясь через край, капала прямо на землю. Не выдержав тяжести, некоторые чашки падали и валялись под деревьями на желтой пахучей хвое. Мы шли от одной сосны к другой — на каждой из них на стволе были эти стреловидные насечки, а под ними жестяные чашки. На некоторых деревьях мы насчитали до четырех и даже пяти таких чашек.

Мы вошли на плантацию по добыванию живицы — ценного сырья для химической и медицинской промышленности. Такие плантации

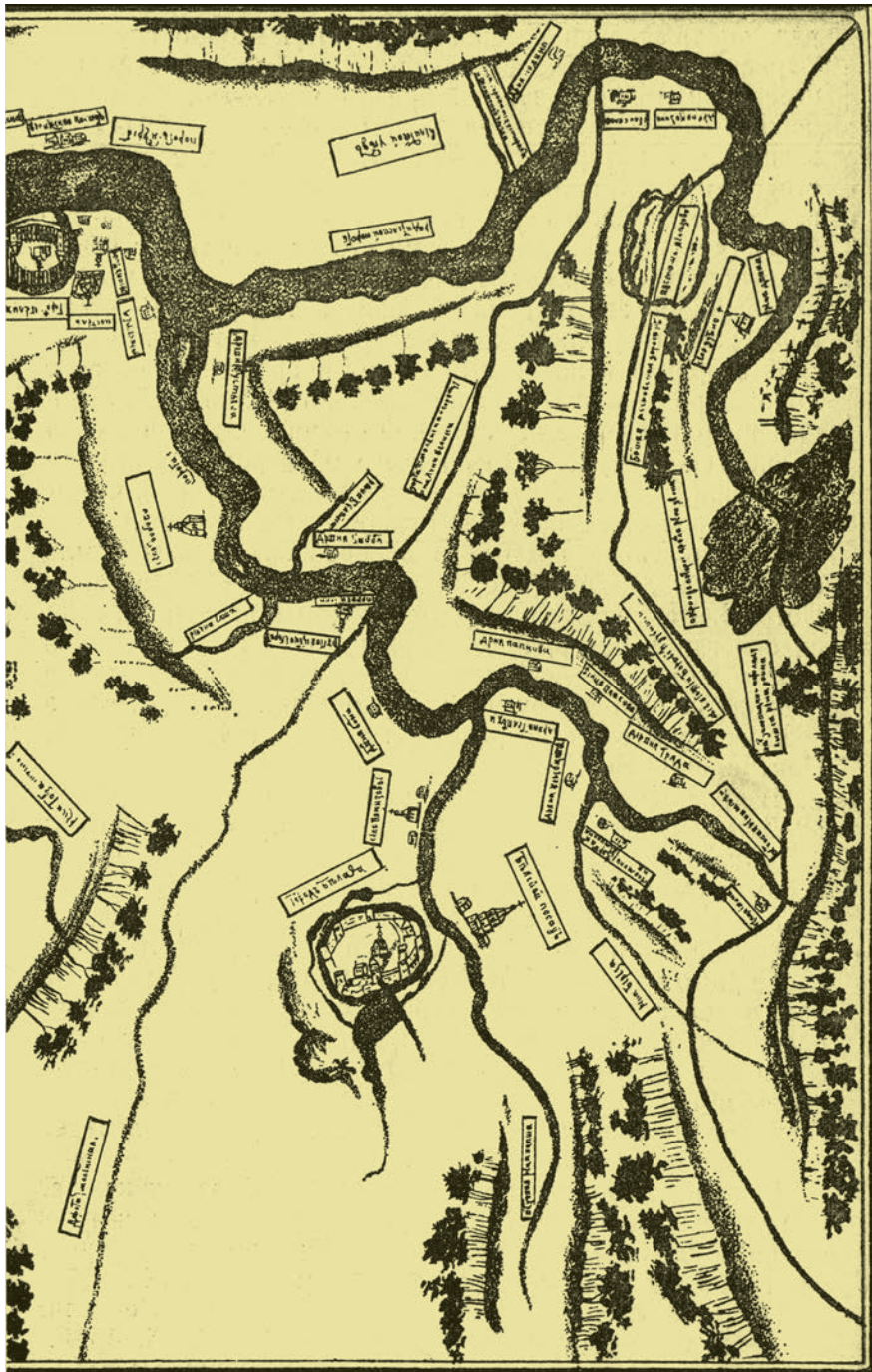
В крайнем правом углу чертежа столтника Цызырева изображён лес, из которого вытекает Зап. Двина, чуть выше озера Охват(Афото), куда она впадает. В «Росписи» об этом сказано кратко: «Река Двина вышла из Заковицкого лесу и впадала в озеро Афото и то озеро прошла сквозь». *Рис. из книги А. Сапунова «Река Западная Двина», 1893 г.*

ЧЕРТЕЖЪ И ОПИСАНИЕ

1701г Декабря 11

УЧИНЕННОЕ СТОЛЬНИКОМЪ МАКСИМИМЪ ЦЫЗЬРЕВЫМЪ
начавъ отъ Витебска вверхъ до вершинъ Двины
рѣки, съ показаніемъ селъ, деревень, лѣсовъ,
и судовъ, по оной рѣкѣ ходящихъ.

тянутся по берегам Двины и озера Охват на многие километры. Добывается живица весной и летом. Во время сбора сосновые боры оживают — сборщики идут от дерева к дереву, снимают чашки-приемники. Несколько десятков таких приемников — и готово ведро смолы. Потом густую и пахучую массу сливают в большую бочку и везут в лесхоз. Смола в бочке тяжело колыхается, распространяя вокруг острый запах скипидара.

Для того чтобы взять из сосны живицу, выбирают спелое взрослое дерево. Рабочий-вздымщик специальным инструментом наносит на кору до самого ствола насечки. Насечки делаются параллельно одна другой, в виде «елочки». По ним вниз в прикрепленный к стволу приемник и течет белая, похожая на мед, смола. Насечки на одной стороне дерева называются каррами. Если дерево достаточно толстое, то на нем может быть и два, и три, и четыре карра.

Работа вздымщика тяжелая, ведь ежедневно ему приходится обрабатывать десятки деревьев. Но и продукт, который добывают сборщики живицы, ценится весьма дорого. Из живицы изготавливают скипидар, канифоль, она отличное сырье для производства лаков и красок, изготовления многих лекарств, без нее не может обойтись и парфюмерная промышленность. Во многих духах и одеколонах также находят применение чудесные свойства живицы.

Не случайно народ приписывает живице много чудодейственных качеств. Считалось, что она заживляет раны не только у деревьев, но и у человека, обладает целебными свойствами. Ведь и само слово — «живица» сродни слову «жизнь», «жить», да и сама смола добывается из живого, подсеченного дерева.

Из леса дорога сбежала вниз к реке и уперлась в свежескошенный луг с разбросанными по нему стогами сена. Справа остался высокий берег, поросший сосновым лесом. Слева бежала небольшая река, наполненная до краев водой, с невысоким кустарником и осокой по берегам. Казалось удивительным, что вода, заполнившая русло, не выплескивается на луг.

Мы прошли по берегу несколько десятков метров. Темная вода бежала вперед, вливаясь в огромный залив. Река под прямым углом впадала в залив слева, а справа как продолжение залива в сторону леса вела полноводная извилистая протока. Впереди на высоком обрывистом берегу виднелись постройки какой-то деревеньки. Вспомнились слова одной туристской песни: «Кругом тайга, одна тайга, и мы посередине». Только вместо тайги кругом была одна вода, и непонятно, куда что втекало и откуда вытекало. Не было реки, привычного речного русла. Перед нами лежало озеро.

Со стороны берега раздался свист, и кто-то чертыхнулся. Раздвинув кусты, мы увидели лодку, в которой сидел рыбак с длинной самодельной удочкой. Он торопливо подводил к борту подсачок, в котором трепыхалась пойманная им рыба. Потом не спеша насадил нового червя, смачно плюнул и со свистом закинул леску чуть ли не к противоположному берегу.

Только тут я счел уместным вступить с рыбаком в беседу. Он оказался из соседнего поселка Бобровец, который виднелся впереди.

— Вот здесь она и начинается — Двина, — увидев наше недоумение, подтвердил рыбовод. — Вот тут, значит, озеро Охват, — он кивнул на нос лодки, — а там река. — И он показал удочкой в сторону кормы.

— Вы-то где рыбу ловите — в озере или в реке? — не поняли мы.

Рыбак вдруг замолчал, посмотрел на поплавок и дернул удилищем — в лодку, описав полукруг, плюхнулся красноперый окунь.

— А это как считать, — улыбнулся он. — Вот эта удочка у меня в озеро заброшена, а эта — в реку. Потому и место это у нас зовется Устьем — здесь озеро Охват впадает в Западную Двину. Или — можно и так — река Двина вытекает из озера Охват.

— Значит, этого окуня вы поймали в озере, а эту плотву — в реке?

— Да вроде бы так получается.

Лодка рыбака действительно стояла в самой протоке, где кончается озеро и начинается река. Как раз посередине той линии, которую условно можно было бы провести от одного берега до другого. Эта линия проходила по самой лодке, так что рыбак не очень сильно преувеличивал, говоря, что ловил рыбу и в озере и в реке.

Стоя на берегу маленькой речушки, тоже впадающей в озеро Охват, мы теперь с интересом смотрели, как широкое и спокойное, заросшее осокой и кувшинками озеро вдруг превращается в быструю и довольно полноводную реку с крутыми, поросшими лесом берегами, тут же показывающую свой характер, свой нрав. Воды из озера с низкими в этих местах берегами как бы выплескивались в речное русло. И переход из одного состояния в другое был настолько очевидным, как будто кто-то провел по воде невидимую черту, сказав: здесь кончается озеро и начинается река.

Окрестное население называет это место Устьем. Вроде бы странное название: ведь устье в современном понимании — это место впадения реки в море, озеро или одной реки (притока) в другую. Это знает каждый школьник. Однако в старых источниках этот термин употребляется и в значении: «исток реки из озера», «пролив, ведущий из бухты, из залива в море», «узкий выход из водоема». Поморы на Севере называют устьем участок моря, расположенный у входных мысов губы.

И вот этот участок воды, где из озера Охват вытекает Западная Двина, издавна назывался Устьем. Возле него мы и стояли на берегу, с интересом наблюдая за таинственным превращением озера в реку.

Это место знаменательно еще и потому, что еще в XIX веке многие географы по скудости сведений принимали его за исток Западной Двины. И только много позднее эта ошибка была исправлена, и за исток стали принимать озеро Двинец, откуда она вытекает маленьким ручейком.

Снова вспомнилась «роспись» Максима Цызырева, побывавшего в этих местах почти 300 лет назад. Задолго до других научных экспедиций он еще в 1701 году определил, что Двина вовсе не вытекает из озера Охват, а начинается значительно выше. Со слов местных жителей он записал в своей «росписи»: «Река Двина вышла из Заковицкого (Оковского. — А. П.) лесу и впала в озеро Афоту (Охват) и то озеро прошла сквозь». Это первое упоминание в нашей литературе об истоке Западной Двины после Начальной летописи. Значит, уже в XVIII веке местное население было убеждено, что река Двина не вытекает из озера Охват, а впадает в него, начинаясь в таинственном Заковицком лесу, проходит через него и бежит дальше уже полноводной рекой. Но «роспись» стольника Цызырева почти двести лет пролежала в царских архивах и была неизвестна научной общественности. Только во второй половине XIX века ее случайно обнаружили ученые и предали гласности. Таким образом, Цызырев почти на двести лет опередил выводы русской географической науки.

Мы присели у копны сена и развернули карту Шимкевича. На ней четко было обозначено озеро Охват, место, откуда вытекает Двина, и поселок Бобровец на другом берегу озера. Между нами и поселком была река. Местные жители называют ее Жаберкой или Русановкой. Она текла в нескольких метрах от нас, среди лугов и кустарников. Не такая уж широкая — метров пять-шесть, не больше, но ни перепрыгнуть ее, ни перейти в брод было невозможно. Я попытался было измерить глубину речки березовым шестом, который валялся на берегу. Шест ушел почти по самую головку в воду — с нашими рюкзаками нечего было и думать переходить реку вброд.

Еще в Андреаполе Эдуард Эдуардович говорил: «Пройдите выше по течению, там должен быть брод».

Но маленькая неказистая речка Жаберка оказалась не такой уж простой. Укутанная в болотную траву и заросли кустарника, она никак не хотела пускать нас на другой берег, перегородив колючей изгородью все выходы к реке. Кустарник цеплялся за рюкзаки, хватал нас за одежду. Через полчаса мы вымокли с ног до головы. А брода все не было.

Пришлось искать другой путь. Методом проб и ошибок нашли, наконец, оптимальный вариант, промаркировав брод тонкими прутиками. По нему, наконец, и перебрались на другую сторону Жаберки, неся на головах свою нехитрую поклажу.

...Через полчаса изрядно посиневшие мы вошли в поселок Бобровещ, хлюпая мокрыми кедами. Местные старушки жалостливо смотрели нам вслед, а поселковые собаки иступленно брехали из своих подворотен.

Волкота. *Мертвая деревня*

Как все-таки изменчивы походные пути-дороги. Казалось, только полчаса назад мы продирались сквозь заросли камыша и кустарника, форсировали эту коварную Жаберку, а сейчас сидим на деревянной скамеечке на высоком берегу озера Охват и наслаждаемся его зеркальной гладью, синей полоской леса на горизонте и теплом яркого солнца, щедро льющего свои лучи на тихий лесной поселок.

В самом его центре, за обветшавшим палисадником среди редких сосен стоит потемневшее от времени деревянное здание. Возле крыльца вывеска: «Клуб Жуковского лесопункта». Но клуб на замке — то ли сегодня не рабочий день, то ли уже время позднее. В сквере тишина и запустение. По нему важно расхаживают куры, пасется корова, забредшая сюда с улицы. Рядом с клубом шербатый настил с лавочками по краям и столб с репродуктором посередине — местная танцплощадка. От ее деревянной, открытой всем ветрам и дождям сцены веет каким-то удивительным довоенным теплом и уютом, домашним спокойствием и еще чем-то неуловимо приятным.

Я потрогал ветхие, покосившиеся перила. И вдруг живо представил себе небольшой станционный поселок Удомля, что в Калининской области, где мы жили с отцом в далекое предвоенное лето, — и весть о войне, и плач жен и матерей, и прощание с солдатами, уходящими на фронт, и такую же танцплощадку с деревянным настилом, где медленно кружились пары под звуки духового оркестра. И нас, любопытных подростков, облепивших ее со всех сторон. Туда пускали только взрослых. Танцплощадка в те годы означала нечто большее, чем место для танцев. Это было место гуляний, развлечений, встреч и знакомств, обмена мнениями и новостями. На этом крохотном пятачке по вечерам сосредоточивалась вся жизнь поселка. Это был ее центр, целый мир радостей, настроений, отношений, страстей, о чем мы тогда и не

подозревали. Нас, мальчишек, привлекали туда обилие народа, музыка и яркий свет лампочек. Для нас это был праздник, спектакль.

И вдруг все это кончилось, как будто кто-то задернул занавес на сцене, прервав яркое и красочное представление. Танцплощадка первая отреагировала на войну — она опустела. Ушли на фронт ее прежние завсегдатаи. Исчез духовой оркестр. Теперь никто не задерживал нас у входа и никто не проверял билетов. Мы проходили прямо на площадку, садились на лавочки и молча смотрели, как по дощатому настилу ветер гонит одинокие листья.

Бобровец — поселок лесорубов. Здесь наряду с обычными крестьянскими домами с палисадниками и сарайчиками для живности, живописно разбросанными по берегу озер, есть целые улицы добротных, но, как мы сейчас говорим, типовых свежесрубленных деревянных домов. Они выходят на улицу, ошетилившись радио- и телевизионными антеннами. А рядом — тоже типовой новый магазин. Видно, неплохо идут дела у местных лесорубов.

Поселок раскинулся на опушке соснового бора на крутом берегу озера Охват. С высокого зеленого холма сбегает к воде тропинка, они протоптаны к черным смоленным лодкам, приткнувшимся к самому берегу, к длинным деревянным мосткам, на которых женщины полощат белье. Я тоже спускаюсь вниз, туда, где на зеленом лугу чернеют пятна перепаханной темной, как навоз, земли. Здесь, как сказал мне один старичок, местные рыболовы копают червей.

Я поднял брошенную кем-то заржавевшую лопату и начал копать. Земля — сырая и вязкая, какая бывает на заливных лугах. Время от времени из поселковой бани, что стояла здесь же на холме, с криком и шумом выбегали обнаженные распаренные мужчины и с ходу бросались в воду. Долго плавали, весело гоготали, вылезали на мостки и снова бежали наверх. Была суббота, банный день. Все мужское население Бобровца с наслаждением предавалось водным процедурам.

Таким и остался в моей памяти этот лесной поселок на крутом зеленом косогоре, о который ласково плескалось озеро Охват, — тихий, спокойный, живущий простой и естественной жизнью, со своими заботами и хлопотами.

Сосновые леса начинались прямо за околицей и нескончаемо тянулись вдоль берега озера. Наш путь лежал на север, по левому берегу, туда, откуда начиналась Двина. Но сама река пропала, растворившись в озере, и теперь текла где-то там, на дне, пробивая свое русло сквозь песчаные отмели и заросли осоки. Поди, отыщи ее в этом огромном море воды, среди плесов, крутых сосновых берегов и островов с кудрявыми зелеными шапками.

Дорога пропала, мы снова шли по лесной тропе, не теряя из виду озера. В нашей походной лоции, составленной Шимкевичем, было записано: «Идти вдоль берега озера, влево не сворачивать, выйти на поляну Мартынов рог, здесь возле остатков сараев в озеро слева впадает река Волкота, переправиться на другой берег реки и выйти на дорогу, идущую в поселок Охват».

Там, в Андреаполе, когда Эдуард Эдуардович давал свои пояснения, нам было все ясно и путь казался простым и легким. Но, как это часто бывает, «просто было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Мартынов рог мы отыскивали без труда. Так местные жители называют небольшой полуостровок, который вдаётся в озеро. Когда-то здесь, возможно, и стояли сараи. Мы обнаружили буйные заросли крапивы возле фундамента одного из них. Но сейчас это была просто зеленая лужайка, по краям поросшая могучими дубами.

Отсюда хорошо видна неоглядная гладь озера и обширный заболоченный залив слева. Он тянулся большим длинным языком, отрезая нас от противоположного берега. Это было место впадения в озеро Охват реки Волкоты. Мы огляделись вокруг. Ни бревен, ни досок, ни другого подручного материала, чтобы соорудить плот, на берегу не было. Значит, перебраться на ту сторону можно было, лишь обогнув Мартынов рог и форсировав реку Волкоту выше того места, где она впадает в озеро Охват, образуя заросший камышом залив.

Чем дальше мы шли вверх по берегу, тем уже становился залив, пока не превратился в широкую заболоченную долину, посредине которой петляла довольно широкая речка. Это и была Волкота. Но ни здесь, ни дальше вверх по ее течению мы не нашли ни мостика, ни брода.

Я посмотрел на карту. Река тянулась на десятки километров на северо-запад длинной синей змейкой в сторону озера Отолово в самый дальний болотистый угол Андреапольского района. До ближайшей деревни Стеклино, где, возможно, находился мост, было около 20 километров, а до села Волок — не менее 25.

Пришлось заночевать в мелком ельнике прямо на берегу реки, чтобы завтра попытаться найти брод. От ельника к реке вела давно нехоженная тропа, петлявшая по обширному некошеному лугу. Густая и высокая трава доходила мне до груди. А на том берегу она была скошена, и, насколько хватало глаз, вся луговая пойма была уставлена стогами сена. Пахло травами, луговыми цветами. Я зачерпнул воду ладонью, чтобы попробовать на вкус: зубы заломило от холода. Вода была чистая, родниковая, хотя и текла река по обширной заболоченной пойме.

...На следующее утро мы делаем попытку переправиться на другую сторону. Но шест у берега уходит почти на два метра. Не хочется лезть в холодную, как лед, воду. И мы снова идем вдоль реки, надеясь найти брод или какой-нибудь мосток.

Волкота — красивая река¹. Она течет в широкой речной долине, петляя среди бесчисленных стогов сена. Пойменные луга здесь отличные, и местные колхозы каждый год заготавливают тонны сена. Время от времени пересекаем проселочные дороги. Все они тянутся к реке, и мы каждый раз радуемся, надеясь, что хоть одна из них приведет нас к броду или мостику. Но колея, не дойдя до берега реки, делает круг у стога сена и поворачивает обратно.

По Волкоте проходит граница двух районов Калининской области — Андреапольского и Пеновского. Каждый район имеет свои сенокосы по ту и эту стороны реки и свои дороги, которые оканчиваются у «своих» стогов сена. Так что мост здесь вроде бы даже и никому не нужен, кроме нас, разумеется.

Но красота реки не только в ее быстром течении, причудливых изгибах русла, роскошных заливных лугах, но и в неоглядных сосновых лесах, которые растут чуть выше ее поймы. Сосны бегут по окраине заливных лугов, то взбираясь на высокие песчаные косогоры, то сбегая вниз, когда на их пути встречаются маленькие речки и ручейки — притоки полноводной Волкоты. Рождаясь из чистых, прозрачных лесных родников, укрытые травой и кустарником, они несут в Волкоту свою студеную, настоенную на хвое воду. По временам нам приходится взбираться на крутые, заросшие лесом песчаные холмы, оттуда река кажется маленьким извилистым ручейком.

Трудно представить, что когда-то, несколько веков назад, эта река была судоходной. По ее руслу плыли струги и барки, груженные товарами. Весной, когда река разливалась, она как бы соединялась с озером Охват, становилась его рукавом. Тогда можно было не следить за извилистым фарватером, плыть прямо по лугу. По воде перевозили разные грузы, гнали плоты в низовье Двины. Летом река была доступна разве что для небольших барок и плоскодонных лодок.

У знаменитого древнего водного пути «из варяг в греки» было много ответвлений. Одно из них, как считают ученые, и проходило по этим местам. Отправляясь с низовьев Днепра в Варяжское (Балтийское) море, купцы плыли вверх по Западной Двине до озера Охват, затем по озеру до впадения в него реки Волкоты. По Волкоте поднимались вверх до озера Отолово. Затем на их пути был волок в озеро Лучане.

¹ О путешествии по р. Волкоте и поиске её истока см. в книге А. Попова «Дорога к истоку». — Тверь: ИНИКО, 2009 (А. П. 2012)

Здесь товары разгружали, суда ставили на катки и тащили их по сухопутью. На месте волока возникла деревня с одноименным названием — Волок. Затем из озера Лучане ладьи попадали в верховья реки Полы, по ней в Ловать, озеро Ильмень и Новгород. Об этом пути, кстати, имеется упоминание в одной из древних русских летописей. В ней сказано, что в 1173 году из Новгорода в Смоленск по этим местам ехал князь Рюрик Ростиславович. Как отмечает летопись, во время пути, в городке Лучане, у него родился сын Михаил, которому он и отдал этот город.

Село Волок стоит на Волкоте, совсем недалеко от этих мест. Отсюда система волоков вела в озеро Бросно, а из него в верховье реки Торопы — притока Западной Двины. Севернее озера Отолово находилось озеро Лопастницы, соединенное протокой с озером Витбиным. Здесь, недалеко от нынешнего села Ворошилово, в конце прошлого века был обнаружен каменный крест из красноватого песчаника. Он стоял на берегу протоки из озера Лопастницы в озеро Витбино возле двух соседних деревень Старая и Новая Переволока. Таких памятных крестов, которыми древние землепроходцы «метили» водные пути, известно немало: это Стерженский крест, стоявший на Стерженском городище у впадения Волги в озеро Стерж, Нерльский крест — у впадения Нерли в Клязьму и т. д. Обычно они ставились на самых трудных участках пути, у впадения рек, древних волоков. Эти кресты являются ценными славянскими памятниками X—XI веков. Лопастницкий и Стерженский кресты ныне хранятся в Калининском историческом музее.

Сейчас по старинным водным путям совершают интересные путешествия туристы-байдарочники. Одну такую группу мы встретили в Андреаполе, на берегу Двины. Свой поход они закончили там же, откуда начали, совершив так называемую кругосветку: Андреаполь — река Западная Двина — река Тороба — волок в озеро Бросно — волок в реку Волкоту — озеро Охват — река Западная Двина — Андреаполь.

Значит, туристы проплывают и по этим местам. Но сейчас берег Волкоты был пустынен, и нам ничего не оставалось делать, как идти дальше, чтобы отыскать старинную деревню Волкота, где, как нам сказали еще в Андреаполе, рядом со сваями — остатками старого деревянного моста, раньше был брод через реку.

Проселочная дорога выводит на высокий косогор. Лес отступил, и отсюда, с холма, открылся вид на долину реки Волкоты. Здесь она широкая и раздольная, с заливными лугами вдоль берегов. Сверху из бездонной синевы доносилась звонкая песнь жаворонка. Она лилась на луга и леса ликующе радостно, как гимн этой древней и прекрасной земле.

И тут мы заметили вдоль дороги на примерно одинаковом расстоя-

нии друг от друга остатки кирпичных фундаментов и печных труб, ямы от бывших погребов, густо заросшие полынью и крапивой. Вот, пожалуй, и все, что осталось от деревни Волкоты. Поставленная на высоком косогоре, окруженная лугами и полями, ныне заросшими, она не один век давала приют местным жителям. Это была большая старинная деревня, о чем свидетельствовало и доньше сохранившееся кладбище на холме, поросшем соснами. Говорят, что в глубокой древности здесь находилось укрепленное городище, а потом могильник древних славян. И теперь в этой земле покоятся останки многих поколений.

Грустно смотреть на это ныне безлюдное место, где некогда кипела жизнь, звенели косы на заливных лугах, гулко гроыхали повозки по деревянному мосту через Волкоту, залиvisto пели петухи, а над избами по утрам поднимался дымок. Здесь, на этом косогоре, у сохранившихся доньше березок, встречались деревенские парни и девчата, устраивались танцы под гармонь, отсюда провожала на фронт деревня своих мужиков в Великую Отечественную. И сюда же вернулись те немногие из них после Победы.

Для всех, кто родился и жил в этой деревне, она и была Родиной. Потому что не может быть Родина абстрактным, отвлеченным понятием. Она живет в каждом из нас памятью о маленькой речке, где ты купался в детстве или поил лошадей, о запахе трав во время сенокоса, о скрипении деревянного моста, о первых походах в лес и на болото за морошкой и клюквой, о первых мальчишеских обидах и радостях, о первой любви...

Чувство родины всегда конкретно и осязаемо. А зарождается оно очень рано, в детстве, в своем родном краю. Вспомним известные строчки Константина Симонова:

*...Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты извездил и узнал,
Ты вспоминаешь Родину такую,
Какой ее ты в детстве увидал.*

Кто-то даже придумал особый термин для обозначения этой родины — малая родина. В отличие от всей нашей огромной страны, которую называют часто большой Родиной. Мне, самому родившемуся и выросшему в деревне, непонятно такое деление. Любовь к Родине —

это чувство, которое нельзя раскладывать по полочкам. Оно едино и неделимо, как неделима сама родная земля. Любовь к деревне, к тем местам, где ты родился и где живешь, к речке твоего детства, к земле, по которой ты ходишь, — это и есть та самая большая любовь к Родине, без которой трудно прожить человеку на свете. Потому что твоя речка и березка под окном и поле со стогами сена — это только частичка того огромного мира, в котором тебе предстоит жить. И любовь к местам своего детства и есть святая любовь к своей земле, к своему народу, своей стране. Вот почему родники твоей жизни должны быть всегда чистыми и незамутненными, вот почему где бы мы ни были, мы всегда храним в своей памяти воспоминания о родном доме.

Я присел на остатки кирпичного фундамента, посмотрел на заросший бурьяном двор и увидел чугунок — обычный деревенский чугунок, кем-то брошенный за ненадобностью при отъезде. Он был расколот, на его боку зияла идущая сверху вниз трещина. Я поднял его и тихонько поставил на каменную кладку. Чугунок загудел жалобно, тоскливо и одиноко.

Деревня Волкота — одна из тех, что не смогли подняться после войны. Мало кто из мужиков вернулся сюда после Победы. Трудные послевоенные годы тоже сделали свое дело: деревня хирела, беднела, нищала. И потянулась в город молодежь, и стали пустеть деревенские улицы, ветшать избы и палисадники. И зарастать кустарником бывшие пашни, и пропадать некошеные заливные луга — основное богатство здешних мест. И некому было чинить обветшавший мост через реку, да и зачем он деревне, где уже никого не осталось. Говорят, еще несколько лет назад здесь стояли две-три избы, потом их свезли в соседнюю деревню или продали на слом.

Типичная судьба многих других нечерноземных деревень. Их совсем недавно называли неперспективными: какой прок от деревни, где живут одни старики да старухи. И зачем здесь школа, когда детей — раз-два и обчелся. А раз так, то незачем строить дороги, чинить мост через реку, держать магазин, обслуживать электролинию. Не проще ли свезти все деревни на центральную усадьбу, где есть все удобства — и водопровод, и школа, и магазин, и клуб, и дороги?

Местный поэт Валерий Токарев в стихотворении «Нечерноземье» писал о калининских глубинных деревнях, словно имея в виду Волкоту:

*Эти проселки, где вязнет в грязи «Беларусь»,
В самой глуши, у истока Тверцы иль Мологи,
Эти деревни вдали от железной дороги,
Вы опустели, но я вас судить не берусь.*

*Это отсюда пошел наш двужильный народ:
Тот, что пахал, не снимая с земли этой пенки,
Что же пустеют сегодня твои пятистенки,
Как же случилось, что здесь на народ недород?*

Больно видеть опустевшие деревни, но еще больнее — деревни не существующие, от которых остались одни фундаменты, печные трубы да треснувшие чугунки. Ушли люди, а вместе с ними ушло что-то большее — ушла сама жизнь, хозяйское отношение к земле, к лугам, пашне, потеряны родные места у десятков людей, и многим из них, ныне разбросанным по городам и поселкам, снится река Волкота, родная деревня, неоглядные заливные луга.

Грустно ныне смотреть на эти заросшие мелколесьем поля, заброшенные покосы, разрушенные мосты. Ведь это же наша земля, наши поля и луга. Почему все это находится в таком страшном запустении? Мы говорим о выполнении Продовольственной программы, о развитии сельского хозяйства, едем за тридевять земель поднимать целинные земли, а вот она, под боком, рядом с нами, — эта целина, эта когда-то плодоносящая земля, эти некогда роскошные луга. Только мертвая это и вроде бы никому не нужная, брошенная земля. Потому что нет у нее заботливого и рачительного хозяина. Нет тех, кто всегда жил в этих местах, любил эту землю и в поте лица трудился на ней.

Тверская земля всегда была скупа на урожай. Но и сейчас, сравнивая результаты труда тверского крестьянина и нынешние достижения сельского хозяйства области, с грустью убеждаешься, что не так уж далеко мы ушли вперед за последние 100 лет.

Объявляя деревню неперспективной, мы одновременно рубим и те корни, которые связывали ее жителей с этой землей, с традициями живших здесь поколений, с многовековой историей. А все это не проходит бесследно, особенно для нашей молодежи. Не потому ли у некоторой ее части развились такие качества, как равнодушие, инертность, нежелание откликнуться на «зов предков»? Не отсюда ли протягивается ниточка к духовной бедности, беспамятству, нравственному бескультурию?

Не может, не должно быть у нас покинутых деревень и бывших хуторов. Не может, не должно быть заросших лесом пашен и лугов на том месте, где некогда была богатая нива. Не должно быть ни одной неперспективной деревни, ни одного неперспективного хутора, ни одной неперспективной избы. Ибо для тех, кто там родился и живет, — это частица нашей Родины. А у родной земли есть не только корни, не только прошлое и настоящее, у нее обязательно должно быть и будущее.

Теперь всем ясно, что было непростительной ошибкой селить людей из малых деревень в перспективные. Селить-то селили, а сотни и тысячи гектаров земли, которые по-хозяйски осваивали в течение многих поколений жители этих малых деревень, теперь пропадают, заросли мелколесьем, заболачиваются, превращаясь в обычную целину.

Но не целина это вовсе, а забытая, запущенная нами земля, некогда дававшая хотя и не очень большие, но устойчивые урожаи. А самое главное, эта земля по-хозяйски использовалась теми, кто жил здесь, кто уже вложил в эту землю и свой труд, и свою заботу. Ну хотя бы из уважения к ним надо возродить эти забытые, заброшенные деревеньки, не дать окончательно погибнуть тому, что еще можно, что нужно спасти, использовать, пустить в наше общее дело, заставить служить людям.

По старой, давно не езженной дороге спускаемся вниз, к реке. Она приводит нас к пологому спуску. Слева у берега видны остатки старых почерневших свай — следы от деревянного моста на ту сторону реки. Волкота здесь стремительная. Вся заросшая водорослями и прибрежной травой, она неудержимо несется вниз, к озеру Охват. С опаской входим в холодную колодезную воду, она доходит до пояса, но потом, на середине реки, начинает мельчать. Мы выходим на другой берег, волоча за собой длинные плети мохнатых зеленых водорослей.

Отсюда хорошо виден пригорок, на котором некогда стояла деревня, заросли крапивы и полыни там, где были дома, одинокие одичавшие яблони и старинное кладбище, поросшее соснами. А где-то у старой заброшенной дороги на развалинах кирпичного фундамента одиноко стоит закопченный треснувший чугунок, словно еще ожидая своих старых хозяев.

Почему-то снова на память пришли стихи Валерия Токарева:

*Мы на земле, что зовется озерной, лесной,
Школы построим, дороги, каких не видали!
Пусть деревенские мальчики жмут на педали.
Мы возродим этот край, нам до боли родной.*

Озеро Охват. Колыбель Зап. Двины

От Волкоты до деревни Лауга путь недолгий: километров 15—20. Мы прошли его вдоль озера Охват, протянувшегося длинным широким рукавом с севера на юг. Время от времени мы сворачивали с дороги и напрямик через лес выходили к берегу.

После сумрачного леса странно было видеть огромные просторы сверкающей на солнце воды, застывшие на берегах медные стволы сосен, заросли тростника, зеленым кольцом опоясавшие озеро. Но идти по берегу было трудно, дорогу перегораживали топи, низины, бесчисленные ручейки, которые упорно пробивали себе путь к озеру. И мы снова возвращались на дорогу, проложенную по холмам и гребням увалов. Деревья, густо росшие по обеим ее сторонам, смыкались кронами где-то высоко над нашими головами. Было темно и прохладно.

В третьем томе «Россия» об этом озере мы нашли такие строчки: «Верстах в 55 на с.—с.-в. от ст. Западная Двина, на границе Псковской и Тверской губ., в глухой, малодоступной местности лежит озеро Охват-Жаденье, из которого вытекает р. Западная Двина».

В конце XIX века в этих местах побывали участники экспедиции во главе с профессором Д. Н. Анучиным. Вместе со своими коллегами он «снял» размеры озера Охват. Его длина составляет около 17 километров, ширина — до полутора километров. В сущности оно состоит из нескольких озер или, как говорят местные жители, плесов, соединенных между собой проливами и «реками». Северная часть озера протянулась почти на пять километров. У так называемых Девичьих гор начинается второе плесо, отделенное от первого проливом. Длина второго плеса — около трех километров. У нынешнего поселка Охват оно суживается до нескольких десятков метров. Здесь оба берега озера соединены деревянным мостом. Место историческое. Некогда тут проходил старинный Торопецкий тракт. Ниже моста идет третье плесо длиной около двух с половиной километров, которое у поселка Бдынь суживается в «реку» шириной до 25—30 метров и длиной до трех четвертей километра. Последнее, четвертое, плесо имеет две луки — одно к устью реки Нетесмы, второе — к устью реки Волкоты.

Экспедиция произвела промеры глубин озера. Его наибольшая глубина — 25 метров, а средняя составляет всего 6,3 метра.

Цвет воды в Охвате — красноватый, так как многие впадающие в него реки берут начало в болотах. Только в Волкоте вода более светлая. Дело в том, что эта река проходит в своих верховьях цепочку озер, которые, как гигантские отстойники, освещают воду, и она, вливаясь в озеро Охват, резко отличается от него по цвету. Местные рыбаки рассказывают, что и рыба в Волкоте светлее, чем в озере: в реке водятся «белые» щуки, а в Охвате — «красные».

Любопытная особенность озера: вода в его узких протоках, соединяющих плесы, случается, течет не вниз, а вверх. Это бывает после дождей, когда реки, впадающие в озеро, несут в него большую массу воды, а узкие протоки подпирают ее в плесах. В Стоячем (теперешний

поселок Охват) и сейчас наблюдается это интересное явление, когда в результате обильных дождей вода начинает течь вспять по поверхности озера, то есть вверх, против течения. Может быть, поэтому и назвали деревню, стоявшую на узком перешейке, где Торопецкая дорога пересекала озеро, Стоячая. Здесь вода часто не течет вниз, а именно стоит на одном месте.

В поселке Охват к настилу моста, что перекинут через протоку, кто-то прикрепил деревянную доску. Она выдается далеко вперед, нависая над водой. С нее местные мальчишки, повизгивая от страха и удовольствия, с разбега ныряют в озеро, а вынырнув из холодной воды и победоносно поглядев по сторонам, саженьками плывут к берегу. Так вот та часть озера, что находилась севернее протоки, и была собственно озером Охват, а ту, что южнее — до Бобровца, именовали озером Жаденье. Но с течением времени второе название все больше забывалось, и сейчас все озеро называют Охватом.

На мосту сидят мальчишки и ловят рыбу. Лески забрасывают в сторону Жаденья, а не Охвата. И это не случайно. Поплавки медленно, но упорно плывут. Плывут в сторону от моста, на юг. Отплыв на длину лески, они останавливаются и смирно покачиваются на воде, ожидая поклевки. Что же это за озеро, в котором вода течет? Да, это озеро, но необычное. По сути дела Охват — огромное ложе Двины, которая здесь разлилась на широкие плесы, а пороги, подпирающие ее выход из озера, заставляют воду выплеснуться из русла и, как в половодье, разлиться по широкой речной долине, заполнив все ее пространство. В общем, озеро Охват — это запруженная порогами, как плотиной, гигантская котловина, по дну которой течет Двина. И только когда берега реки подходят близко друг к другу, мы видим ее прежнее русло, вот как сейчас на этом мосту у поселка Охват. Под нами внизу вовсе не протока, а сама Двина, которая медленно, еле заметно движется на юг, в сторону Бобровца, чтобы там из озера окончательно превратиться в реку.

По мосту, вздымая пыль, лихо неслись машины. Поселок Охват стоит на бойком месте: через него проходит большак от Андреаполя на Пено и далее на Осташков. Мчались мотоциклы, бежали фургоны, нутужно урчали тягачи с лесом. Охват — поселок лесорубов, железнодорожников, хлеборобов. Вытянутый вдоль дороги, он жметя к железнодорожной станции со старым заросшим сквером у маленького деревянного вокзальчика. Два раза в сутки через станцию в сторону Бологого проходят поезда из Великих Лук и Полоцка. Тогда перрон наполняется пассажирами и провожающими — жителями поселка и окрестных деревень с туесами ягод, корзинами грибов и бидонами

Рыбная ловля в Зап. Двине летом. Рис. из книги А. Сапунова «Река Западная Двина», 1893 г.

молока: многие ездят на базар в Пено, Андреаполь и Осташков. Но вот состав трогается, и перрон пустеет. Маленькая станция затихает до прибытия следующего поезда.

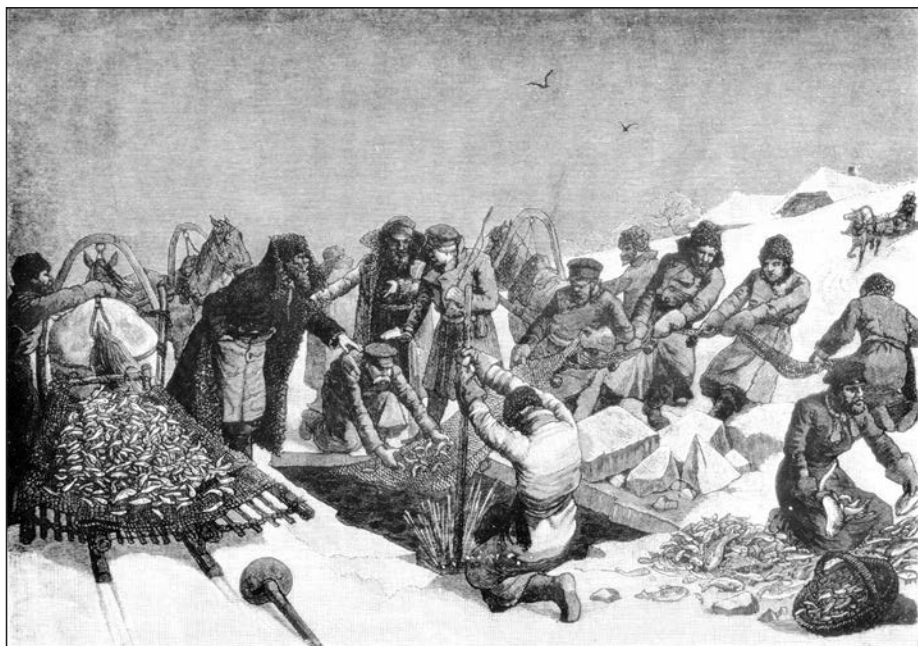
Мы зашли в Охват, чтобы пополнить запасы продуктов. Здесь есть современный торговый центр, магазины продовольственных и промышленных товаров, выполненные из стекла и бетонных блоков. Все остальные здания — деревянные, как в обычной деревне. Только железнодорожная станция и огромные штабеля готового к отправке леса говорят о том, что это не деревня.

Ряды домов жмутся к озеру. Вокруг моста и на берегу на приколе множество лодок, мостки для стирки белья. Время от времени со стороны озера раздаётся шум лодочного мотора — здесь

многие имеют моторки, которые курсируют от Охвата вниз в сторону Бобровца и вверх до деревни Лауги. На лодках ездят в гости, за покупками в магазин, на рыбалку, за дровами, на сенокос. Однажды мы видели, как на такой лодке, медленно плывущей по середине озера, везли стог сена, а на нем, на самом верху, на животе, подперев голову руками, лежал в блаженной позе мальчик. Сено везли, наверное, с какой-то лесной делянки или острова, которых немало на озере.

Район озера Охват, о котором 80 лет назад писалось в «России» как о «глухой и малодоступной местности», конечно же сейчас не выглядит эдаким медвежьим углом, каким он был в начале века. С постройкой железной дороги на Великие Луки, которая прошла через станцию Охват, со строительством местных шоссейных и грунтовых дорог, район стал более населённым и оживлённым, хотя и сохранил еще кое-где мало тронутые, глухие уголки.

Сегодня попасть даже в самую отдалённую деревню района не так уж сложно, а места вдоль железных и шоссейных дорог усиленно осваиваются отдыхающими. Ну а там, где проводится хорошая дорога,

Рыбная ловля в Зап. Двине зимой. Рис. из книги А. Сапунова «Река Западная Двина», 1893 г.

немедленно появляется и горожанин на автомашине. Местные жители называют их туристами, как, впрочем, и приезжих грибников, рыбаков.

В районе Бобровца, куда от Андреаполя проложено асфальтированное шоссе, и Охвата, откуда вдоль правого берега в Лаугу ведет недавно построенная шоссейная дорога, много таких стоянок. К берегу от дорог идут наезженные колеи, которые приводят к оборудованным бивакам. Это навесы из жердей, покрытые полиэтиленовой пленкой, мастерски сложенные очаги с аккуратными поленищами дров, вкопанные в землю столы и лавочки, разноцветные палатки, походная мебель. Неподалеку на веревках сохнет выстиранное белье, тут же — связки вяленой рыбы, нитки сушеных грибов. Многие берут с собой не только резиновые лодки, но и лодочные моторы для добычливой рыбалки, банки и приспособления для их закатки, ведь ягод и грибов кругом немало.

Наверное, возможен и такой отдых, и вроде бы ничего зазорного нет в том, что отдыхающие привезут из отпуска несколько банок консервированных ягод и грибов. Но, как правило, дело не ограничивается только банками. Часто поляны превращаются в крупные

заготовительные центры, пункты по переработке местных даров природы. Видели мы и стыдливо накрытые целлофаном бочки. В них солили щук и судаков, пойманных не всегда дозволенным способом. Мешками увозят сушеную рыбу — плотвички, красноперки, подлещики. Ведрами заготавливают ягоды, благо все это можно погрузить в машины и прицепы. А самое главное — после себя оставляют груды мусора, спиленные деревья, вытоптаные поляны с вкопанными столбами для волейбольных площадок, огромные кострища, капитальные мостки и даже пристани, на которые ушел не один десяток молодых сосенок.

Мы всегда старательно обходили такие стоянки. Здесь не хотелось разбивать палатку и устраиваться на ночлег. А их на берегах озера Охват немало.

Это проблема не только местная. С проведением дорог так называемые «автотуристы» наводнили берега селигерских озер, появились они и на местных озерах Бросно, Отолово и других в верховьях Волкоты. Такое нашествие владельцев машин зачастую уже не в силах выдерживать и сама природа. Грустно становится от бесчисленных палаточных городков на берегах заповедных рек и озер, их вытоптаных берегов, как будто ежедневно сюда приходят на водопой стада диких слонов, порубленных леса и кустарника, черных, как прокаженные пятна, кострищ, на которых не растет трава. Стыдно за эти следы варварского, нерачительного, потребительского отношения к природе.

Откуда это равнодушие, душевная глухота и варварство? Наверное, от бедности и скудности души, от недостатка воспитания, культуры, ведь, как мы долго считали, богатства природы беспредельны и от нее можно брать, ничего не давая взамен. К скольким бедам уже привело такое бездумное отношение к природе!

Вопрос этот не простой. И одними запретами здесь ничего не добьешься. Хотим мы этого или не хотим, но развитие туризма не оставишь, все лесные дороги не перекроешь полосатыми шлагбаумами. Значит, надо не отрешиваться от туризма, а продумать, как организовать туристские потоки, наладить обслуживание отдыхающих. Насколько интереснее, полезнее и для отдыхающих, и для самой природы было, если бы здесь серьезно и продуманно развивали туризм, разработали маршруты, в том числе для автомобильных туристов, оборудовали стоянки, привлекали самих туристов к охране природы. А в верховьях Западной Двины есть что охранять.

Озеро Охват — это естественный резервуар, огромный источник воды, хранитель влаги, где среди лесов, болот, от подземных родников рождается, набирает силы и мужает одна из великих рек России. Для Двины оно имеет такое же значение, как Селигер для Волги: пока озера

богаты водой, до тех пор не иссякнут и истоки этих рек, никогда не высохнут их русла.

Берега озера изрезаны заливами, плесами, лагунами. Вода подходит к стволам деревьев, и издали кажется, что они растут прямо из водной глади. На песчаных отмелях лежат валки из сухого тростника. Эта та грань, до которой доходила вода в половодье. Ее темные отметины видны и на стволах деревьев. В разлив уровень воды поднимается на 1,5—2 метра, и все озеро превращается в огромное хранилище, которое все лето медленно отдает воду Двине, не давая ей обмелеть.

У нас было несколько ночевок на берегах Охвата, но почему-то особенно запомнилась одна — на поросшем соснами высоком холме, далеко вдавшемся в озеро. От берега он был отделен небольшой низиной, в которой стояла вода. Через низину была переброшена кладка из сосновых жердей, по ней мы и перебрались на островок. Холм был странный, как будто кто-то аккуратно подравнял его, придав конусообразную форму. Слева, справа и спереди его склоны были окружены водой. В половодье или в большую воду пробраться сюда было невозможно. На Охвате есть такие полуострова, которые еще в глубокой древности были облюбованы для городищ первыми жителями этого края. Может, и этот холм тоже был остатком древнего поселения?

С вершины холма открывался вид на озеро. Налево и направо уходят вдаль широкие плесы. Напротив мыска, совсем близко — метров пятьдесят, — противоположный берег: там горит костер, слышатся приглушенные голоса и стук топора. Вдали синеют леса. В лучах заходящего солнца горят красной медью сосны, светлеют березы. Их отражения колышутся мелкой рябью от всплесков рыбы.

Свою палатку мы поставили под холмом, прямо на берегу. Пошел дождь, и мы поспешили залезть в спальные мешки. Ночью на озере нудно завывали моторные лодки — это местные рыбаки ловили в заливе судаков на кружки. Прямо у берега возились в осоке щуки. Они шлепали по воде своими хвостами, словно стремясь разбить длинную лунную дорожку. На вершине холма тихо шумели сосны.

С озера тянуло свежестью и сыростью, пахло водой, осокой и туманом. Я никогда не думал, что туман тоже может иметь запах. От него веяло лугами, росой, листьями ольхи и почему-то сушеными грибами, и еще — дымом костра, который горел там, на другом берегу озера. Было тихо и спокойно. Вспомнились строчки Пушкина: «На свете счастья нет, а есть покой и воля».

Как она проста, естественна, мудра природа, которая нас окружает. В такие вот минуты пропадает куда-то усталость, и что-то хорошее, доброе, надежное входит в душу. Это минуты высшего наслаждения,

ощущения непередаваемого счастья, которое охватывает все твое существо, счастья, которое мы, увы, испытываем не так уж часто.

Есть счастье на земле.

Лауга. Встреча на дороге

До Лауги мы доехали на машине: шел дождь и не хотелось месить грязь по разбитому, в колдобинах большаку. Газик натужно гудел, выбираясь из очередной лужи, из-под его колес разлетались фонтаны грязи. Нас бросало из стороны в сторону, трясло и подкидывало.

— Ничего,— успокаивал шофер, видимо, привыкший к местным дорогам.— Сейчас на шоссе выедем.

Машина вздрогнула, вскарабкалась на насыпь и бесшумно покатила по гладкой асфальтированной дороге.

— А вот и Лауга.

Мы остались одни на пустынном шоссе возле новенького дорожного указателя, который сделал бы честь любой оживленной московской магистрали. На огромном щите аршинными буквами было начертано: д. Лауга. 500 м. Стрелка указывала в сторону, где вдалеке темнели избы деревни.

Давно мы не ходили по такой роскошной дороге. После ухабов, грязных луж, подгнивших деревянных мостков эта дорога показалась нам столичным проспектом. Широкая асфальтированная насыпь, проложенная через луговую низину, вела прямо в деревню, туда, куда указывал дорожный транспарант.

Это было как в сказке: привыкшие к лесным тропам и болотам ноги сами несли нас вперед. Такая дорога, казалось, могла вести только к благоустроенному поселку с каменными домами, палисадниками, асфальтированными тротуарами. В мечтах мы уже видели впереди уютную гостиницу, столовую с горячим борщом, а может быть, и баню на берегу озера.

Но жестокая проза жизни вернула нас с небес на землю, в один миг разрушив голубые мечты. Ровно через 500 метров (как и предрекал дорожный указатель) шоссе кончилось. Перед нами была обыкновенная, разбитая тракторами и машинами деревенская улица с огромной грязной лужей посередине. Ходить по такой улице без резиновых сапог было рискованно.

Лауга встретила нас дождем и кваканьем лягушек. Никогда не слышали мы подобных лягушачьих концертов. Их многоголосый хор

звучал невыразимо ликующе, разносясь далеко вокруг.

В деревне не оказалось ни гостиницы, ни столовой, ни магазина. Обыкновенная тверская деревенька, каких немало встречалось на нашем пути.

Остановились мы у Веры Михайловны. Много лет проработала она в совхозе дояркой, теперь на пенсии. Живет одна. Дочь Люба в Калининe, ткачиха на текстильном комбинате.

Изба у Веры Михайловны просторная, чистая. На стене в красном углу, как водится, семейные фотографии. Пол устлан домоткаными ковриками. Чтобы пройти в дом, надо снять обувь: здесь любят чистоту.

Убранство деревенской избы за последние годы значительно изменилось. Внешне вроде бы изба как изба: типичный пятистенок с крыльцом, с узорными наличниками на окошках, крытая дранкой крыша, русская печь — все как пятьдесят и сто лет назад. Но современная жизнь властно вторгается и в отлаженный веками быт крестьянина. На крыше всех домов радио- и телевизионные антенны, а внутри парадная «зала», или, как ее называли в старину, горница. По набору мебели она мало чем отличается от комнаты в городской квартире: сервант с хрустальной посудой, секретер и полированный стол, диван-кровать, тумбочка с телевизором, а то и стенка, купленная в сельском магазине. Все это есть в каждой избе. Иначе стали жить на селе, «по-городскому».

А вот на кухне — маленьком закутке возле печки — все осталось по-старому. Полный набор чугунков, ухватов, кочерег, на полу — охапка поленьев и лучина для разжига дров. А в углу — сиротливо притулилась газовая плита, обычная городская двухконфорочная. Но ведь на ней не приготовишь корм для скотины. Тут уж нужна печь. А какая же печь без ухватов и чугунков. Вот так и сосуществуют в избе два уклада, два быта — городской и деревенский.

Лауга — обыкновенная нечерноземная деревня с типичными проблемами, характерными для многих деревень наших центральных областей. По здешним понятиям это большая деревня — дворов 40. Было больше. Многие жители разъехались, кто в Собрлаго, кто в поселок Охват. До сих пор стоят в деревне заколоченные досками дома, покинутые хозяевами. Еще после войны здесь работала восьмилетняя школа — было кого учить. Потом из-за отсутствия учеников ее пришлось закрыть. Стала действовать начальная школа. Но и она закрылась. Дети выросли и разъехались. И сейчас немногие школьники, которые живут в деревне, учатся в соседнем поселке Охват, где имеется интернат.

К нашему появлению в деревне все отнеслись без особого удивления: немало туристов заходят сюда, прежде чем отправиться

посмотреть на то место, откуда начинается Двина. Среди них школьники, студенты. Много бывает рижан. Для них этот маршрут стал традиционным. Они отправляются сюда, чтобы передать привет началу Двины от широкой и полноводной Даугавы.

Но сейчас в деревне никого из туристов, кроме нас, не было. Редкие прохожие смотрели нам вслед и качали головами: «И зачем им понадобился этот исток?» Не понимает этого и Вера Михайловна.

— Ну за малиной или там за морошкой пошли — это понятно, хоть какой-то прок. А исток-то вам зачем? Ручей как ручей — и что в нем особенного? Я уже давно замечал, что местные жители не всегда любопытны к своим достопримечательностям и зачастую не очень то хорошо знают их, тем более если они находятся в стороне от ягодных и грибных мест. Во всем видится утилитарный, практический подход, который, наверное, унаследован от далеких предков, когда все их заботы были связаны с урожаем, хозяйством, добычей пропитания. В лес по дрова? Это понятно. Косить траву? Нужное дело. По грибы и ягоды? И это тоже привычно — вся деревня сушит на зиму грибы, варит варенье. А вот зачем дался нам этот исток? Какой от него прок?

Утром мы спросили хозяйку: «Как пройти к Двине?» — «А чего тут ходить, вон видите скотный двор, за ним она и начинается». И махнула рукой на строение, стоящее на берегу озера.

Мы идем на берег. Озеро здесь совсем узкое, похоже на речное русло. На том берегу кустарник, заросли осоки и травы. Со стороны деревни к берегу сбегает тропинка: здесь у воды столпились маленькие деревенские баньки, притулились к деревянным настилам смоленые лодки.

Тропа ведет к скотному двору и спускается вниз к полуразвалившемуся мостику. Под ним журчит неширокая — метра два — протока, петляя в зарослях кустарника и болотной травы. Прошелестев в осоке, она впадает в озеро и растворяется в его заливе. Это и есть Двина.

В старину у деревни Лауги было еще одно название — Извоз. Она так и называлась — Лауга-Извоз. Происхождение этого названия связано с распространенным в прошлом в этих местах занятием крестьян. Скучные земли не могли прокормить местное население, и помещики охотно, особенно зимой, отпускали своих крепостных в извоз, то есть в перевозки на лошадях грузов и товаров в соседние города Тверь, Москву и Петербург. Крестьян, занимавшихся извозом, переводили с барщины на оброк, и они платили своему помещику оброчные деньги, которые добывали гужевым промыслом. Он возник в здешних местах не случайно. Лауга стояла у самого северного края озера Охват, по которому, особенно в весеннее время, производился сплав леса в ни-

зовья Двины. А самое главное, деревня находилась на старинном торговом тракте — Торопецкой дороге, которая от Осташкова и Пено вдоль озера Охват через Андреаполь шла к древнему русскому городу Торопцу. Часть грузов, идущих водным путем с низовьев Двины, здесь разгружалась и сухопутным доставлялась в Осташков, Торжок, Тверь и Москву. А из этих городов шел встречный поток грузов на Торопец, Великие Луки. Таким образом, Лауга была как бы своеобразной перевалочной базой.

В далеком прошлом Лауга играла весьма существенную роль в торговле с Верхним Поволжьем. В этих местах проходил один из древних водных путей, соединяющих озеро Охват с Волгой. На том месте, где ладьи тащили по сухопутью, возникла деревня Волок. Она указана на всех, даже самых старых картах тверского края. Сейчас этой деревни нет. Но название осталось, напоминая о старинном водном пути.

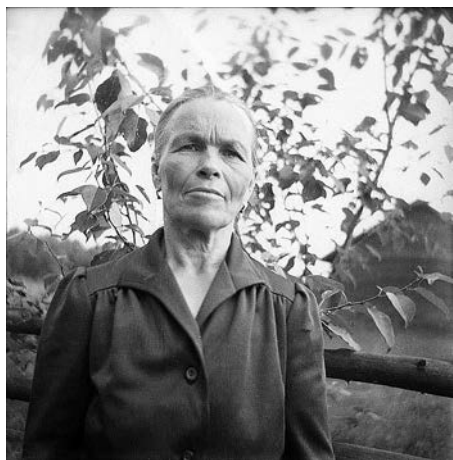
Извозом занимались в прошлом целые деревни. Поэтому на карте мы найдем немало деревень с таким названием. Извозом назывался обоз, который направлялся в город. Ломовые роспуски, дроги или телеги именовались извознями. Отсюда пошло и слово «извозник» или «извозчик» — тот, кто занимается извозом, перевозом товаров, клади или седоков. В деревнях их называли путевыми, дорожными, обозными извозчиками. В городах — городскими. В зависимости от груза, ими перевозимого, городские извозчики могли быть ломовыми — для клади, легковыми — для ездоков, лихачами — со щегольской закладкой экипажа и т. д.

Название Лауга представляется более древним, уходящим корнями к угро-финским топонимам, а Извоз — более поздним, появившимся в XVIII—XIX веках, когда извозничество процветало в этих местах.

На несколько дней Лауга стала нашим базовым лагерем, откуда мы совершали путешествия, обследуя окрестности начала Двины. Уходили из деревни рано утром, а возвращались обратно с заходом солнца. Какая-то неведомая сила заставляла нас плутать по лесным дорогам и болотным тропам. Заколдованной Лаугой прозвали мы это место, в окрестностях которого находился таинственный исток Западной Двины.

Однажды, изрядно проплутав по лесу, мы увидели проселочную дорогу. Через некоторое время лес расступился и впереди замаячила высокая насыпь. Это была однопутная железная дорога Пено — Великие Луки.

Пошел дождь. Мы присели к стогу сена, чтобы подумать, что делать дальше. И тут из-за поворота вынырнул мотоцикл. На нем сидел молодой парень в щеголевой кожаной куртке с закинутой за плечо

Вера Михайловна — «хозяйка истока».
Фото 1985 г.

сумкой. Форменная фуражка с лосиной головой и двумя перекрещенными охотничьими ружьями свидетельствовали о его принадлежности к охотничьему хозяйству. Так мы познакомились с егерем местного охотохозяйства Иваном Петровичем Максимовичем.

Егерь оказался интересным человеком, все и всех знающим в округе. Жил он в поселке Охват, а сейчас объезжал свой охотничий участок: «За лесом глаз да глаз нужен. Мало ли что».

И это были не просто слова. Лес надо было беречь от пожара, от нерадивых хозяйственников, от браконьеров, которые нет-нет да

и наведываются в эти края. Хлопотливая егерская работа.

— Места у нас тут привольные, добычливые. Дичи много, зайцев, бобра, куницы. Ну, понятно, охота по лицензиям. Да не всегда охотник эту лицензию оправдывает: ведь зверя-то еще надо выследить, перехитрить, добыть.

Иван Петрович знает глухариные тока, знает, где находятся бобровые хатки, медвежьи берлоги, знает, как добыть куницу, которая водится в этих краях.

— Охота на куницу самая интересная. Тут кто кого перехитрит: охотник ее или она охотника. Зимой на лыжах приходится выслеживать зверька по нескольку часов. Куница — зверь осторожный. Суточный ход ее более 10 километров, то в одном, то в другом месте она пересекает просеки. Тропить ее лучше с собакой. Когда собака взяла след, то загоняет зверька на дерево. Там куница разыскивает гайно — гнездо, свитое птицами, или забирается в дупло. Вот тут ее и надо брать.

Он любит свою работу, любит эти места. Есть у него и «газик», и мотоцикл, и «Буран» — жить можно. Дома большая библиотека по охотничьему делу, биологии, заповедному хозяйству. Ведь хороший егерь должен много знать и много уметь.

— Я так считаю: в каждом деле надо добиваться совершенства, стремиться стать профессионалом. А ведь и среди нас, егерей, есть и хорошие, и так себе — равнодушные люди. Им бы только деньги захищать, а на природу наплевать. Таких не люблю.

— А что же должен уметь егерь?

— Как что? Да все — бегать, стрелять, управлять всеми видами транспорта, знать хорошо повадки зверей, любить природу, не бояться браконьеров. Да мало ли что?

Издавна многие крестьяне промышляли охотой на лосей, лисиц, бобров, которых здесь водилось в достаточном количестве. Исконными обитателями леса были не только куницы, но и такие ценные пушные зверьки, как соболь и горностай. Еще в XV и XVI веках местные соболи продавались на торгах целыми связками — по 40 шкурки в каждой, а горностаи

шли партиями по 100—250 штук. И на охоту не надо было ходить далеко: достаточно было выйти за околицу — леса начинались сразу же за избами. А уток, гусей и другую пролетную дичь стреляли прямо с крыльца или окна, не выходя из избы.

Были распространены бобровые гоны, охота на лисиц, косуль, оленей и волков. В здешние места любили приезжать городские охотники на медвежьи облавы. Бурый медведь жил в этих глухих местах вольготно и спокойно. Он не стеснялся даже заходить в соседние деревни, вызывая испуг и переполох у местного населения. Медвежьи охоты тоже были своеобразным промыслом. Особенно они процветали в этих местах во второй половине XIX века. Нередко в одну облаву убивали до четырех медведей сразу. На рынке их шкуры ценились — небольшие продавались по 3—4 рубля, а большие — по 10—12 рублей за штуку.

Но ведь когда все это было — в прошлом веке! Поговорите сегодня с любым местным старожилом, и он вам скажет: «Скудеют леса, мелеют реки — меньше становится дичи и рыбы».

— Все это так, — не спешит соглашаться Иван Петрович, — но и на наш век хватит дичи, если умело обращаться с природой, не выгребать из леса все без разбора, если быть настоящим хозяином на этой земле.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Взять тех же медведей, охота на которых процветала в прошлом веке. Думаете, перевелись они в этих местах? Нет, не перевелись. Стоило запретить на них охоту — и медведь снова стал хозяином леса

Встреча в пути с местным егерем Иваном Петровичем Максимовичем. Фото 1985 г.

и, как прежде, не прочь зайти в деревню или поселок.

Я с сомнением покачал головой: медведь в деревне, в самом центре довольно обжитого, хотя и лесного района? Охотничьи рассказы и байки. Любят охотники иногда попотчевать ими нашего легковерного брата — горожанина, не искушенного в таинствах охотничьего дела.

— Не верите? — В глазах Ивана Петровича загорелись лукавые огоньки. — Так вы сами только-только разминулись с медведем. Вы шли через переезд?

— Ну да, как вышли из Лауги, так сразу повернули на дорогу, ведущую к переезду. Там еще несколько рабочих чинили железнодорожное полотно.

— Вот-вот, полчаса назад я видел там медведя. А дело было так. Подъезжаю я к переезду на мотоцикле — там вдоль полотна тропинка проложена — и вижу впереди кто-то мохнатый карабкается на насыпь. Посмотрел и обомлел — медведь. И зачем ему понадобилось пересекать железную дорогу, не знаю, но он шел и не обращал на меня внимания. А там, на переезде, человек косил траву. Ну я крикнул ему: «Медведь!» Увидел он — и словно остолбенел. А медведь идет себе вразвалочку и как будто ничего не замечает: сытый такой, упитанный. Летом медведь не опасный, если, конечно, его не разозлить. Но тот косяк испугался, слова не может сказать. Ну понятно: мало ли что может натворить медведь. Тогда я нажал на сигнал. Медведь продолжал идти вперед. Чтобы напугать зверя, я повернул ручку газа, и мотоцикл взревел всеми своими цилиндрами. Медведь оглянулся, посмотрел на мой мотоцикл и нехотя заковылял вниз с насыпи. А я медленно ехал вслед за ним и подгонял его ревом мотора. Так мы с ним и пятились в сторону леса. На опушке медведь остановился, еще раз взглянул на меня и исчез в лесу. А вы говорите: медведи у нас перевелись.

Иван Петрович — человек сугубо деревенский. Работал механиком в совхозе, а теперь уже три года егерем.

Забегая вперед, скажу, что мы еще раз повстречались с Максимовичем, когда шли из Лауги в Пено. Вышли на шоссе, долго стояли в ожидании попутной машины, пока не увидели газик охотохозяйства. Иван Петрович уговорил нас вернуться в Охват.

— А оттуда вечером поезд на Пено идет.

До поезда было еще несколько часов, и Максимович пригласил нас к себе домой. Дом очень много может рассказать о хозяине — и о его характере, и о его достатке, и о его интересах.

Я с живейшим интересом переступал порог дома. Крепкий, добротный, с ухоженным подворьем, с очень чистыми просторными комнатами, он убран по-городскому: телевизор, полки с книгами, ковры на

полу. Во всем ощущается четкий, раз и навсегда заведенный порядок, поддерживаемый, видимо, всеми членами семьи. У Ивана Петровича маленькие дети, двое черноглазых парнишек, жена Нина, милая, приветливая молодая женщина. И она, и дети, и сам хозяин, их дом и уклад создают впечатление основательности, устойчивости, тепла и уюта.

Максимовичи куда-то спешили. Иван Петрович долго извинялся перед нами за то, что вынужден оставить нас одних. Потом дал нам ключ и сказал:

— Отдыхайте, чай на кухне. Когда будете уходить, повесьте ключ на крылечке.

Нина одарила нас своей лучезарной улыбкой и взглянула на мужа. По сравнению с ней, худой и щуплый, в своей рабочей куртке он выглядел несколько скромнее. «Повезло парню», — подумал я. Но потом посмотрел на уютный дом, мирно посапывающих парнишек, на этот лад и согласие в семье и понял, что не такой уж он простой, этот Максимович. Женщины лучше нас знают, за кого надо выходить замуж.

Мы просидели тогда в доме Максимовичей до поздней ночи. Отогрелись, обсохли. Уходили с чувством, что побывали у хорошего, надежного и крепкого человека.

Наверное, деловые, хозяйственные и совестливые люди и нужны сегодня на селе, особенно если им доверено такое важное и хлопотливое дело, как охрана природы.

Насчет этого у Ивана Петровича твердое мнение: природу надо беречь, разумно регулировать численность животных, тогда будет и дичь, и охота.

— Конечно, много еще у нас браконьеров,— говорит он.— И не только из местных, но и из Москвы и Ленинграда. Бороться с ними надо: браконьер — враг природы. Ему лишь бы взять, урвать что-то от народного богатства, а на других наплевать. Он враг, грабитель, а таким не место в лесу.

— Но не только в браконьерах дело,— продолжает Иван Петрович.— Еще больший вред природе наносит наша неразумная хозяйственная деятельность, неправильное использование ядохимикатов и удобрений, непродуманные мелиоративные работы.

Тут добродушное лицо Ивана Петровича мрачнеет, становится суровее. Видно, это его самое больное место. Впрочем, только ли его? Всех нас сегодня волнуют проблемы экологии, сохранения окружающей среды в условиях быстро развивающегося научно-технического прогресса.

— Зачем, скажите, зачем нам портить землю этими мелиоративными

Деревенские землекопцы (граборы) были известны на всю Россию.

Атель граборов.
Рис. из книги «Россия»,
т. 9, 1905 г.

канавами? — взволнованно произносит он. — Для осушки земли, для развития сельского хозяйства? Одной рукой делаем вроде хорошее дело, а другой? Хиреют реки, сохнут болота, гибнет дичь, ягодыники. Кому это надо? И так ли уж эффективны мелиорированные земли? Урожай-то с них район получает не намного больше, чем с обычных: так, может, в наших местах вообще выгоднее заниматься не сельским хозяйством, а разведением зверей, дичи, сбором клюквы, морошки, развитием охотничьего хозяйства, наконец оздоровлением людей. Кто-нибудь подсчитывал, что выгоднее, какое направление развития района даст больший экономический эффект?

Мне понятна озабоченность, обеспокоенность егеря состоянием дел с охраной природы. Проблема эта непростая даже в таких, вроде бы глухих и лесных местах, как верховье Западной Двины. Конечно, одними эмоциями ее не решить. Нужно думать, считать, взвешивать.

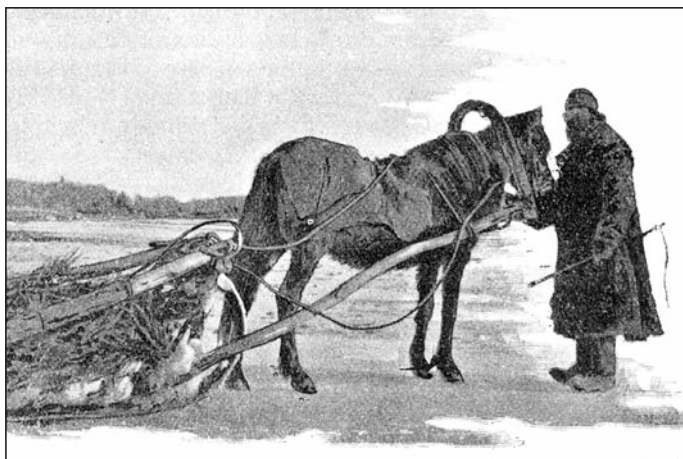
Но от этой проблемы не уйти и не отмахнуться. Она так же актуальна здесь, как и в других местах нашей страны. Нет, пожалуй, здесь она даже актуальнее — ведь район верховьев Западной Двины, где из болот и ручейков рождаются многие реки, требует особенно внимательного и бережного отношения к природе.

Только на территории Андреапольского района берет начало более 30 малых рек. Они невелики по протяженности: Городня — 27 километров, Жаберка — 10, Лососня — 21, Волкота — 61¹, Торопа — 49. Общая их протяженность — 560 километров, и большинство рек и речек несут свою воду в Двину, питая ее своей родниковой водой.

¹ По нашим более точным исследованиям длина Волкоты после ее истока из Макаровского озера составляет около 70 км (А. П. 2012)

В д. Лауга (Извоз) в старину многие жители занимались извозным промыслом.

Рис. «По зимнему пути». Из книги «Россия», т. 2, 1905 г.

Но так ли уж мы заботимся о чистоте этих рек? Факт, что отдельные хозяйства распахивают поймы этих речушек, вырубают леса и кустарник по их берегам, а иногда и просто загрязняют отходами животноводства, удобрениями, промышленными отбросами. И не последнюю роль здесь играют мелиораторы: сохнут болота, мелеют и высыхают маленькие речки и ручейки, скудеет животный мир, уменьшаются рыбные запасы.

И прав егерь из Охвата: надо очень серьезно подумать, а что нам сегодня выгоднее — снимать нишенские урожаи с мелиорированных земель или разводить дичь и животных в лесах, собирать урожаи клюквы и морошки с пока еще не осушенных болот?

— Будь моя воля,— горячится Иван Петрович,— я запретил бы эту мелиорацию. Одна беда от нее — и природе, и дичи, и людям. Вот дороги проводить — это я понимаю, поля улучшать — это дело. А зачем губить болота, зачем безобразить землю?

Мелиорация — большой вопрос для этих мест. Значительную часть Пеновского и Андреапольского районов занимают болота. Уже давно повелось, что болота — это бросовые, пропащие земли, от которых никакого проку нет для сельского хозяйства. Вот если бы их осушить да превратить в плодородные поля — тогда другое дело.

К сожалению, картина здесь не очень отрадная. Средства в мелиорацию вкладываются огромные, а отдача мелиорированного гектара минимальная. Подчас на осушенных землях собирают урожаи не больше, чем на богаре. Кому, даже с чисто экономической точки зрения, нужна такая мелиорация?

Мы видели осушенные, обезображенные болота. На них ничего не

Впадение реки Зап. Двина (на первом плане) в озеро Охват возле д. Лауга. *Фото 1985 г.*

растет, не то что хлеб или картошка, а и клюква, и та не хочет родиться на этой пришедшей в негодность земле. А мелиорация в переводе с латинского означает «улучшение» — улучшение земли, повышение ее плодородия. Специалисты насчитывают около 40 видов мелиорации: известкование кислых почв полей и сенокосов, проведение культуртехнических работ (в том числе очистка полей от камней и кустарника), укрепление оврагов, создание лесополос, проведение противоэрозийных мероприятий и т. д., и т. п. У нас под мелиорацией стали понимать лишь осушение и орошение. В погоне за пресловутым валом, кубометрами перелопаченной земли, упустили самое главное — конечный результат, получение высоких урожаев. Ведь мелиораторы только сооружают осушительные или оросительные системы, но не отвечают за их эффективность, за получение высоких урожаев. Им платят только за освоение средств на строительство этих систем. Что дадут потом эти системы, как будут работать на урожай — дело колхозов и совхозов. А земля не терпит обезлички, на ней должен быть только один хозяин,

отвечающий за все, что на ней делается: и за ее осушение, и за улучшение, и за получение высоких урожаев.

Нечерноземной земле нужна помощь, необходимо улучшение. И это совсем не обязательно только осушение. Значительно эффективнее здесь так называемые сухие мелиорации, проведение культуртехнических работ. Но если один гектар водохозяйственных работ стоит у нас 5 000—11 000 тысяч рублей, то, например, известкование почвы во много раз дешевле — всего 12—20 рублей за гектар, лесозащитные работы — 400—600 рублей, облесение оврагов — 200 рублей за гектар. Вот и считайте, какие работы выгоднее мелиораторам?

Между тем в Нечерноземье очень важны именно сухие виды мелиорации, да и вообще приведение в порядок земли, которая когда-то давала неплохие урожаи. Мы сами видели: многие поля засорены камнями, в них мало вносится удобрений, луга и бывшие пашни заросли с послевоенного времени кустарником, деревьями. А мы знаем, что размеры пашни за последние 20 лет на душу населения сократились с 1,05 до 0,85 гектара в 1985 году. Так вот они — лежат перед нами эти гектары, ждущие, чтобы к ним приложили хозяйские руки, ждущие умных и заботливых мелиораторов и хлеборобов.

Думается, слабая эффективность, а иногда и прямой вред, который наносила сельскому хозяйству Нечерноземья неумелая мелиорация, связаны, как и многие другие недостатки на селе, именно с этим, самым главным нашим недостатком — отчуждением крестьянина от земли, потерей у него чувства хозяина, утратой любви и уважения к своей хлеборобской профессии, которая раньше высоко ценилась на Руси. Ведь если на земле нет хозяина, если земля как бы ничья, то кто же будет заботиться о ней и зачем о ней заботиться? Надо мелиораторам осушить болото — пусть, надо спрямить речку — не наша ведь речка, пусть спрямляют.

И мало кого трогает, что болото высохло на корню и ничего там теперь не растет, а речка, милая речка твоего детства, где нельзя было и дна-то достать, обмелела и превратилась в обычную грязную лужу.

Есть в русском языке такое слово — «артель». Работать артелью — значит работать дружно, работать сообща, работать умело. Известный ученый и агроном А. Н. Энгельгардт, основавший в конце XIX века в деревне Батищево Смоленской губернии образцовое хозяйство, писал в своих записках «Из деревни» об артели грабарей, которых он пригласил к себе в хозяйство для приведения в порядок луга. Он приходил к ним каждый день, чтобы полюбоваться их работой. Это была красивая и умелая работа профессионалов, которые высоко ценили свой труд, свое мастерство, дорожили своим авторитетом.

Они работали не просто хорошо, они работали красиво, и сами ценили свой труд. И если кто-то делал не так, то немедленно перedelывал свою работу, — артель не могла работать плохо. Иначе она стала бы не уважать себя. Энгельгардт с удивлением замечал, как ловко они срезают кочки, делают сточную канавку, как аккуратно обошли группу берез, росших на лугу, оставив их «для красоты». «Каюсь, — писал он, — что ужасно люблю наших граборов или, лучше сказать, граборские артели. В них есть что-то особенное, благородное, честное, разумное, и это что-то есть общее, присущее им, только как граборам».

Хозяин, настоящий хозяин нужен ныне земле. Который мог бы все взять с земли, но который был бы способен ее защитить.

Может быть, такой, как Иван Петрович Максимович?¹

Не знаю. Но ой как нужен ныне хороший хозяин деревне.

Корякинское болото². Михаил Пришвин: «По болотам я ходил с чувством стран неоткрытых»

Но вернемся снова в Лаугу. То утро, когда мы наконец взяли верное направление на исток, было пасмурным. Накрапывал дождь, и поверхность озера покрылась тысячами маленьких оспинок. Намаявшись за ночь, замолкли лягушки. Только со стороны скотного двора, там, где Двина впадала в озеро, лениво мычали телята. На душе было светло и радостно: всего несколько километров отделяло нас от истока. Цель была так близка, так достижима, что это прибавляло силы. И никакие дожди, непогода и препятствия не могли остановить нас: исток манил, притягивал, словно магнит.

Вера Михайловна, провожая нас, в какой уже раз ворчливо сказала: — И что вам дался этот исток? Ручей как ручей. Что, ручьев, что ли, не видали?

Мы видели много ручьев и рек, и больших и малых, звонких и тихих, широких и узких, родников, едва пробившихся сквозь прошлогоднюю листву. И всегда их начало было окутано тайной, полно загадок. А здесь? Сила, не подвластная нам, звала вперед, чтобы отыскать на-

¹ В настоящее время Иван Петрович Максимович возглавляет Тверьохотобъединение «Егерь» и занимается охраной охотоугодий, организацией и проведением охот неосредственно на месте (А. П. 2012)

² Здесь и далее под названием «Корякинское болото» имеются ввиду все болота, находившиеся севернее озера Двинец: Пьянишник, Клюквенное и собственно Корякинское. В этой главе в поисках истока мы вышли как раз на верховья болота Пьянишник, расположенного рядом с Корякинским. Подробнее об этих болотах, участвующих в рождении р. Зап. Двина, — см. в послесловии к этой книге (А. П. 2012)

конец среди лесов и болот тот единственный родничок, давший жизнь реке, с которой мы делили уже столько дней и ночей, найти его, зачерпнуть в ладони холодной, как лед, родниковой воды, сделать первый глоток.

В такие минуты чувствуешь себя первооткрывателем, пусть даже на месте, куда ты стремился, уже кто-то побывал раньше. Потому что это преодоление себя, это исполнение мечты, это достижение цели, которую поставил перед собой. Чувство первооткрывателя, пионера, землепроходца сродни тем чувствам, которые испытывают восходители на горные вершины, мореплаватели и путешественники, И оно делает тебя безмерно счастливым.

Наш путь из Лауги к началу Двины идет по тому же прекрасному шоссе, которым мы прибыли сюда. Оно совершенно безлюдно: только изредка проезжает грузовая машина или автолавка, развозящая товары по соседним деревням. Асфальтовая лента с бордюром изумрудно-зеленой молодой травы по обочинам сбегает вниз в сырую лесистую ложину. Здесь, в двух километрах от Лауги, шоссе пересекает неприметный с виду ручеек, текущий в сторону озера Охват. Это наша старая знакомая Двина. Она мелкая и довольно узкая — метра два ширины. Но в половодье река разливается. Для того чтобы вода не разрушила полотно дороги, под ним проложили две трубы большого диаметра, через которые река проходит в основное русло и по нему в озеро Охват. Она выходит слева от шоссе из сырого и мрачного леса. Но пройти берегом вверх по течению по-прежнему невозможно: русло перегораживают упавшие деревья, густой кустарник, а сама река течет по топкой заболоченной низине.

Пришлось идти вверх по шоссе еще примерно полкилометра, как советовал нам Максимович, туда, где раньше стояла деревня Двинец. Сейчас деревни нет: о ней напоминают только остатки яблоневых садов, заросшие бурьяном фундаменты изб, да покосы, которыми до сего времени пользуются местные жители.

Деревня Двинец — это исходный пункт для дальнейшего путешествия к истоку. Через нее пролегал путь Эдуарда Эдуардовича, она обозначена и на схеме, которую начертил в моей тетради егерь Максимович.

Отсюда в конце XIX века начинал свое путешествие к началу Двины и Д. Н. Анучин. Он был первым русским ученым, побывавшим в верховьях трех великих рек России — Волги, Днепра и Западной Двины. До него об этих реках было известно не так уж много. Даже о верховьях Волги, куда еще в начале XIX века совершил поездку академик Н. Я. Озерецковский, вплоть до начала XX века знали мало. Во всяком

случае в одном из томов издания «Россия», вышедшем в 1899 году, в подписи под рисунком с изображением часовни на истоке Волги я наткнулся на фразу, в свое время вызвавшую мое удивление: «...Здесь, как говорят, и начинается Волга». Оказывается, что в то время ученые еще только спорили, что считать истоком великой реки — болото возле деревни Волговерховье или реки Руну и Жукопу, нынешние правые притоки Волги.

О верховьях Днепра и Западной Двины во времена Д. Н. Анучина знали еще меньше. Предпринимая свою поездку к истокам трех великих рек России, Анучин писал: «Относительно верховья Волги и самого ее истока имеется, правда, несколько описаний, начиная со старинной книжки Озерецковского, но относительно Днепра и Западной Двины сведения уже много скуднее».

К тому времени уже была опровергнута прежняя точка зрения, что началом Западной Двины является ее исток из озера Охват-Жаденье. Было установлено, что река берет начало выше, из небольшого озера Двинец, и, как пишет Анучин, затем «входит в длинное озеро Охват, откуда выходит уже рекою в восемь саженей ширины».

Мы идем по топкой тропе вниз к озеру. По ней почти сто лет назад шел от деревни Двинец Д. Н. Анучин. Сейчас весь склон зарос ольхой и кустарником, которого в те времена не было. Здесь располагались угодья и сенокосы, и местность просматривалась на многие километры. Наверняка со стороны деревни озеро было видно. Но мы не видели его: оно лежало где-то там внизу, укрытое лесом и кустарником, таинственное и недоступное.

Пробежав метров двести по сырому и сумрачному лесу, тропа привела к берегу. И вот перед нами картинно, как декорация на сцене театра, расстилается озеро, со всех сторон окруженное лесом. Оно почти круглое и совсем небольшое; хорошо, до отдельных деревьев, просматривается весь противоположный берег и живописный, тоже удивительно круглый зеленый кудрявый островок посередине. Ни дать ни взять — Лебединое озеро. Так вот откуда вытекает Западная Двина!

Еще через пару сотен метров тропа вдруг повернула направо и уперлась в озеро. Собственно, это было не само озеро, а его залив. И тропа уходила куда-то в воду, блестящую среди деревьев, кустов и осоки. Только подойдя вплотную к зарослям, мы увидели несколько жердочек, перекинутых через протоку. Справа и слева от них виднелись почерневшие от времени колья, вбитые в илистое дно. В центре между кольями был зачем-то оставлен проход.

Это сооружение было не что иное, как остатки закола, при помощи которого в не такие уж далекие от нас времена ловили рыбу местные

рыбаки. Заколы были распространены не только в Калининской, но и в Рязанской, Московской и других областях. Речку перегораживали кольями, сплетали их лозой, а в середину этого своеобразного «забора» вставляли сети или верши. Когда весной рыба шла на нерест в озеро Двинец, она волей-неволей «процеживалась» через сети. Тогда ее вылавливали пудами. Такая же картина повторялась осенью, когда рыба скатывалась из озера в низовья Западной Двины. Ячейка в сетях и вершах была мелкая, и при таком браконьерском способе лова губилось огромное количество молодежи. Она или гнила на берегу, или ее использовали на корм свиньям.

Сверху с березы сорвался в воду начинающий желтеть лист. Он секунду постоял на одном месте, потом словно нехотя, медленно и торжественно поплыл в сторону мостков. Вода текла, выплескиваясь из озера в сторону леса, где среди деревьев просматривалось русло реки. Вот, значит, какой он, исток Двины из озера. Место знаменательное — ведь долгое время оно принималось за начало реки.

Перебравшись по мостку на другую сторону, я решил пройти вниз по течению. Здесь ее ширина была метра три, а глубина около полу-метра, не больше. Но река жила. Она струилась, шелестела в траве и все бежала вниз, туда, где ее поджидало озеро Охват.

В путевых заметках Анучина очень скупо говорится об истоке Двины из озера: «Близ деревни (Двинец. — А. П.) — озеро того же названия (версты 4 в окружности), из которого вытекает Двина в виде ручья аршина 2—3 шириной¹, обозначенного среди лугов более высокою растущею в нем травой».

Мы взглянули вокруг: увы, лугов не было. Вокруг громоздился осинник, березняк и густой непроницаемый еловый лес. Он стоял стеной, тесной и угрюмой. По берегу между деревьями шла топкая тропинка. Мы знали, что, идя по берегу озера, обязательно натолкнемся на впадающий в него ручеек, даже если бы нам пришлось обойти вокруг все озеро. И мы ступили на эту тропу.

Тропа была сырой и давно нехоженой. Она бежала вдоль берега, пропадала в болотной траве, потом снова выскакивала и долго петляла, обходя упавшие поперек деревья. Но справа блестела вода, и это успокаивало — значит, мы идем правильным путем.

На схеме Максимовича исток Двины из озера был обозначен на южной его оконечности. Мы нашли это место без труда. Мысленно соединили его линией с предположительным местом впадения Двины в озеро: она проходила чуть левее островка. Значит, впадая с севера в

¹ 1,5—2 м

озеро, ручей-Двина огибал островок с восточной стороны, прокладывая себе русло по дну озера.

И мы двинулись вперед. Тропа утопала в болотной жиже. Время от времени ее перегораживали огромные стволы деревьев, упавшие, наверно, от старости. Перешагнуть или обойти их было невозможно. Приходилось попросту перекатываться через них на другую сторону, мягко плюхаясь на сырую землю под тяжестью рюкзаков.

Вдруг у одной низинки я с изумлением остановился: вода здесь была не стоячая, как во множестве заливчиков, которые мы прошли. Она бежала, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Передо мной была речка — маленький ручеек не больше метра шириной. Вода высачивалась из леса, пробивая себе путь среди корней деревьев, и, набрав силы, вливалась в озеро. Это была река! Я не знал еще — была ли это Западная Двина, но в озеро впадала какая-то речка, которая текла и журчала. Через нее было перекинуто старое, поросшее мхом дерево. Я перешел по нему на другой берег и с удивлением увидел, как вода, впадая в озеро, долго еще бежит по заливу, колыша заросли осоки.

Через несколько метров повстречалось еще одно русло — видно, речка впадала в озеро несколькими протоками. Но та ли это речка, тот ли единственный ручей, который впадает в озеро Двинец?

Вспомнились слова Эдуарда Эдуардовича: «Западная Двина впадает в озеро Двинец с севера небольшим ручейком вблизи от просеки. Вытекает из Корякинского болота километрах в двух от деревни Двинец, если идти по берегу. На левом берегу на небольшом пригорке стоит знак — обложенный камнями столб с надписью, который мы с ребятами установили еще сорок лет назад. Двадцать лет спустя мы его снова подновили. Вот здесь и начинается Западная Двина».

Не знаю почему, но эта фраза рождала в моем воображении яркую и образную картинку: прямо в лесу из-под березы или из-под камня бьет чистый и холодный родник, возле которого и стоит этот самый памятный столб. Стоит только пойти вверх по речке, и ты обязательно придешь к этому прозрачному чудо-родничку, сбегаящему вниз, к озеру Двинец.

Надо сказать, что представление о роднике как истоке рек широко бытует в народных преданиях, былинах, песнях. Это мнение очень крепко укоренилось и в нашем сознании. Так и видишь, что сидит у такого родничка сестрица Аленушка и тоскует о своем братце Иванушке. Эти народные поэтические взгляды на рождение рек из родников легли в основу известной картины Н. К. Рериха «У Дивьего камня неведомый старик поселился». Лежит в лесу огромный валун, возле него

белый, как лунь, старик, а из-под камня весело бежит чистый и бойкий родничок, чтобы потом превратиться в широкую и полноводную реку. Может быть, поэтому мне всегда казалось, что реки начинаются с таких вот чистеньких, симпатичных родников.

Как же я ругал себя, что не расспросил подробнее Эдуарда Эдуардовича о том, где надо искать этот памятный столб. Все сходилось, ручеек-речка есть, а вот истока и памятного столба не было. Я пытался было подняться по берегу выше. Но ручей уходил в глубину сырого замшелого леса, заваленного подгнившими деревьями и заросшего кустарником, и продаться сквозь них оказалось невозможным. Ручей тек на север, и надо было искать тропу, которая вела в этом направлении. И просеку, возле которой стоял столб Шимкевича.

Как много дали бы мы сейчас за то, чтобы повстречаться с кем-нибудь в лесу и расспросить об этом столбе. Но лес был пуст, и за все время скитаний по нему мы не встретили ни одного местного жителя, ни одного грибника или ягодника. Земляника и морошка уже сошли, клюква еще не поспела.

И тут удача: мы натолкнулись на тропу, которая, пересекая ручей метрах в 70 от его впадения в озеро, уходила вверх на север примерно в том направлении, что и ручей.

— А вдруг это и есть та самая счастливая тропа, что приведет нас к истоку?

Лесные тропы всегда непредсказуемы: не знаешь, куда они повернут в следующий момент и вообще куда приведут тебя. Особенно коварны тропы, проложенные ягодниками и грибниками. Они обладают удивительной особенностью так же незаметно исчезать, как и появляться. Но эта тропа вела прямо на север, и я, оставив позади своего товарища, прибавил шаг.

Сначала тропа шла примерно в том же направлении, что и ручей. Она петляла между елями, огибала низины, перемахивала через лощины. Но чем дальше я шел по ней, тем все больше она забирала влево. Впереди вдруг посветлело, деревья расступились, и тропа с ходу врезалась в огромное моховое болото с хилыми сосенками.

По себе знаю, очень трудно повернуть обратно, когда уже прошел значительную часть пути. Так и кажется: еще одно усилие, еще один поворот дороги, и наконец-то будешь у цели, добьешься своего, найдешь то, что ищешь. Поддавшись этому чувству, немало туристских групп оказывалось в трудном положении именно потому, что у них не хватило мужества и здравого смысла вовремя повернуть назад.

Вот в таком положении был сейчас и я: тропа шла на север, в нужном мне направлении, и я чувствовал, что таинственный родник где-то

здесь в лесу, совсем близко. Это придавало силы и уверенности, но не осмотрительности.

А тропа все дальше и дальше уводила в лес. Куда она вела, я не знал. Но ведь кто-то проложил ее в этом лесу, значит, кому-то она была нужна. И я все шел по этой тропе, подчиняясь какой-то непонятной и магической силе. Кончился лес, под ногами захлюпала болотная вода.

Это было морошковое болото. До этого я никогда не видел морошковых болот. Не видел и самой морошки — «царь-ягоды», как именуют ее местные жители. Сезон сбора морошки уже прошел, но на кочках еще можно было встретить кустики с крупными желтоватыми ягодами, похожими по форме на ежевику. Я сорвал несколько штук: они были кисловатыми и очень приятными на вкус. Вспомнилось, что А. С. Пушкин незадолго до смерти, мучимый жаждой, попросил, чтобы ему принесли моченой морошки.

Я посмотрел на компас. Тропа сильно отклонилась к востоку от русла реки и, приведя меня к морошковому болоту, исчезла между кочками. И только тут я понял, что она вела вовсе не к истоку реки, а к болоту, куда местные жители ходят за ягодами. Пришлось возвращаться обратно. Еще одно разочарование, еще одна неудача, которая, увы, была не последней в этот день.

Возвращаясь к ручью, я вскоре обнаружил выше по течению еще одну тропинку, которая, пересекая его русло, резко забирала вверх. Стрелка компаса, едва подрагивая, указывала почти точно на север. Тропинка бежала где-то слева от реки, скрытой зарослями. Но вот деревья кончились, и тропа снова устремилась в огромное болото. Оно расстиралось изумрудно-зеленым ковром, поросшим хилыми сосенками и уходило куда-то далеко-далеко к самому горизонту, где уже не было видно леса, а только один мох на ровном, как будто подстриженном травяном поле. А посередине этого болота петляла тропа, обходя тощие сосенки и ярко-зеленые пятна зыбкого и коварного мха. Нет, болото не было похоже на морошковое, то было крепкое, в кочках, поросших крупными ягодами, а это все колыхалось и хлюпало под ногами.

Небо затянуло тучами, заморосил дождь. А болоту все не было конца. И тут я с ужасом увидел, что уже давно иду без тропы. Она исчезла, пропала, растворившись в мягком податливом мху. Обернулся назад — тропы не было и сзади меня. Я сделал наугад несколько шагов вперед: нога мягко проваливалась в мох, слегка подминала его под себя, а потом мох снова распрямился и становился таким же девственным, как и прежде. Это было удивительно: я шел, не оставляя после себя следов. Пришлось остановиться.

Передо мною в окружении низкорослых берёзок расстилось изумрудное Клюквенное болото. *Фото 1986 г.*

Перед мной лежало одно безбрежное болото. Леса уже не было видно. Только чахлые сосенки среди зеленого мха. И тишина. Ни шелеста листьев, ни журчания воды, ни щебетания птиц. Тишина и безмолвие. Так мне показалось в первые минуты. Но прислушавшись к этой тишине, я понял, что был не прав. Нет, болото не было мертвым и безжизненным — оно жило, дышало и колыхалось, как живое существо.

Я крикнул. Но мой голос потонул в этом безмолвии, затих и умолк, растворившись во мху и болотной траве.

Помощи ждать было неоткуда. Кричи — не кричи, все равно никто не услышит. Мой товарищ остался далеко позади. Да и как он отыщет меня в этом неоглядном болоте, когда я сам сбился с тропы. В лучшем случае сбегает в деревню и приведет людей. Но ведь это будет только утром.

Я проклинал свое собственное безрассудство. Кто же ходит в одиночку по болотам?

Мне стало не по себе: я понял, что заблудился и, если не найду тропу, то придется ночевать прямо здесь, на этом мху, среди жуткого и таинственного безмолвия. Я повернулся и побежал назад по зыбкому и коварному ковру, стремясь отыскать пропавшую тропу.

Кто хоть раз в одиночку ходил по болотам и попадал в такое положение, поймет меня: чувство беспомощности и отчаяния охватывает тебя, когда оказываешься один на один со стихией и неоткуда ждать помощи. Но надо успокоиться, надо действовать. Надо искать тропу! И я нашел ее. Я перехитрил, переиграл это чертово болото!

Когда я по знакомой уже тропе добежал до леса, дождь кончился. Я оглянулся назад. Над болотом спускался яркий диск заходящего солнца. И все оно было не зеленым, а багряным. Болото сурово проучило меня, оно предупредило, что с природой не шутят.

Мой товарищ с беспокойством спросил:

— Ты что так долго пропадал?

Ну что я ему мог ответить!

...Уже затемно мы добрались до Лауги.

— И кто же это ночью по болотам шастает? — ворчала Вера Михайловна, пропуская нас в сени. — Ну что, нашли, что ли, свой исток?

Нет, сегодня мы не нашли истока, не нашли и памятного столба. Но теперь были уверены, что начало Двины надо искать не в чистом роднике или в ручейке, вытекающем из-под омшелого валуна, а в болоте, в котором и происходит таинство рождения этой реки.

Тогда мы не знали, что, возвращаясь в Лаугу с болота, которое местное население называет Корякинским, пробежали совсем рядом со столбом, стоящим на берегу Двины неподалеку от ее впадения в озеро Двинец.

Экспедиция профессора Анучина. *«Так это и есть исток Двины?— Спросил Анучин у местного старика. Тот только покачал головой»*

История открытия истоков великих рек уходит в глубь веков. Наши предки находили их опытным, эмпирическим путем. Обычно осваивали реки с устья, постепенно поднимаясь все выше и выше по течению. За исток принимали озеро, откуда вытекает река, или место впадения в эту реку другой реки. И часто ошибочно считали это место истоком реки, которая, однако, начиналась значи-

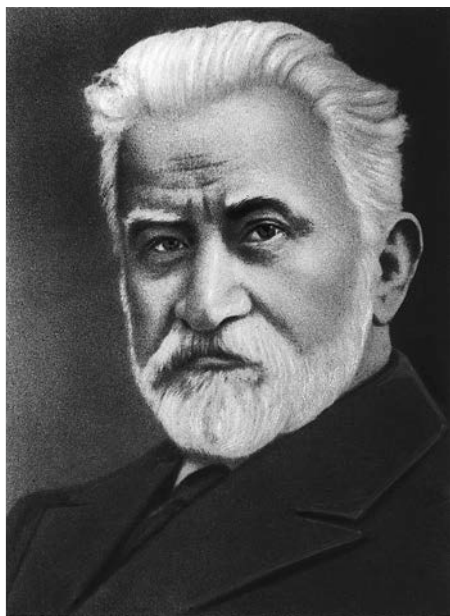
тельно выше. Бывало, что имя реки закреплялось в географических названиях. Ведь не случайно же, что озеро ниже поселка Пено на Селигере носит название Волго. Первые поселенцы этих мест, поднявшись по реке до озера и увидев, что Волга вытекает из него, и назвали его Волго — озеро, дающее начало Волге. И только продвигаясь дальше по системе озер — Пено, Вселуг, Стерж, поняли, что Волга только протекает через эти озера, а не начинается в них.

Так было и с Западной Двиной. За ее исток вначале принимали озеро Охват — то место, где сейчас находится поселок Бобровец. Здесь река вытекает из озера.

Потом по мере изучения реки стали считать, что Двина начинается выше, что она, как и Волга, только протекает через озеро Охват, а ее исток находится дальше. Долгое время, вплоть до наших дней, господствующим было мнение, что Двина вытекает из озера Двинец.

И сейчас во многих энциклопедиях и путеводителях можно встретить такую фразу: «Западная Двина берет начало из озера Двинец».

В конце XIX века в этих местах работала научная «Экспедиция по исследованию источников главных рек Европейской России». Одним из ее руководителей был профессор Д. Н. Анучин. Во всех географических изданиях конца XIX — начала XX веков есть ссылка на эту экспедицию. В старой выцветшей подшивке журнала «Северный вестник»

Профессор Д. Н. Анучин (1843—1923), выдающийся русский географ, участник «Экспедиции по исследованию источников главных рек Европейской России» в конце XIX в., исследователь верховьев Зап. Двины, Днепра и Волги

В своём классическом труде «Верхневолжские озёра и верховья Западной Двины» Д. Н. Анучин ссылается на «Записки о московитских делах» известного австрийского путешественника и географа С. Герберштейна. В приложенных к «Запискам» картах Московии (1546) впервые указывается, что Зап. Двина начинается не в горах, и вытекает из озера Двина, находящегося в десяти милях от Фролова болота

MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI
 BARONIS IN HERBERSTEIN, NEIPERG,
 ET GVTHENHAG ANNO M. D. XLIX

OCCIDENTIS

FINLANDIAE PARS
 SINVS LIVONICVS ET RYTHENICVS
 RYTHENORVM SEV MOSCOVITARVM PARS

LIVONIA

LITWANIE PARS

MOLDAVIAE PARS
 Monasterio BIELOGOROD

MEOTIS PARS

EVXINI PARS

PONTI

за 1891 год я разыскал статью Дмитрия Николаевича «Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги». Знакомые места, знакомые поселки и деревни — Селижарово, Пашутино, Лохово, Соблаго, Лауга, Двинец...

Наш маршрут на «вершину» Двины совпал с маршрутом экспедиции Д. Н. Анучина. Сейчас мало кто знает и имя самого Анучина, и о его поездке на верховья Двины. Каким путем двигался ученый, был ли на Корякинском болоте, отыскал ли исток реки? И что это за экспедиция, которую он возглавил? И вообще — кто он такой, этот Д. Н. Анучин — географ, историк, этнограф, журналист?

Свою поездку к истокам Днепра, Западной Двины и Волги ученый совершил летом 1890 года. Его спутником был студент Московского университета А. А. Ивановский, впоследствии известный этнограф, профессор географии. Дмитрий Николаевич, возглавлявший в то время кафедру географии в Московском университете, любил привлекать к полевым и научным работам своих учеников, студентов, считая, что для них это является лучшей формой практической учебы.

Их путь к верховьям Западной Двины лежал от поселка Селижарово на Волге. Отсюда они свернули к верхневолжскому бейшлоту, а затем мимо озера Волго, через деревни Пашутино, Раменье, Лохово, Новый Кустынь, Починок выехали на Торопецкий тракт. Деревня Починок стояла на самом тракте, идущем от города Осташкова на теперешний поселок Пено и далее на Андреаполь вдоль озера Охват и Западной Двины. Опытным взглядом ученого Анучин отмечал, что местность здесь во многих отношениях отличалась от той, в которой находились истоки Днепра. Она была холмистее, богаче озерами и изобиловала валунами, наваленными на пашнях, холмах, в лесах и реках. По дороге от бейшлота в Лохово он насчитал до десяти валунов более сажени¹ в поперечнике, а уж более маленьких — в один-два аршина² — было так много, что он сбился со счета. Особенно много камней было в долинах рек и низинах. Не случайно местные жители говорили, что «камень любит места сырые». Но не редкость было встретить валуны и на возвышенностях, холмах и грядах.

В тот год Анучину исполнилось 47 лет. Он был уже сложившимся и известным ученым, признанным авторитетом в области антропологии, этнографии и географии. А начинал свою научную карьеру с увлечения зоологией и антропологией. После успешного окончания в 1867 году естественного отделения физико-математического факультета Московского университета стал кандидатом наук, опубликовал не-

¹ Более двух метров

² Около 70—140 см

сколько интересных работ по антропологии, начал преподавать естественную историю в Екатерининском институте и географию в гимназии. В 1875 году Д. Н. Анучин сдал экзамены на степень магистра зоологии. С января 1880 года начал читать в Московском университете впервые в России курс антропологии и через год защитил магистерскую диссертацию на тему «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам». Но все же истинным его призванием, самым любимым увлечением стала география — тогда еще молодая, только делающая первые шаги в России наука.

Началось это увлечение с детства, с чтения книг из отцовской библиотеки, едва мальчик научился грамоте. Его отец не был ученым. Он, выходец из семьи сельского церковнослужителя из Вятской губернии, рядовым вступил в 1807 году в С.-Петербургский гренадерский полк, был участником Отечественной войны 1812 года, награжден за отличие в боях и произведен в подпоручики, а потом получил потомственное дворянство. В 1824 году уволился со службы и поселился в Петербурге, где в 1843 году и родился будущий географ. Мать Татьяна Фирсовна Захарова была дочерью состоятельного крестьянина Костромской губернии.

После окончания университета Д. Н. Анучин путешествует по Европе, посещает Париж, Лондон, Вену, Брюссель, Лейпциг. География увлекает его все больше и больше. Со свойственным ему талантом организатора и исследователя он борется за выделение географии из других наук, закладывает научные основы этой новой для того времени отрасли знаний. Поэтому когда в 1884 году встал вопрос о том, кто возглавит вновь создаваемую кафедру географии и этнографии в Московском университете, члены совета университета были едины во мнении: ею должен руководить Д. Н. Анучин. Он становится профессором новой кафедры. С этого времени ученый всецело отдает себя разработке различных направлений географической науки, читает первый в истории этой науки курс лекций «История землеведения», приступает к широкой подготовке географических кадров.

Научный авторитет Д. Н. Анучина растет. Его неутомимая научная деятельность во многих областях естественных наук была должным образом оценена Московским университетом. По предложению профессоров А. П. Богданова, Н. Ф. Зографа, А. А. Тихомирова 11 октября 1889 года Д. Н. Анучину была присвоена ученая степень доктора географии — без защиты диссертации.

Это было крупное событие в жизни русской географической науки. И до Д. Н. Анучина было немало выдающихся русских исследователей,

путешественников, ученых, но такой почетной степени до него никому не присваивалось. На заседании совета университета новый доктор географии сказал, что постарается всей своей «дальнейшею преподавательскою и ученою деятельностью оправдать в большей степени оказанный... знак внимания, чтобы послужить, насколько возможно, еще усерднее дорогому... университету и русской науке».

Он везде был первым — доктором географии, создателем первой кафедры географии в университете, организатором первого географического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а с 1890 года и руководителем этого общества, первым бессменным редактором им же созданного первого научного географического журнала в России «Землеведение», инициатором первой географической выставки, которая легла в основу первого в России географического музея при кафедре географии Московского университета, доступного для обозрения всех желающих...

Поездку в верховья Западной Двины совершал не просто географ или даже профессор Московского университета. Это был крупнейший русский ученый — географ, историк, археолог и этнограф, имя которого уже тогда было хорошо известно и за рубежом.

Все, кто знал его, отмечали удивительную эрудицию, наблюдательность, широту взглядов, демократичность, такт и доброжелательное отношение к собеседнику — будь это профессор университета, кучер, сидящий на козлах, или неграмотный крестьянин.

... Чем дальше в сторону озера Охват катил тарантас, тем глуше и безлюднее становились леса. У местного населения они были известны как зашлюзовые леса (то есть находящиеся выше бейшлота). Сосны и ели подходили прямо к дороге, ветви деревьев хлестали путешественников по лицу. Стало сумрачно и тихо.

— Медвежий угол, — оглянувшись по сторонам, почему-то шепотом сказал Ивановский.

— Во, во, — охотно поддержал разговор возница. — Летось (прошлый год. — А. П.) возле Лохова медведи, как коровы, ходили. Мужики гонялись за ними, как за зайцами.

— Да неужто здесь так много медведей?

— А то как: по вечерам бабы из изб боятся выходить. В других местах от медведя оберегаются — жгут овчинки и развешивают кругом пашни, чтобы запахом зверя отогнать. А здесь и это не помогает — хозяйничают в полях, как в своей берлоге.

Некоторые медведи иногда даже выходили на берег озера, чтобы полакомиться рыбой. Рассказывали, что на берегу озера Вселуг один из

них забрался однажды в рыбацью лодку с рыбой и так увлекся своей добычей, что не заметил, как лодка отошла от берега. Так он и сидел в лодке до тех пор, пока не был замечен рыбаками и не пострадал за свою отважность.

Торопецкий тракт был довольно малолюден. По нему возили из Осташкова муку и соль, а обратно из Торопца — ракиту (для выделки кож) и яблоки. Переехав у деревни Изведово Волгу на пароме, Анучин со своим спутником направились по тракту в сторону деревни Лауга (во времена Анучина она называлась Лавуга).

По пути вдоль дороги стали попадаться курганы. Анучин заметил их издалека и теперь что-то отмечал в своей записной книжке. Он был не только крупным географом, но и археологом, и этнографом. И, конечно, не мог упустить момента, чтобы не расспросить о курганах местных жителей. Ему охотно объясняли.

— Сопки это, остались от литовского разорения. А некоторые называют их батареями.

Но это были не следы литовского разорения, а древние могильники, которых немало разбросано по тверской земле. Особенно много их было по берегам рек и верхневолжских озер, а также на древних волоках по дороге от Волги до верховьев Двины. Одна такая «сопка» под названием Богатырь повстречалась путешественникам на восьмой версте от Изведова прямо у дороги. По мнению местного населения здесь похоронен какой-то древний богатырь. К сожалению, научных раскопок в то время здесь никто не проводил, и Анучин с сожалением смотрел на эти курганы, которые хранили многовековые еще никем не разгаданные тайны.

Но у ученого была другая цель — исследование Двины, и тарантас, подняв облако пыли, покотил дальше в сторону озера Соблаго. Нынешняя шоссейная дорога от Пено до озера Охват проходит восточнее прежнего Торопецкого тракта через деревни Шевереве и Двинец, а Анучин ехал от Соблаго прямо на деревню Волок (ныне не существующую). Чтобы побывать в верховьях Двины, ему надо было свернуть от Волока на проезжую дорогу в сторону деревни Двинец (ныне тоже не существующей). Это всего в двух верстах от Волока. Дорога и тогда была весьма неудобная, с большим количеством камней, которые надо было объезжать. Сейчас этой дорогой никто не пользуется. Она заросла лесом и кустарником, размыта дождями, и нам с трудом удалось отыскать незаметную тропу, по которой некогда ехал ученый-географ.

В деревне Двинец путешественники, по-видимому, остановились на ночлег. С косогора, где стояли крестьянские дома, вниз вела торная тропа — по ней местные жители ходили к озеру Двинец. Анучин любил

и умел разговаривать с людьми, особенно со стариками. Как этнограф он считал, что именно у них можно узнать много интересного, записать старые легенды и присказки, послушать незамутненную цивилизацией речь, услышать их мнение. Анучину и здесь повезло — его познакомили с восьмидесятилетним стариком, который провел путешественников к озеру Двинец.

Махнув рукой на ручей, вытекающий из озера, старик сказал: «Вот это и есть Двина».

Из осоки струился небольшой ручеек аршина 2—3 ширины. Он был неглубоким — от 1/2 до 1 аршина. Правда, весной ручей разливался и становился шире и глубже, но сейчас не произвел на Анучина особого впечатления. «Неужели это и есть исток Двины?» — подумал он и посмотрел на старика. Тот покачал головой и махнул рукой на противоположный берег озера.

— Там она начинается, в болотах. А те идут аж до озера Пено, к деревне Гришино. Но по ним не пройдешь, топко больно.

— И столько верст тому ручью?

— Верст шесть. Не веришь? Вот слушай, что в народе говорят. Вышла она (Двина. — А. П.) из болот, да вдарилась под мох и прошла под ним две версты лесом, а потом силы забрала, пропорола сопку и вышла руцейком, еще другую сопку прошла и в Двинец (озеро. — А. П.) ввалилась.

Рядом стоял молодой парень и внимательно слушал старика. А тот продолжал.

— Волга, сказывают, звала Двину с собой на восход, а та не пошла, на полдень завернула, да на закат потекла.

— А ты был тогда? Ишь врет, — не поверил парень.

— Нет, — отозвался мужик средних лет, что также подошел к рассказчику, — это правда, это было...

Старик оказался хранителем многих стародавних преданий, и Анучин исписал весь свой блокнот его рассказами. Он всегда очень внимательно относился к мнению местного населения. Иногда оно оказывалось основополагающим и для решения научного географического спора. Так было, например, при определении истока Волги.

Анучин рассуждал так, что решение вопроса, какие русла в речной системе считать главными, а какие притоками, во многом зависит от привычки, случая, обусловленного историей обычая. Если народ издревле называл Волгою именно эту реку, а не другую и, распространяясь затем по ее течению, считал все впадающие в нее реки притоками, значит, надо признать именно эту народную точку зрения. А не придумывать искусственно противные аргументы, какими бы научными и

правильными они ни казались.

Такой же точки зрения придерживался он и при определении истока Западной Двины: если народ называет Двиной не реку Волкоту или Нетесьму, а маленький ручеек, впадающий в озеро Двинец с севера, значит, именно здесь и следует искать исток реки.

Это путешествие к истоку Западной Двины, строго говоря, не было научной поездкой. Наверное, для Анучина это была своего рода разведка, рекогносцировка, первое знакомство с этими местами. В 1894 и 1895 годах он снова возвращается в верховья Двины уже во главе большого отряда студентов-географов для более детального научного исследования этих мест в составе комплексной «Экспедиции для исследования источников главнейших рек европейской России». Эта грандиозная по тем временам экспедиция, снаряженная министерством путей сообщения и государственных имуществ, имела целью выяснить причины уменьшения водности рек, вызывавших уже тогда беспокойство ученых. В составе экспедиции, кроме Д. Н. Анучина, были многие крупные специалисты: С. Н. Никитин (геолог), Ф. Г. Зброжек (инженер-гидролог), М. К. Турский (лесовод), Н. И. Кузнецов, В. Р. Вильямс (почвовед), А. А. Фок, С. С. Цветков и другие.

Возглавлял экспедицию генерал-лейтенант Алексей Андреевич Тилло. Это был выдающийся представитель русской географической школы, который потом станет помощником председателя Русского географического общества, сенатором. Окончив географическое отделение Академии Генерального штаба, он в качестве геодезиста, а затем начальника принимал участие во многих экспедициях, изучал вопросы метеорологии, земного магнетизма, геодезии. Большим достижением отечественной географии стала разработанная им первая гипсометрическая карта европейской России (1890 год). Возглавляя с 1893 года экспедицию по исследованию источников главнейших рек европейской России, он составил на основе ее материалов карту бассейнов внутренних водных путей европейской России, а затем атлас распределения атмосферных осадков на речных бассейнах европейской России на основании двадцатилетних наблюдений (1871—1890 годы).

Д. Н. Анучин высоко ценил А. А. Тилло как ученого и поэтому охотно принял его предложение включиться в работу экспедиции. Он возглавил отряд по изучению географии верховьев Западной Двины. Летом 1894 года вместе с кандидатами Московского университета И. П. Силичем, В. В. Богдановым и студентом технического училища В. А. Монастыревым Анучин посетил эти места и притоки Западной Двины — Волкоту, Торопу, Межу с Общей, занимался изучением озер в верховьях Волги и Западной Двины.

В следующем году эти работы были продолжены. Были собраны уникальные сведения о роли озер в питании верховьев Волги и Западной Двины, данные о рельефе, о геологическом строении местности, режиме рек и озер, почвах, о распределении лесов и растительности.

Результатом работы Анучина по исследованию верховьев рек Волги и Западной Двины стали его крупные географические исследования «Озера области истоков Волги и верховьев Западной Двины», «Новейшее изучение озер в Европе и несколько новых данных об озерах Тверской, Псковской и Смоленской губерний» и, конечно, «Верхневолжские озера и верховья Западной Двины. Рекогносцировки и исследования 1894—1895 гг.». Они стали классическими в области географии, заложили основы новой отрасли этой науки — лимнологии, основоположником которой стал Д. Н. Анучин.

Дмитрий Николаевич жил и работал в «золотой век» русской географии, когда эта наука формировалась в самостоятельное научное направление. Он был другом и современником многих выдающихся русских ученых, географов и путешественников. В это поистине драгоценное созвездие ученых, составляющих цвет русской науки, входили В. В. Докучаев, Н. Н. Миклухо-Маклай, Н. М. Пржевальский, И. В. Мушкетов, адмирал С. О. Макаров, А. И. Воейков, Н. М. Альбов, А. П. и О. А. Федченко.

Именно в это время учрежденное в Петербурге еще в 1845 году Русское географическое общество организует десятки крупных экспедиций по изучению России и в зарубежные страны. В те годы русские географы и путешественники сделали немало выдающихся географических открытий. Экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, Г. Е. Грум-Гржимайло, И. В. Мушкетова, Ф. П. Литке и других распахнули дверь в неведомые миры и страны, стали важными явлениями общественной жизни России. Это было время расцвета русской географической науки. Начинается систематическое изучение природы и населения России. Выходят труды по физической географии Докучаева, Мушкетова, Воейкова. Впервые в России возникает частное картографическое заведение Ильина.

Д. Н. Анучин был исключительно одарен. Он удивлял всех своей эрудицией и познаниями в самых различных областях науки. Один из учеников и последователей Дмитрия Николаевича академик Л. С. Берг однажды очень метко подметил эту особенность своего учителя. Он сказал, что у Анучина «есть исследования и в области физической географии, и страноведения, и этнографии, и антропологии, и археологии. Он читал в университете курсы физической географии, географии России и других стран, физической антропологии, общей этнологии и

этнографии России. Словом, Анучин — это был целый географический факультет».

Добавим, что он был и общественным деятелем, талантливым журналистом, публицистом, очеркистом, одним из издателей газеты «Русское слово», одним из учредителей созданного вместе с В. И. Вернадским, И. В. Мушкетовым и П. П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1900 году «Русского горного общества». Это его разносторонность, универсальность научных интересов, умение анализировать факты и проникать в суть явлений вскоре выдвинули Д. Н. Анучина в число подлинных энциклопедистов, крупнейших ученых России.

Интерес к теории у него удивительным образом соседствовал с решением чисто практических задач, которыми он занимался столь же страстно и увлеченно, как и разработкой научных вопросов. Так, под впечатлением разрушительного половодья в Москве в 1908 году он написал свою известную работу «Наводнение в Москве в апреле 1908 года и вопрос об изучении наводнения в России». Он обращается к директору главной физической обсерватории академику М. А. Рыкачеву с предложением организовать изучение половодья, положив этим начало прогнозированию весенних паводков в России, от которых страдало немало «речных» губерний.

Я всматриваюсь в дошедшие до нас фотографии Д. Н. Анучина. Вот он студент Московского университета (1864 год). Красивый, интеллигентный, стройный с умными глазами и высоким чистым лбом. Такими обычно мы представляем себе русских революционных демократов, народовольцев. У него все еще впереди: и научная, и общественная карьера, и преподавание в Московском университете. Но уже тогда во взгляде чувствовалась уверенность, сила и обаяние — те черты, которые потом отмечали его ученики.

На фотографии 1878 года Дмитрий Николаевич — уже известный ученый. Некрасовская борода, гладко зачесанные назад волосы и все тот же уверенный и спокойный взгляд — взгляд ученого, который хорошо знает, как много ему нужно постичь и сделать для развития науки в России.

И фотография последних лет: Анучин — академик, признанный глава географической школы, маститый ученый. Седые волосы, короткая стриженная борода и усы, он сидит в кресле, как на троне, уверенно, с плотно сжатыми руками и спокойно смотрит куда-то вдаль своим умным и ясным «анучинским» взглядом. Что-то есть в этом взгляде уверенное, основательное и даже чуть-чуть жесткое. Жизнь прожита не зря, многое сделано, но сколько еще дел впереди, сколько еще предстоит осуществить. Несмотря на возраст, он так же молод и прекрасен —

этот восьмидесятилетний ученый. Если внимательно приглядеться к этому портрету, то можно заметить в нем много схожего с тем молодым студентом, который смотрит на нас, полный надежды и уверенности в своем будущем. А ведь между этими портретами целая вечность — более полувека.

Д. Н. Анучин был истинный москвич. Он любил этот город искренне и нежно и не мог променять ни на какой другой, даже на такой, как Петербург, где он родился. Ему нравились тихие московские улочки, величественный Кремль на берегу Москвы-реки, ее сады и пустыри, булыжные мостовые, весь ее скромный и уютный провинциальный уклад. В 1918 году он пишет великолепные воспоминания о Москве 60—70-х годов XIX века, словно стремясь оставить поколениям образ той самой Москвы, которая стала его второй родиной. Жаль, что эти его воспоминания не были изданы для массового читателя.

С университетом, Москвой связана вся жизнь Д. Н. Анучина. Без них он не мыслит себя и как ученый. Когда 10 января 1896 года его избрали академиком Российской академии наук, перед ним встал выбор: стать академиком и покинуть Московский университет или остаться в Москве и сложить с себя очень почетное и престижное звание, которое присваивалось только самым выдающимся ученым. Дело в том, что вновь избранный академик по условиям того времени должен был переехать из Москвы в Петербург и возглавить в академии кафедру зоологии.

И он делает свой выбор. «...Я так теперь связан с Москвой, — пишет он брату Михаилу, — настолько отвык от Питера, удручен болезнями и пр., что подобное переселение для меня невыносимо, тем более, что меня связывают с Москвой и разные учреждения, для меня дорогие или даже отчасти мною созданные». Д. Н. Анучин окончательно выбирает Московский университет и отказывается от почетного звания академика. Многие ли из нынешних ученых сумели бы отказаться от такого лестного предложения? Не знаю. А Анучин смог и никогда не жалел об этом. Выше чинов, званий и степеней для него было дело, наука, университет, ученики.

В ответ на это его решение ученый секретарь академии Дубровин написал Дмитрию Николаевичу: «Конференция Академии с сожалением дала ход прошению Вашему об увольнении Вас из состава действительных членов Академии и, желая поддержать связь, установившуюся между нею и Вами, в заседании общего Собрания 18 апреля избрала Вас в почетные члены». Так русская академия оценила этот высокий нравственный поступок ученого.

По своим убеждениям он был демократом и патриотом своей страны, воспитан на передовых идеях русских революционеров-демократов.

Находясь на лечении за границей в 1861—1863 годах, он пишет брату, что хочет приносить пользу людям, и прежде всего своему Отечеству. Он томится во Франции и Италии, ему «здесь душно и чуждо все, хочется не Парижа, не Италии, а русской деревни, соснового леса, Волги, степей и т. д.». Это свое кредо он пронес через всю свою жизнь.

Д. Н. Анучин принадлежал к тому поколению дореволюционной русской интеллигенции, которая всегда боролась против произвола и репрессий правительства, за демократизацию науки и подготовки научных кадров. Его симпатии были всегда на стороне демократически настроенных студентов. Так было в начале 90-х годов, когда студенческие волнения охватили многие университеты России. В 1894 году за участие в них был исключен из Московского университета ученик Д. Н. Анучина студент В. Г. Михайловский. В то время он был секретарем географического отделения Общества любителей естествознания. 40 студентов были высланы из Москвы и лишены права закончить университет.

С протестом выступили 42 профессора университета. Среди них были Тимирязев, Столетов, Сеченов, Филатов, Эрисман, Герве, Чупров. Рядом с их подписями под петицией протеста генерал-губернатору Москвы стояла и подпись Анучина. 29 профессоров подписали петицию министру просвещения. И здесь рядом с подписями Тимирязева, Столетова, Сеченова также стояла подпись Анучина. Он вошел в состав комиссии по подаче указанных петиций.

После революции 1905—1907 годов реакция предприняла новое наступление на демократические свободы в стране. Это коснулось и университетов. Министр просвещения А. А. Кассо стал изгонять из учебных заведений неугодных ему демократически настроенных ученых и студентов. Когда в 1911 году он отказался утвердить ректором и его заместителями избранных профессорами видных ученых Московского университета А. А. Мануилова, П. А. Минакова и М. А. Мензбира, 131 профессор и преподаватель в знак протеста подали в отставку.

В феврале 1911 года кафедру географии покинули любимые и самые близкие ученики Д. Н. Анучина — А. А. Крубер, С. Г. Григорьев, А. И. Колмогоров, которых он высоко ценил.

«Вы, Дмитрий Николаевич, — писал Анучину С. Г. Григорьев, — может быть, скорее кого угодно другого поймете, как тяжело мне было пойти на такой шаг, который может надолго лишит меня возможности работать в дорогом для меня университете... и все-таки счел необходимым в настоящую минуту поставить все это на карту — настолько важным я считаю настоящий момент в жизни университета и настолько необходимым считаю вложить в него свое посильное участие. Больше

того, я знаю, что рискую не только работой в университете... рискую лишиться своего любимого детища — средней школы, которой я посвящал все силы до тех пор, пока не вступил в университет, — и все-таки не могу отказаться от подачи мотивированного заявления о невозможности для меня состоять преподавателем университета в данную минуту».

Вот какие они были, рыцари русской науки, люди огромной нравственной культуры, которые во имя своих убеждений могли жертвовать всем, даже своей наукой, которую они любили больше жизни. Я думаю, Д. Н. Анучин гордился своими учениками, читая эти их гордые и непреклонные заявления. Ведь это он воспитал их такими.

Вскоре и сам Д. Н. Анучин вслед за своими учениками вынужден был подать в отставку.

После Октябрьской революции в Московский университет вернулись А. А. Крубер и С. Г. Григорьев, пришли на кафедру и другие ученики Д. Н. Анучина. В 1919 году он передал руководство кафедрой географии А. А. Круберу, а сам возглавил кафедру антропологии и этнографии.

Д. Н. Анучин прожил большую жизнь. Он пережил многих своих учеников, став ведущим советским географом, основателем и первым директором Института географии Академии наук СССР, первым председателем Центрального бюро краеведения.

Дмитрий Николаевич скончался в 1923 году в возрасте 80 лет¹. Ушел из жизни выдающийся ученый, крупнейший исследователь в области географии, антропологии и этнографии, основатель и глава русской университетской географической школы, замечательный человек и патриот нашей Родины, увенчанный самыми высокими почетными званиями многих академий и университетов мира.

...И все-таки снова и снова память возвращает меня к той его поездке 1890 года на исток Волги и Западной Двины, когда он, молодой профессор Московского университета, полный надежд и планов, катил в тарантасе по лесным дорогам Верхневолжья.

И мне почему-то кажется, что эта поездка не просто маленький штришок в его биографии, в научной карьере. Нет, это были лучшие, звездные годы в жизни профессора Анучина. И самые его талантливые работы тоже были созданы в эти годы. Так считают его биографы. Потом будут новые исследования, новые открытия, новые поездки. Но эта навсегда останется в памяти как самая приятная, самая счастливая, самая дорогая. Такого ощущения полноты жизни, эмоциональ-

¹ В 2013 г. исполнится 170 лет со дня его рождения

ного подъема, единения с природой, такой удачливости — когда все получается, все достижимо, за что ни берешься, а впереди целая огромная, интересная и счастливая жизнь — у него уже не будет. Не будет такого моцартовского полета вдохновения, легкости, радости жизни и ожидания чего-то нового, прекрасного и неожиданного.

Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Но тогда почему же, подъезжая в сумерках к деревне Лауга и спускаясь на тарангасе к озеру Охват, он вдруг замер, пораженный открывшимся впереди пейзажем? И у него вырвалась эта лирическая фраза, совсем неожиданная для ученого мужа, профессора географии, совершающего научное путешествие по тверскому краю: «Был тихий, теплый вечер, и вид расстилающегося озера, с окаймляющим его лесом, который ясно отражался в зеркальной водяной глади, производил приятное впечатление?»

Таинственный незнакомец. Столб Шимкевича

Мы прожили в Лауге еще несколько дней, и все это время нас не покидало чувство присутствия какой-то тайны. Может быть, оно было связано с тем, что мы никак не могли отыскать этот заколдованный исток и памятный столб, что поставил Шимкевич. А может, так действовали на нас эти бескрайние болота возле озера Двинец, в огромном и непонятном мире которых мы чувствовали себя одинокими.

Казалось, что какая-то непонятная и неведомая сила охраняет исток и не хочет пускать нас туда, в глухомань, где рождалась Западная Двина.

А эти загадочные лесные тропы, ведущие в никуда? Они как будто нарочно подстерегали нас, заманивая в чащобу, чтобы увести в сторону от реки, сбить с пути и заплутать в лесных завалах и мрачных болотах. Мне порой даже чудилось, когда тропа пропадала и я оказывался один на один в этом безмолвном и таинственном мире, что сама природа радовалась нашим неудачам — в болоте что-то радостно урчало и хихикало, как будто там сидел Некто, пристально следивший за каждым нашим шагом.

Дорога, по которой мы ходили из Лауги на озеро Двинец, обычно была пустынной. Слева и справа к ней подступала темная стена леса, кое-где ее отодвигало вглубь мрачное и топкое болото. Уж если и есть на свете нечистая сила, то она должна водиться в таких вот гиблых местах.

Как-то мы шли из Лауги, чтобы еще раз осмотреть место, где стояла деревня Двинец. Солнце уже садилось, и длинные тени от деревьев

падали на дорогу, как всегда совершенно пустынную. Вдруг справа из леса на дорожную насыпь вышло какое-то странное существо в черном, как нам показалось, фрачном костюме с косматой всклокоченной головой, перешло на левую сторону шоссе и зашагало по обочине. В такт движению оно взмахивало правой рукой, время от времени отводя ее в сторону. Существо — мы окрестили его Фертом — спокойно покачиваясь, топало впереди нас, и во всей его походке чувствовалась уверенность, спокойствие и... грациозность.

Я не очень-то верю во всякую чертовщину, но в этом таинственном незнакомце в черной паре было что-то бесовское, внушающее удивление и беспокойство. Ферт шел спокойно, размеренно, не сворачивая с дороги. Он не оборачивался назад, не замедлял шаг и, судя по всему, не думал уступать нам путь. Так ходят по земле те, кто хорошо знает эти места и чувствует себя здесь хозяином.

Первая мысль была, что это человек, вышедший из леса, со стороны Лауги и держащий путь в соседнюю деревню Шеверево. Но то, что он никак не прореагировал на нас, хотя должен был отлично различать наши фигуры на пригорке, заставило отказаться от этой мысли.

Ферт все также невозмутимо продолжал вышагивать медленным синхронным шагом, не останавливаясь и не отклоняясь в сторону, и все так же странно в такт движению взмахивал правой рукой.

— Если это не человек, то кто же тогда?

Но вот Ферт достиг места, где шоссе пересекает русло Двины, которая протекает по пропущенным под мостом двум огромным трубам. Он вдруг остановился и, словно подброшенный какой-то невидимой пружиной, прыгнул с насыпи под мост в сторону болота. Все это заняло какое-то мгновение. Мы остановились. Впереди снова была совершенно пустынная дорога с темным лесом слева от насыпи. Ферта не было. Он исчез так же таинственно, как и появился, растворившись в вечерних сумерках.

Мы подошли к реке, посмотрели под мосток, но ничего не увидели. Ферт исчез. Поднявшись на пригорок вблизи бывшей деревни Двинец, оглянулись — позади никого не было. Дорога была по-прежнему пустынной. Только где-то внизу, в болоте, громко крикнула какая-то птица, и все снова погрузилось в гулкую тревожную тишину.

Потом мы долго гадали, что же за существо встретилось нам по пути. Судя по тому, как оно ловко спрыгнуло с полотна в сторону болота, это был не человек, хотя и сейчас перед нашими глазами стоит его черный стройный силуэт, слегка покачивающаяся грациозная походка и ритмичные взмахи правой руки. Иван Петрович Максимович, которому мы потом рассказали об этом случае, предположил, что это лосе-

нок, вышедший из леса, или теленок с соседней фермы, отбившийся от стада. А взмахи правой руки — это взмахи его хвоста. Но куда же тогда делся этот теленок? И почему он так испугался нас?

Нет, как ни говорите, а странные вещи происходили здесь, в окрестностях Лауги, в верховьях Западной Двины. Странные и непонятные. И так как мы не знаем до сих пор, что за таинственное существо мы встретили и как оно называется, мы решили его еще назвать и Хозяином истока. А чтобы задобрить Хозяина, положили на обочине дороги ломоть хлеба, несколько кусочков сахара и купленную в Москве конфету «Чио-Чио-Сан», так, на всякий случай: кто знает, какую шутку захочет выкинуть с нами этот Ферт: с нечистой силой лучше поддерживать хорошие отношения.

Не знаю, принял ли Хозяин истока наши дары, но на следующее утро, проходя мимо этого места, мы не увидели ни ломтя хлеба, ни кусочков сахара. Они исчезли. На обочине лежала лишь конфетная обертка. Но с этого дня судьба стала к нам явно благосклонной.

Прежде всего она подарила нам случайную встречу с Александром Васильевичем Смирновым. Почти в том же месте, где вчера увидели Хозяина истока (вот и не верь после этого в чертовщину!). Он шел навстречу нам по шоссе, ведя в гору велосипед, груженный корзинками. Познакомились. Разговорились. Обычные дорожные распросы: откуда приехали, куда путь держите.

— Да вот исток Двины ищем.

— Так это же рядом — недалеко от деревни Корякино.

— Там, говорят, еще столб стоял на берегу ручья.

— А он и сейчас там стоит, — Александр Васильевич закурил. — Небось сам ставил несколько лет назад.

— Да нет, — усомнился я. — Его поставил учитель из Андреаполя. Шимкевич. Он сам об этом говорил.

— А давно поставил?

— Да лет двадцать назад.

— Да, был такой столб. Камнями обложенный. Может, ваш учитель и ставил. Но тот столб давно износился. А я новый вкопал.

— А надписи на столбе не было?

— Как же, была. Масляной краской было написано: «Здесь начало реки Зап. Двины». Я как ставил новый столб, так эту надпись и переписал. А столб чуть левее от прежнего поставил — там еще старые камушки от основания остались.

Удача сама шла к нам. Я смотрел на Александра Васильевича, на его натруженные руки, на покрытое загаром добродушное лицо, и дурацкая мысль шевельнулась у меня в голове: «А не принял ли задобренный

нами вчера Хозяин истока обличье Александра Васильевича?» Но весь вид Смирнова никак, решительно никак не вязался с этой чертовщиной. Да и где это видано, чтобы нечистая сила ездил на дорожном велосипеде, да еще попыхивала папиросой, распространяя вокруг запах крепкого табака?

— Дело было так, — говорил Александр Васильевич. — Вызвал меня председатель Охватского сельсовета и говорит: «Ты, Александр, возле Двинца сейчас работаешь (а был я в то время монтером пути), — так вот тебе задание: возьми столб, просмоли его как следует и поставь там, где начинается Двина, взамен старого. Он, говорят, совсем обветшал». Ну я, значит, приготовил столб, ошкурил и просмолил его, погрузил на телегу и поехал в Корякино. Была у нас тут небольшая деревенька на берегу Двинца. Старый столб уже сгнил, а новый я поставил рядом со старой каменной кладкой.

Александр Васильевич положил па обочину велосипед, взял в руки прут и стал чертить прямо на песке схему расположения столба.

— От деревни Корякино, там одни фундаменты остались, надо идти по тропе вдоль озера Двинец километра полтора. На пути будет низинка, потом ручеек, впадающий в озеро, но это не Двина. Двина пересекает тропу дальше, в небольшой лощине, а на пригорке справа от тропы, метров 40—50 не доходя до реки, и стоит столб. Мимо него ну никак не пройти.

Александр Васильевич отряхнул руки от песка и, попрощавшись с нами, укатил в сторону Лауги. А на песке у обочины дороги осталась начертанная им схема верховьев Двины с крестиком на берегу озера Двинец — местом расположения памятного столба. Я вынул блокнот и перечертил схему на бумагу: на этот раз в наших руках были точные координаты расположения столба Шимкевича.

Следуя этой схеме, по уже знакомой тропе мы вышли берегом озера Двинец к бывшей деревне Корякино. Отсюда по берегу идет торная тропа, по которой местные жители ходят на болото за клюквой и морошкой. Тропа спускается в низину, огибает поваленные деревья, пересекает маленький ручеек, впадающий в озеро. Еще метров сто, и мы упираемся в небольшую сырую ложбину. Из болота, поросшего смешанным лесом, бойко бежит маленькая речка. Через нее кто-то устроил настил из березовых бревен. Вода струится прямо по бревнам и метров через 100 впадает несколькими рукавами в озеро Двинец.

Я узнаю и тропу, и этот мостик, и стежку, по которой шел на морошковое болото, где чуть не заблудился. Значит, это и есть начало Двины. А где же тогда памятный столб, установленный Александром Васильевичем? От реки возвращаемся по тропе назад, ощупывая взглядом

Научно-спортивная экспедиция журнала «Турист» у «столба Шимкевича». Фото 1986 г.

деревья слева и справа от тропы. И чуть было не пробегаем почерневший от дождя и непогоды столб. Он стоит под деревьями, среди кустарника и плохо виден с тропы. Мы скидываем рюкзаки и садимся прямо на траву. Все! Наконец мы нашли то, к чему стремились, отыскали место, где начинается Двина, достигли того, о чем мечтали еще в Андреаполе, слушая рассказ старого школьного учителя.

Двухметровый столб обложен у основания замшелыми камнями. Наверху он стесан. На стесе — еле заметная надпись, сделанная от руки коричневой масляной краской: «Здесь нач. Зап-ой Двины». А справа, примерно в метре от столба, виднелась кучка покрытых мхом камней с остатками извести между ними и углублением в центре: вот все, что осталось от прежнего ветхого столба, который двадцать лет назад подновляли школьники из Андреаполя. Здесь каждый из них вынул из рюкзака по камню, захваченному еще в городе, чтобы положить в основание первого скромного памятника великой русской реке. Скрепили их принесенной с собой известью. А потом по праву первооткрывателей трижды крикнули «ура!».

Время не пощадило этого первого памятного знака, но эстафету андреапольских школьников подхватили другие поколения, и теперь это место всегда будет почитаемо теми, кто любит Западную Двину, свою родную землю, ее историю. Пусть пока это скромный и неказистый памятник, но ведь величие реки определяется вовсе не величиной воздвигнутых на ее берегах монументов, а любовью, признательностью, искренней привязанностью тех, для кого бесконечно дороги и близки эти заповедные места¹.

Я подошел ближе к основанию столба, наклонился, чтобы сорвать несколько ярко-красных ягод переспелой земляники, и только тут заметил среди зеленых листьев прислоненную к столбу бутылку. Это была обыкновенная бутылка с толстым зеленоватого отлива стеклом, ее горлышко было плотно закупорено пробкой. В свое время в подобных бутылках терпящие кораблекрушения посылали сигналы бедствия, сообщали свои координаты. Но то было на морях и океанах, а эта бутылка стояла на берегу маленького ручейка, который и перешагнуть-то не представляло большого труда.

Я с волнением взял в руки этот предмет, оставленный здесь до нас любителями путешествий. Кто знает, может, он и хранит в себе какую-то тайну, весточку от тех, кто был здесь раньше нас? Вспомнилось, что Эдуард Эдуардович рассказывал нам о записке, оставленной двадцать

¹ Столб Шимкевича, к сожалению, не сохранился, от него осталась только груда камней на пригорке. Хорошо бы андреапольским краеведам восстановить его в память о своём замечательном земляке и краеведе (А. П. 2012)

лет назад для будущих путешественников участниками его экспедиции. Неужели это та самая бутылка?

Заплесневевшая пробка поддалась не сразу. Я опрокинул бутылку горлышком вниз, и мне на ладонь выпал свернутый в трубочку лист бумаги, слегка попорченный влагой.

Чернила на записке сильно растеклись, бумага попортилась, но основное нам удалось прочитать: «... Туристы из Риги принесли свой привет с берегов Даугавы, чтобы поклониться этому маленькому ручейку, с которого начинается великая река...» Ни года, ни фамилий побывавших здесь до нас рижских туристов обозначено не было. Но как приятно тут, на берегу Двины, держать в руках это послание — наглядное доказательство любви и уважения к истоку великой русской реки. Нет, не права была Вера Михайловна, говоря: «И зачем вам нужен этот исток?» Людям всегда будет нужно знать свои корни, свои истоки, свою землю, любовь к которой питается тысячами и тысячами вот таких маленьких ручейков, сливающихся потом в одну огромную полноводную реку, имя которой — Отчизна.

Я спустился вниз к ручью, который только вчера был для нас безымянным, а теперь приобрел высокий титул Западной Двины. Уже другими глазами смотрим мы на его воды, струящиеся под деревянным настилом — перед нами был не простой ручей, а одна из величайших рек европейской России. И ничего, что в этом месте ее без труда можно было перешагнуть с одного берега на другой. Я зачерпнул воду и попробовал на вкус: она пахла травой и прошлогодними листьями, но была холодной и чистой, как будто начиналась не в Корякинском болоте, а выбивалась из прозрачного родника.

Теперь нам стало ясно, почему мы не могли отыскать это место: столб стоял не на истоке и не у того места, откуда, как представлялось мне, маленьким беззащитным ручейком и начинается ее жизнь и выше которого нет ни ручейков, ни родников, нет ничего, нет и самой реки, — он стоял у места впадения Двины в озеро Двинец.

Значит, и Шимкевич, и туристы из Риги не дошли до истока, и сам столб — он только этап, рубеж на пути к нему.

А где же тогда сам исток, откуда и «вышла» река, где, наконец, то место, откуда она начинается?

Увы, этого не знал и Эдуард Эдуардович. Об этом молчали все энциклопедии, все географические справочники, все географические карты. Это была самая главная загадка истока Западной Двины. Он таялся где-то в глухих болотах севернее озера Двинец. Не знали этого во времена Анучина, не знают ученые и сейчас, произнося, как и сто лет назад, неопределенные фразы: «А вышла она из болот». В метрике

великой реки России в графе «место рождения» стоял неопределенный прочерк.

И вот мы стоим сейчас там, где Двина «ввалилась» в озеро у самой кромки поросшего еловым лесом болота, откуда она вытекает. Дальше начинается область неведомого, область поисков и открытий, разочарований и надежд, нехоженных троп по зыбким моховым болотам. И мы, бросив прощальный взгляд на памятный столб, шагнули в неизвестность.

И снова, в который уж раз, поддались желанию идти вверх по берегу ручья, идти до самого его начала, до того заветного родника, где начинает биться сердце реки. Там, где иссякает эта тоненькая водяная ниточка, там и будет исток реки. Но чем выше мы поднимались вверх по течению, тем все больше понимали, что природа основательно позаботилась о том, чтобы надежно скрыть от посторонних глаз тайну рождения реки.

Мы шли от столба прямо на север по правому (по ходу движения) берегу, поросшему густым еловым лесом, кустарником и папоротником. Река петляла где-то слева от нас в мокрой и болотистой ложине. Лес становился все более сырым, вплотную подошел к берегу. Временами ручей исчезал в траве, и тогда приходилось ориентироваться по шелесту воды, бегущей по дну ложины.

Я пошел прямо по руслу, которое теперь сузилось до полуметра. Но через несколько шагов в изумлении остановился: ручеек, словно заколдованный, исчез, распавшись на множество маленьких русел, и растворился в траве. Но потом появился снова, как будто заманивая в лежащее впереди болото. Идти стало трудно. Я оглянулся на темный и угрюмый лес, и мне показалось, что за деревьями снова промелькнула фигура незнакомца в черном фраке с косматой всклокоченной головой. Рядом что-то колыхнулось, забулькало, захохотало. И я явственно услышал, как где-то впереди затрещали ветки. И снова мелькнула бредовая мысль: уж не Хозяин ли истока взялся быть нашим проводником?

Очень скоро ручеек уперся в обширную, залитую лучами солнца, поляну. Устланная ковром изумрудно-зеленой травы, вся она искрилась от света, прогретого воздуха и множества ручейков, которые скатывались вниз и растекались по широкой болотистой пойме.

Я сделал попытку пробиться дальше к волшебной поляне, но болото не захотело меня пустить. И я понял, что на этот раз нам не одолеть заветного истока.

Дальше идти из-за высокой воды было невозможно, и мы повернули обратно. Наш отпуск заканчивался, завтра предстояло уезжать в

Осташков. Было такое ощущение, что мы поймали за хвост волшебную жар-птицу, но она в последний момент ускользнула от нас, оставив в наших руках одно заветное перышко. Этим «перышком» и была изумрудная поляна среди болота, откуда, как мы были уверены, и начиналась Западная Двина.

Но как проникнуть в это заколдованное царство? Как отыскать этот загадочный исток? Корякинское болото никак не хотело расставаться со своей тайной.

Солнце уже опускалось к кромке леса, и мы заспешили к Лауге. А перед глазами все время стояла залитая солнцем изумрудная поляна, из которой множеством ручейков сочилась ключевая вода. Поляна, откуда начиналась река.

И я дал себе слово — обязательно вернуться сюда на следующий год, отыскать этот заветный родник.

Пено. *К поискам подключается журнал «Турист»*

Прошло несколько месяцев после нашего возвращения с верховьев Двины. Но меня не оставляло ощущение, что не все еще сделано для того, чтобы найти наконец-то то место, где зарождается эта великая русская река. Оставалось чувство чего-то незаконченного, незавершенного. Начало реки известно, но исток так и остался скрытым в сырых мхах Корякинского болота. Как будто мы отыскивали заветный ларец, где хранится волшебный ключ от истока, но так и не смогли открыть его крышки.

Вспоминая, как по колено в воде колесил по этим гиблым и топким местам, я все больше понимал, что прошлое лето оказалось не лучшей порой для путешествия. В тот год всю весну и лето шли дожди, превращая маленькие ручейки в полноводные речки, а болота, на которых местные жители собирали клюкву и бруснику, в обширные лесные озера.

В общем, все сходились на том, что при такой погоде не то что исток, тропинки в лесу не отыщешь. Там, где в сухое лето можно было безбоязненно ходить по кочкам, сейчас было непроходимое, до краев наполненное водой болото. «Вот осенью, когда болото подморозит, тогда и приезжай, — посоветовала Вера Михайловна. — Тогда все ручейки и протоки будут видны, как на ладони: родники и на болотах долго не замерзают».

Эта мысль мне понравилась. Сколько раз в зимних лыжных походах мы проходили вот такие незамерзающие ручейки. На дворе мороз, а

они знай текут себе среди окоченевших от стужи берегов, и от них из-под снега поднимаются в морозный воздух легкие клубы пара. Вот если бы так подгадать, чтобы попасть на исток где-нибудь глубокой осенью, когда болота уже изрядно промерзли, но снег еще не выпал, и можно застать эти беззащитные ручейки врасплох, когда они видны так же отчетливо, как заяц, не успевший сменить на зиму свою серую шкурку. Как много я дал бы, чтобы очутиться в такое время там, на истоке Двины, на застывшем и обнажившем свои тайны Корякинском болоте. И опять вспомнились слова первого исследователя этих мест Д. Н. Анучина: «Но народ признает за начало Двины не озеро Двинец, а полагает его в шести верстах выше, в болотах, тянущихся по направлению к д. Гришино (к озеру Пено)». Нам не удалось тогда проверить эту версию: мы вернулись обратно, пройдя вверх по ручью километра полтора. Но ведь его русло наверняка начиналось где-то выше, и его можно было найти, будь лето более сухим и безводным, или в начале зимы, когда снег еще не лег на землю. И еще я понял, что просто так, наскоком тайну истока Двины не откроешь: нужна серьезная работа по исследованию ее верховьев, в которой приняли бы участие специалисты, нужна экспедиция в верховья Западной Двины.

Этими мыслями я поделился со своим старым товарищем Борисом Москвиным. Мы были знакомы с ним еще со времен учебы в Московском университете, где оба увлекались тогда еще не столь широко распространенными туристскими походами. Это увлечение привело его в журнал «Турист», где он работал главным редактором. Я поведал ему о путешествии в верховья Двины. Он удивился:

— И что же — до сих пор исток не найден?

— Известно болото, откуда вытекает Двина, озеро, куда она впадает, а вот где находится исток — никто не знает.

— Да ну? — не поверил он. — Ведь это же где-то рядом с Волгой.

— В пятнадцати километрах от нее. Но исток еще надо найти. — И я рассказал ему все, что знал о верховьях Двины: о Корякинском болоте, о краеведе Шимкевиче, о столбе на берегу Двины и о записке в зеленой толстой бутылке.

— Найдем, обязательно найдем, — загорелся Борис. — Смоем белое пятно на географической карте. И водрузим на истоке памятный знак.

Все, за что брался мой товарищ, всегда отличалось размахом и широтой, приобретало значение важного общественного явления. Вот и сейчас он рисовал передо мной планы направления на исток солидной научно-спортивной экспедиции для поисков истока.

— Значит, так: привлечем специалистов, работников местных туристских организаций, краеведов, разработаем новый туристский

маршрут на исток. Установим памятный знак.

Так я стал научным руководителем, а он начальником научно-спортивной экспедиции журнала «Турист».

Мы предполагали отправиться на исток во второй половине ноября, когда начинаются морозы, а снег еще не выпал. Подготовили сапоги, ватные брюки, теплые куртки. Позвонили в Калининский совет по туризму и экскурсиям, в Пеновский райком партии, я просиживал в библиотеке в поисках новых материалов о Двине.

Но вот тут-то и случилось непредвиденное: выглянув однажды утром в окно, я обомлел: вся улица была покрыта снегом. Он лежал толстым слоем на деревьях, на тротуаре, на дорогах. И все валил и валил, падая на землю крупными ватными хлопьями.

Я представил себе, как мы барахтаемся в снегу в Корякинском болоте, блуждаем по запеленутому белым покровом лесу, откапываем из-под снега и пожухлой травы родники, и у меня закралось сомнение: а найдем ли мы этот самый злополучный исток?

Время было упущено. Началась зима, но мы не унывали. Начальник экспедиции время от времени докладывал:

— Из нержавеющей стали изготовлен памятный знак. В пеновском лесхозе ошкурены бревна с табличкой для установки на истоке. Местные краеведы готовятся к встрече с нами.

Но и второй срок выезда экспедиции — на май — тоже был отложен. Тут уж вмешался я: в мае по Корякинскому болоту только на лодке плавать, да и не добраться до него в распутицу. В общем, собраться в поездку оказалось не таким уж легким делом: у каждого из нас была своя работа, свои дела, свои заботы, свои планы на лето. Наконец Борис категорически сказал:

— Все. Или едем через неделю, или откладываем экспедицию до осени. У меня в начале августа — отпуск.

И вот поезд Москва — Осташков мчит нас к Селигеру. Во всех купе — рюкзаки, мешки с разборными байдарками и надувными лодками, скатки с палатками, удочки и подсачики, ведра и бидоны, тележки с поклажей. Это отправляются на отдых туристы и рыбаки: кто по путевке, а кто просто так, «дикарями». У нас такая же туристская поклажа, но есть еще и тяжеленная кожаная сумка. Там, в сумке, хранится памятный знак нашей экспедиции.

Начались неспешные разговоры о погоде, о рыбалке, о Селигере. Публика в вагоне резко делилась даже по внешнему виду на две категории: одни в модных спортивных костюмах с чемоданами и сумками — эти направлялись по путевкам на турбазы Селигера; и другие — в видавших виды штормовках, резиновых сапогах, с болтавшимися у

поясов походными ножами. Эти ехали на Селигер без путевок, со своими палатками и снаряжением, удочками, спиннингами, копильнями и даже со своими червями, которых бережно хранили в огромных деревянных коробках. Большинство пассажиров — и те, у которых были путевки на турбазы, и те, кто решил отдохнуть самостоятельно, ехали в Осташков — столицу селигерского края, то есть собственно на озеро Селигер. И только незначительная часть до Пено — на так называемые верхневолжские озера Стерж, Вселуг, Пено, Волго.

Такое неравномерное распределение туристских потоков сложилось давно, еще с тридцатых годов, когда жемчужина средней полосы России — озеро Селигер только начало осваиваться отдыхающими. Здесь возникли первые

туристские базы «Селигер», «Сокол», «Рассвет», по этому озеру и его великолепным поросшим соснами песчаным плесам — Березовскому, Осташковскому, Кравотынскому — были проложены первые лодочные туристские маршруты. И как-то так получилось, что именно Селигер стал местом паломничества многочисленных туристов.

Их привлекали сюда чудесная природа, прозрачная родниковая вода, сказочные песчаные отмели, сосновые боры, обилие рыбы, грибов и ягод и, в немалой степени, интересная история этого древнего края. Вскоре по берегам стали строиться все новые и новые базы отдыха, пансионаты, палаточные городки. Все больше отдыхающих становилось на Селигере, все труднее стало находить тихие, укромные уголки, которыми всегда так славилась эти места. И теперь уже не редкость на Селигере вытоптанные берега, вырубленные сосновые боры на месте туристских стоянок, черные незарастающие пятна от кострищ. 100 тысяч туристов ежегодно отдыхают на этом не таком уж большом озере, и ему все труднее становится противостоять этому мощному потоку отдыхающих, все сложнее сохранять свой уникальный, неповторимый облик.

Герой Советского Союза Лиза Чайкина (1918—1941) — партизанка, секретарь Пеновского РК ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны. Расстреляна гитлеровскими фашистами в 1941 г.

В нашем купе разместились два парня с резиновой лодкой, удочками и рюкзаками.

— И чего там делать на этом Селигере? Народу тьма, турбазы. Нет, мы едем в Пено.

— А где же там отдыхать?

— Как где? — парни непонимающе уставились на нас. — Там такие озера, такие острова, такая рыбалка! Куда до них Селигеру.

Парни ехали на озеро Вселуг — одно из живописных верхневолжских озер, цепочкой вытянувшихся с севера на юг — от начала Волги до Селижарово.

— Будем жить на необитаемом острове: народу никого, кругом вода и тишина, а рыбы сколько? Вот такие лещи... Только червей нет. Приходится везти с собой.

Верхневолжские озера стали осваиваться отдыхающими значительно позже Селигера. Здесь и сейчас бывает не так уж много туристов, действует только одна турбаза «Орлинка» возле Пено, да и то только летом. Но по красоте озер, сосновых боров, удивительных вечерних закатов и тишине эти места могут посоперничать и с самим Селигером. Вот поэтому и едут сюда в основном «дикие» туристы и рыболовы. Эта часть Верхневолжья еще нуждается в своем развитии, и я убежден, что она сыграет свою роль как резервный район туризма, способный разгрузить перенасыщенный отдыхающими Селигер, как район, у которого большое туристское будущее.

Именно сюда, в районный поселок Пено и держала путь наша маленькая экспедиция. Здесь нас должен был ждать еще один ее участник — московский учитель и краевед Н. И. Щербаков, заблаговременно «заброшенный» Борисом в Пено, чтобы подготовить в местном лесхозе и памятный столб и цилиндр из нержавеющей стали для послания туристам XXI века, который мы должны были доставить на исток. Остальных участников экспедиции мы с помощью райкома партии рассчитывали подобрать на месте, в Пено.

...Каждый город, как и человек, имеет свой облик, свой характер. И как не бывает двух людей, во всем похожих друг на друга, так не бывает и двух абсолютно одинаковых городов, даже если на их окраинах и возвышаются всем надоевшие стандартные «черемушки». Облик городу, особенно небольшому, провинциальному, придают не только его здания, его дома и улицы, но и тот ландшафт, в который он вписан, тот неуловимый колорит, уклад жизни, который свойствен жителям только этого, и никакого другого городка.

Не знаю почему, но Осташков мне всегда представлялся в виде беззаботного туриста в белой панаме, неторопливо прогуливающегося по

набережной. Это город отдыхающих, столица большого туристского и курортного района, город турбаз, пансионатов и домов отдыха с тихими мощеными улочками, парками и старинными каменными домами. Андреаполь лишь недавно стал городом и по-прежнему напоминает поселок. Он похож на крестьянина, который забрел в город в поисках работы, да так и остался там жить, не выпуская, впрочем, из рук крестьянскую косу. А Пено — небольшой поселок на берегу озера Пено и реки Волги — видится мне в образе плечистого лесоруба или лесника с топором в руке и закинутой за спину берданкой.

Пено не может, как Осташков, похвастаться древностью, хотя люди и поселились в этих местах с незапамятных времен, а курганы кривичей и сейчас видны на окрестных полях и берегах рек и озер. Это обычный поселок, раскинувшийся среди тверских лесов и болот по берегам озера Пено и Волги. Он никогда не был городом и не так давно стал районным центром, входя в разные годы в состав то Осташковского, то Андреапольского районов. А своим возникновением обязан окрестным лесам и удачному расположению на волжском водном пути¹.

В старину Пено называли «лесопилкой». Его жители издавна слыли хорошими лесорубами, плотниками, плотогонами. На всю Тверскую губернию были известны лесопильни Морозовых, немецкой фирмы Михельсона и других. До революции здесь насчитывалось не менее 10 лесопильных предприятий. Лес рубили нещадно. Часть его перерабатывалась на местных лесопильнях, а остальная сплавливалась во Ржев и Тверь. Плыли по Волге нескончаемые вереницы плотов со строевым и мачтовым лесом с окрестных мест. В 1906 году через Пено прошла железная дорога Бологое — Великие Луки, и поселок стал крупной перевалочной базой, лес теперь грузили в вагоны и отправляли в различные города страны.

И сейчас около 70 процентов всей площади Пеновского района занимают леса, а лесное дело по традиции является основным занятием населения: здесь находятся крупный леспромхоз, лесничество, другие предприятия². Раньше по тихим, утопающим в зелени улочкам Пено степенно ходили плотники и лесорубы с завернутыми в белые холстины пилами. Теперь даже при заготовке дров на зиму для дома пользуются бензопилами, и осенью от них стоит над поселком визг и

¹ В 2006 году Пено исполнилось 100 лет со дня его образования. На праздник столетия поселка администрация пригласила и меня как автора книги «Загадка Янтарной реки» (А. П. 2012)

² В настоящее время в Пено работает ряд предприятий: ООО «Лесторг», компании «Си Босс», «Инвест-Лизинг-Тверь», предприятия туризма и отдыха, любительской охоты и рыболовства, организуются прогулки на катерах, вертолёте, гидроциклах и снегоходах, конные и пешие маршруты (А. П. 2012)

душераздирающий стон, поднимаются вверх маленькие облачка бензиновых паров. Но и сейчас здесь любят лесное и плотницкое дело. Многие окна и крылечки любовно украшены затейливой вязью деревянных кружев.

Лесорубы умели не только хорошо орудовать пилой и топором, но и ловко пользоваться берданкой. Берданка не просто принадлежность охоты, хотя до сих пор эти места славятся обилием зверей и дичи. Берданка — это и оружие, которое метко стреляло по врагам во время Великой Отечественной войны. Вчерашний лесоруб, колхозник становился партизаном, а леса вокруг Пено — надежным убежищем народных мстителей.

Если уж говорить о главной примете сегодняшнего районного поселка — так это небольшой сквер возле центральной площади. Такого сквера я не видел ни в Андреаполе, ни даже в Осташкове. Здесь все дышит памятью о прошедшей войне: и гранитные плиты с букетиками полевых цветов, и бетонные обелиски, застывшие возле Вечного огня, словно охраняя покой павших героев, и скромный памятник Лизе Чайкиной — народной героине, совершившей свой подвиг на этой пеновской земле в ноябре 1941 года. Жители поселка гордятся, что его авторами являются выдающийся советский скульптор Н. В. Томский и архитектор Н. Н. Миловидов. Рядом — скромный домик с небольшим крылечком: музей юной партизанки. Здесь очень бережно сохраняется память о Лизе, уроженке маленькой лесной деревушки Руны, заведующей избой-читальней, секретаре райкома комсомола, партизанке. Рассказывают, что когда ее вели на расстрел, она крикнула: «Не плачьте обо мне. Скоро придут наши. Они отомстят за все». 10 января 1942 года Пено был освобожден от фашистов, а 22 января от врага был очищен весь Пеновский район.

Рядом с мемориалом — небольшой двухэтажный дом — Пеновский райком партии. Еще из Москвы мы звонили сюда, чтобы предупредить о приезде: наша группа должна была пополниться здесь новыми участниками.

Возвращение на озеро Двинец. Экспедиция отправляется в путь

В райкоме партии мы встретились с первым секретарем Николаем Федоровичем Романовым. Начальник нашей экспедиции вынимает из походной сумки блестящую металлическую пластину с изображением силуэта палатки. Вместе рассматриваем надпись:

«Исток р. Западная Двина. Памятный знак установлен экспедицией журнала «Турист». 1986 г.»

Долго беседуем о нелегких заботах и делах этого глубинного района. Здесь те же проблемы, что и в Андреаполе: скудные земли, малая контурность полей, низкая урожайность сельскохозяйственных культур, отток населения в города, плохие дороги, стареющая деревня. Большинство хозяйств — нерентабельные, урожайность зерновых мизерная: 6 центнеров с гектара, поэтому хлеб приходится завозить со стороны, не хватает доярок и механизаторов, ежегодно из села уезжает до 100 человек.

— Вот уйдут на пенсию наши старые, опытные доярки, кто коров будет доить? — вырывается у Николая Федоровича.

Он с болью говорит о так называемых неперспективных деревнях («будем некоторые возрождать»), о том, что медленно идет уборка сена, что району в текущей пятилетке предстоит много сделать для развития сельского хозяйства, осуществления мелиоративных работ.

Нерешенных проблем и забот действительно много. Я сижу и думаю, что по сравнению с ними поиски истока Двины, наверное, кажутся секретарю райкома не столь уж и важным, второстепенным занятием. Тут бы свести концы с концами с планом, выжать из этой скудной и бедной земли хотя бы лишний центнер зерна или картофеля, обеспечить население района основными продуктами питания. А исток, ну куда же он денется?! В свое время дойдут руки и до него, раз он находится в Пеновском районе.

Кстати, с кем бы мы ни разговаривали в Пено об истоке Западной Двины, все недоуменно пожимали плечами: «Не знаем», «Не были», «Не слышали». Мы даже решили провести импровизированную устную анкету с единственным вопросом: «Где, по вашему мнению, начинается Западная Двина?» Об этом спрашивали местных учителей и краеведов, работников лесничества, общества охраны природы, турбазы «Орлинка», сотрудников районного отдела внутренних дел, многотиражной газеты. Из примерно двадцати опрошенных ни один не ответил на этот вопрос правильно. Назывались области: Новгородская, Псковская, Смоленская, говорилось, что это «где-то на Валдайской возвышенности» и т. д. Но никто, подчеркиваю, никто не дал правильного ответа. Отговаривались незнанием места, тем, что родились в других районах, и страшно удивлялись, когда узнавали, что исток Двины находится всего в 16 километрах от поселка Пено. И даже руководители района, которым по службе положено знать обо всем, что делается на подопечной территории, и те недоверчиво посматривали на нас: «Неужели Двина начинается в нашем районе?»

— Так, может быть, действительно лишнее это занятие — искать исток Западной Двины? — спрашиваю я.

— Нет, не лишнее, — отвечает Николай Федорович. — За суетой повседневных дел мы подчас не замечаем многого из того, чем должны гордиться. Спасибо за напоминание, теперь побываю там непременно. Да и нашим краоведам это тоже будет уроком.

С помощью райкома мы быстро пополнили состав экспедиции. В нее вошли главный лесничий Пеновского леспромхоза Иван Николаевич Тарлыков, старший инструктор турбазы «Орлинка» Анатолий Иванович Дроздов, фотокорреспондент Сергей Федорович Степанов.

— А еще надо привлечь к этому делу нашего местного краоведа директора восьмилетней школы Александра Дмитриевича Кольцова, — предлагает секретарь райкома Владимир Владимирович Философов. — Он у нас человек известный, большой знаток края. Вы не были в его краеведческом музее? Обязательно побывайте там, узнаете много интересного.

Александр Дмитриевич Кольцов принадлежит к тому же неугомонному племени краеведов, что и Шимкевич. Но судьба созданного им при школе краеведческого музея оказалась более благоприятной. Он находится на окраине поселка на территории школы в сосновом бору в отдельном, специально построенном здании. Мы были в этом музее. На первый взгляд, ничего особенного. Обыкновенная изба, в ней прихожая, две маленькие комнатки, сплошь уставленные экспонатами — предметы крестьянского быта, горшки, старинные гири и безмены, самовары, образцы продукции местных предприятий.

Вроде бы и нет в экспозиции этого музея определенной системы: каменные наконечники от стрел соседствовали с сохами и мотыгами, старая буденовка с образцами дореволюционных ассигнаций, партизанское оружие с коллекцией самоваров. Но было здесь нечто такое, что сразу располагало посетителя. Это, пожалуй, его домашность, уютность и подкупающая искренность. Экспонаты не пылились под стеклом и не были отгорожены от посетителя, их можно было потрогать, подержать в руках, попробовать на вес. И еще — пожалуй, самое главное — все они были собраны самими школьниками и их учителем географии в экспедициях и походах по окрестным селам.

В музее есть свой совет, состоящий из ребят, они же сами являются экскурсоводами. Здесь, прямо в музее, проводятся уроки истории, географии, краеведения. Хорошо, когда у ребят есть такие наставники, как Александр Дмитриевич Кольцов.

На одном из стендов этого музея я увидел старую карту европейской России, изданную в 1869 году корпусом военных топографов. Нашел

на ней многие уже знакомые мне деревни: Лавуга (Лауга) — до 20 дворов, Волок, Двинец, Корякино, Шеверево — от 5 до 10 дворов. Было обозначено и озеро Двинец, правда, без названия, но впадающего в него ручья на карте я не нашел.

Александр Дмитриевич показывает любопытную книжицу — «Список населенных пунктов Тверской губернии за 1889 год». За двадцать лет в численности деревенского населения произошли значительные изменения: в деревне Извоз (Лауга) значилось всего 7 дворов, а в них 27 лиц мужского и 34 женского пола, в деревне Волок — 4 двора (14 человек мужского, 16 женского пола). Деревня пустела и в те после-реформенные времена, когда из нее уходили в города на заработки многие жители, особенно мужчины.

От Александра Дмитриевича узнаем много интересного об истории Пеновского района. Но о Западной Двине ничего нового он сказать не смог.

Утром жители Пено, проходя мимо райкома, с интересом наблюдали, как в леспромхозовский газик пытались втиснуться участники нашей экспедиции. В машине было всего четыре места (без водителя), а участников почти в два раза больше. Место рядом с водителем предоставили мне, а наиболее субтильные члены экспедиции расположились на заднем сидении: главный лесничий, старший инструктор турбазы, фотограф и среди них бочком начальник нашей экспедиции. Остальные, обреченно посмотрев на свои животы, махнули рукой и пополнили ряды зрителей на тротуаре.

...Машина мчалась по широкому асфальтированному шоссе в сторону Лауги. Дорога вроде бы знакомая, но год назад мы проделали ее пешком и в обратном направлении, а теперь смотрю на окрестные места из окна автомобиля: мелькают сосновые рощи, луга, болота, озера. Справа от дороги хорошо видно небольшое озеро Соблаго с впадающим в него маленьким ручейком. Он петляет по широкой луговой долине и скрывается в моховом болоте. Слева, насколько хватает глаз, тоже расстилается болото. Оно и сейчас носит название Красный мох, в той стороне находится озеро Орлинское и вытекающая из него река Орлинка — приток реки Плотищенки, впадающей в реку Жукопу.

Мы едем по местам, где некогда проходил древний водный путь из верховьев Двины в Волгу. Именно здесь, в районе Соблаго, существовала система волоков между обширными болотами и вытекающими из них речками. Болото Красный мох, мимо которого сейчас проезжали, находится южнее Соблаго между озерами Охват и Двинец и рекой Жукопой, впадающей в Волгу.

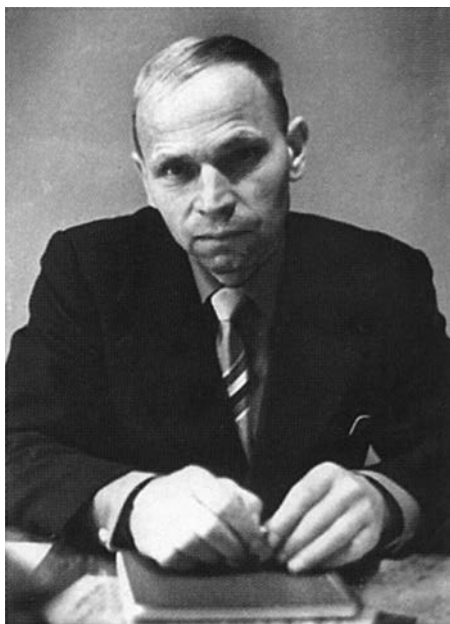
Так что десять — двенадцать веков назад здесь было бойкое место. Горели костры, купцы перегружали свои товары на лошадей и везли их сухопутьем. Лодки ставили на деревянные катки и несколько верст катили до реки Орлинки. Наверное, и места эти выглядели не так, как сейчас, — более полноводными были реки, их русла углубляли и расчищали от ила, песка и травы. Лес и кустарник по берегам вырубали и сжигали. Чтобы поднять уровень воды, строили плотины и запруды на реках и озерах.

Это потом, много веков спустя, когда появились дороги, волоки потеряли свое значение, обмелели, заилились русла речек, заросли кустарником берега. И великий водный путь «из варяг в греки», некогда дававший жизнь многим народам, кормивший и одевавший их, прекратил свое существование.

Но интерес к водным путям сообщения между Двиной и Волгой не исчез. Здесь верховья Двины так близко подходили к верховьям Волги и ее притокам, что еще в начале XVIII века в петровские времена возникла мысль соединить их каналом. Об этом свидетельствует и экспедиция стольника Максима Цызырева, о которой мы уже говорили.

Через 123 года, уже в начале XIX века, снова вспомнили об этом проекте. Уж слишком заманчиво было соединить Поволжье с Рижским заливом, получить выход по воде в Балтийское море. В то время товары из Твери в Ригу везли окружным сухопутным путем через Петербург. Обозы растягивались на многие километры, а вся дорога занимала несколько недель. Водный путь позволял сократить это расстояние почти вдвое. Он был важен не только в торговом, но и в военном отношении.

В 1824 году была учреждена специальная комиссия для исследования военных водяных сообщений государства. Она признала важным соединить верховья Двины и Волги, чтобы открыть прямой путь из глубины России по воде в Балтийское море. На место был командирован

Известный пеновский краевед, основатель районного краеведческого музея Александр Дмитриевич Кольцов

инженер Волков. Он прибыл в эти места летом 1824 года во главе экспедиции для разработки проекта строительства соединительных каналов.

Район работы экспедиции Волкова охватывал бассейны рек Волкоты, Куди, Жукопы, озер Охват, Двинец, Пено и Соблаго. С нивелиром и теодолитом Волков и его помощники исходили десятки верст, изучили множество озер и рек, побывали на окрестных болотах — Корякинском и Красный мох, озерах Двинец, Орлино и Соблаго, прошли вдоль речек Орлинки и Плотиценки. В результате были подготовлены два проекта, которые так или иначе повторяли древние водные пути средневековья, использовали давно забытые и заброшенные старинные волоки.

Один из проектов предлагал соединить верховья Двины и Волги посредством реки Волкоты (впадает в озеро Охват), озера Витбино, реки Кудь (впадает в озеро Пено). Но Волков отдавал предпочтение другому проекту, в разработку которого он вложил немало сил и энергии. Это был весьма смелый проект соединения верховьев Двины с Волгой через озера Двинец, Соблаго, Орлинское. В этом месте от озера Двинец до Волги было не более 10 верст, но между ними находился водораздел — обширное болото между озерами Двинец и Соблаго. Из этого болота вытекал небольшой ручеек и впадал в озеро Двинец, а с северо-востока к этому же болоту подходил другой ручей — Соблагский, который вливался в озеро Орлино и вытекал из него под названием реки Орлинки. А та, в свою очередь, впадала в реку Плотиценку — левый приток Жукопы. Речки эти давно обмелели, и по ним уже тогда нельзя было организовать судоходство. Чтобы водный путь начал функционировать, следовало прорыть канал от озера Двинец вокруг озера Соблаго до Соблагского ручья, текущего в озеро Орлино.

Но в исполнении этого грандиозного по тем временам проекта была одна трудность. Она заключалась в том, что, как писал Волков в своем «мемуаре» «О сообщении рек Волги и Западной Двины», «озера Двинец и Соблаго, находясь на вершине систем вод, разнествуют высотой горизонта: второе над первым до 10 футов. Притом озеро Соблаго не может одно доставить потребного количества воды для судоходств, а потому надлежало бы поместить в отдельный пункт озеро Двинец, благо горизонт нельзя возвысить до искусственной высоты озера Соблаго». Да и вообще запасы воды в этих озерах были явно недостаточны для организации нормального судоходства, а без достаточного подпора воды канал действовать не мог.

Тогда Волков предложил использовать в качестве резервуара более крупное озеро Охват, построив при истоке Двины из этого озера (возле

нынешнего поселка Бобровец) плотину со шлюзовой камерой. Таким образом он рассчитывал поднять уровень воды в озере Охват на 6 футов¹ выше летнего уровня и собрать в нем 2 207 000 кубических саженной резервной воды.

Правда, и здесь была одна трудность: канал должен был проходить по болоту Шиловский мох. Это болото или следовало осушить, что было крайне трудно, или насыпать параллельно каналу дамбу, чтобы оградить его от болота. Волков предложил прорыть канал не по болоту, а вдоль русла реки Плотиценки, которая вытекает из этого болота. На соединительном канале от озера Охват до реки Жукопы длиной в 20 верст планировалось построить пять камерных шлюзов. Эта система могла бы поддерживать в течение 20 дней уровень воды, необходимый для нормального судоходства.

Свои соображения по проекту Волков изложил в «мемуаре» и передал на рассмотрение комиссии. Его выводы поддержал известный ученый И. Штукенберг. «Результаты задержки резервуара в Охват-Жаденье, во всяком случае, превзошли бы всю сумму выгод, указываемых Волковым в его мемуаре, — писал он, — только бы по возможности поднять выше те запруды, не останавливаясь перед тем, чтобы несколько квадратных верст луговой земли более или менее поднять водою... Наше твердое убеждение, что навигация между Волгой и Двиною может дать воды не только на 20 дней, но, по всей вероятности, и на целое лето».

Но проекту Волкова, как и другим, более поздним, не суждено было осуществиться. Слишком большой объем работ необходимо было произвести, слишком слаба была техническая база, велики затраты при довольно проблематичных выгодах, которые сулило принести осуществление этого весьма смелого предприятия.

...Проехав чуть менее 16 километров от Пено до бывшей деревни Двинец, по уже знакомой мне тропе спускаемся вниз от шоссе к озеру Двинец. На опушке замечаю перемены — по обе стороны тропы стоят свежеструганные грибки со скамейками и столиками для отдыха.

— Это ваш Щербаков с директором леспромхоза здесь побывали, — говорит главный лесничий. — Их работа.

По тропинке идем до мостика через Двину — отсюда она вытекает из озера. Уже издалека на противоположном ее берегу видим свежеструганный столб с прибитой к нему чистой фанерной табличкой — такие указатели устанавливают обычно на проселочных дорогах. На табличке явно было оставлено место для памятного знака, который

¹ Около 2-х метров

Свой лагерь мы разбили под яблоней на месте бывшей д. Корякино. *Фото 1986 г.*

ждал своего часа в рюкзаке начальника экспедиции.

— Вот и исток Двины. — В голосе главного лесничего слышатся горделивые нотки.

— Это не исток, — возражаю я. — Исток находится возле деревни Корякино.

— А вот Владимир Владимирович считает, что исток здесь, — пробует давить на меня авторитетом райкома партии главный лесничий.

Действительно, за несколько дней до нашего приезда здесь вместе с Н. Н. Щербаковым побывал секретарь райкома партии В. В. Филосовов, который и дал команду поставить в этом месте указатель.

И тут во всем блеске проявляет свой дипломатический талант начальник нашей экспедиции.

— Иван Николаевич прав, — решительно поддерживает он главного лесничего, — отсюда Двина действительно вытекает. И на табличке надо написать: «Отсюда вытекает Западная Двина». Но давайте посмотрим, откуда она втекает в озеро Двинец. Как, Иван Николаевич?

Мы садимся в машину, и едем к деревне Шевереве. От нее до Пено по спидометру — 13,8 километра. Потом заброшенной проселочной

Озеро Двинец. На заднем плане — остров. Фото 1986 г.

дорогой пешком идем к бывшей деревне Корякино. По обе стороны еловые и смешанные леса. По временам мы нагибаемся и срываем крепкие с бархатными коричневыми шляпками боровики. Они гнездятся на опушке или прямо в давно не езженной колее. Но почти все грибы червивые: вот уже несколько месяцев в этих местах стоит сухая жаркая погода, влаги не хватает, земля морщится от сухих

трещин. «Может быть, — думаю я, — на этот раз Корякинское болото подпустит нас к себе поближе».

Рядом идет старший инструктор турбазы «Орлинка» Анатолий Дроздов. Он представитель туристской общественности района и единственной в районе туристской базы. Все маршруты этой базы ориентированы на восток — в сторону озера Селигер и Осташкова, которые и без того перенасыщены туристами. А исток находился совсем рядом — в каких-нибудь 38 километрах от турбазы. Поэтому когда мы встретились с туристами и работниками турбазы «Орлинка» и рассказали им о цели нашей экспедиции, то тут же возникла мысль об организации нового велосипедного маршрута на исток. Ее высказал Анатолий Дроздов. Нам это предложение показалось стоящим, и мы пригласили старшего инструктора принять участие в экспедиции для разработки будущего маршрута.

Километра через два дорога выводит нас на широкое безлесное поле. Всюду видны заросшие крапивой и бурьяном фундаменты некогда стоявших здесь домов, огромные ветлы по берегам озера, одичавшие яблони на бывших усадьбах. Угадываются грядки от огородов, сбегавших

к озеру, заброшенные поля, заросшие березняком и осиной. Место высокое, сухое среди неоглядных лесов и болот на берегу тихого задумчивого лесного озера Двинец. Это и есть место, где некогда стояла деревня Корякино.

Я единственный, кто знает дорогу от Корякино до памятного столба. Поэтому на меня возлагают обязанности проводника, и наша маленькая экспедиция цепочкой вытягивается вдоль лесной тропы, идущей по берегу озера. За мной главный лесничий, Анатолий Дроздов, наш водитель Георгий Павлович Чугунов, фотокорреспондент Сергей Степанов. Шествие замыкает начальник экспедиции, сгибаясь под тяжестью рюкзака, в котором лежит памятный знак из нержавеющей стали. Мы пересекаем несколько маленьких ручейков, впадающих в озеро. Слышу, как за спиной тихо ворчит Иван Николаевич: «Тут каждый ручей можно принять за исток». Но я знаю, скоро будет тот самый памятный столб, который должен разрешить все сомнения.

Он стоит на том же месте, и та же надпись начертана на его срезе: «Здесь нач. Зап. Двины». Только буквы нарисованы не краской, а вырезаны ножом в дереве. И под надписью тоже ножом выведено крупными буквами «DAUGAVA» и стрелка, показывающая на журчащий внизу ручей. Видно, здесь до нас уже успели побывать латвийские туристы.

— Вот видите, — поставил все точки над «і» наш начальник. — Здесь туристам можно показывать место впадения Двины в озеро, а там, где мы были, место, где она вытекает из Двинца. Согласны, Иван Николаевич?

День клонился к вечеру.

Мы фотографируемся у столба и расстаемся со своими спутниками, чтобы завтра продолжить поиски истока Западной Двины.

Беспокойная память детства. «Без краеведения мы бессильны»

Свою палатку мы разбили на пригорке, там, где когда-то стояла деревня Корякино, под одичавшей яблоней. Борис разжег костер и, собрав упавшие с дерева яблоки, начал варить компот. Было душно и очень хотелось пить. А я, срезав ореховое удилище, отправился к озеру попытать рыбацкого счастья. У берега было мелко, пришлось разуться и зайти в воду по колено.

Вода стояла неподвижно, и мой поплавок намертво застыл у кромки осоки. Озеро, со всех сторон окруженное лесом, было багровым от лу-

чей солнца, повисшего над ним раскаленной сковородой. Впереди, метрах в ста, затаился маленький кудрявый островок, где-то в осоке громко возились шуки, гоняясь за плотвой, и тогда по зеркальной глади озера во все стороны расходились большие круги. Но вот солнце ушло, и вечерний туман прозрачной дымкой окутал озеро. Оно лежало, как зачарованное. Нет, это было не простое лесное озеро. Здесь в камышовых зарослях, в прогретых солнцем заливах, на песчаных отмелях мужала и набиралась сил Двина, словно отдыхая перед дальней дорогой.

Стало смеркаться, и мы залезли в палатку. Но долго не могли заснуть, прислушиваясь к ночным шорохам, тихому шелесту яблоневых листьев, крикам совы в соседнем лесу, всплескам рыбы в сонной воде. Как все-таки тягостна картина запустения, одичания этих мест! Эти заросли крапивы там, где некогда стояли дома, буйная трава на месте прежних тропинок, сбегавших к самой воде, к лодкам. Тишь, безлюдье. Молчат огромные ветлы, склонившиеся над озером, молчат одичавшие яблони. Жизнь тихо и незаметно ушла из этой маленькой тверской деревеньки, простоявшей здесь, у истока Двины, не один десяток лет.

Где они, ее жители? Куда подевались? Почему покинули отчие места? Почему им стала не нужна родная деревня? Ведь то, что осталось от нее — расплывшиеся огородные грядки, заросшее осинами пахотное поле, в свое время отвоеванное у леса и кустарника, тележная дорога на сенокосные луга, тропинки на клюквенные болота, — все говорит о большом труде, который вложили ее жители в обустройство этих мест. Еще до войны на реке Двине возле Лауги, говорят, была мельница с запрудой. Подпор воды был таким, что из озера Двинец в озеро Охват сплавляли лес, перевозили грузы.

Ушла в небытие деревня, оставив шрамы не только на земле, где она когда-то стояла, но и в душах тех, кто здесь родился, вырос, жил, кто с молоком матери впитал в себя эти утренние рассветы, рыбалку на озере, сенокосы на заливных лугах, хождение за грибами и ягодами, запах костра в ночном...

По себе знаю, как совершенно незаметно, но основательно, надолго, навсегда входит в тебя в детстве это удивительное чувство привязанности к родной земле, как цепко держит оно человека всю жизнь. Я родился в небольшой подмосковной деревне. Называлась она Талица по имени речки, протекающей неподалеку от нынешней станции Софрино. Мне не было и года, когда родители переехали в Москву. Мой отец Сергей Иванович Попов был известным краеведом. В 20-х годах он избирался членом бюро краеведения Московского губпроста,

членом правления общества изучения Московской губернии, возглавлял Московское бюро краеведения. В 1928 году его выдвинули членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. Он сотрудничал в журналах «Краеведение», «Известия Центрального бюро краеведения», «Советское краеведение», писал книги по вопросам сельского и школьного краеведения, любил путешествовать по стране, организовывать экскурсии.

Целиком отдаваясь краеведческой работе, отец на всю свою жизнь сохранил теплую и нежную любовь к своей родной подмосковной деревне Талице, к школе, которую он там организовал, к Софринскому краеведческому кружку, который он возглавлял более десяти лет.

Некоторое время назад я получил письмо из Софрина от ученика отца по Талицкой школе Б. Н. Чернавского. Он приглашал посетить Софринский краеведческий музей, организованный местными энтузиастами на общественных началах. Б. Н. Чернавский был и одним из основателей и директором этого музея.

С волнением переступал я порог школы, где находился музей. Борис Николаевич распахивает дверь, и мы оказываемся в комнате, уставленной образцами продукции местных предприятий, предметами быта, другими экспонатами. На стене стенд с фотографиями. Вглядываюсь — на меня смотрит молодое лицо моего отца. Внизу подпись: «Организатор краеведческого кружка по изучению местного края б. Софринской волости». Рядом с ним один из активистов-краеведов учитель Ф. М. Рассейкин. Здесь же портрет внука поэта Федора Ивановича Тютчева — Н. И. Тютчева, бывшего директора усадьбы-музея Мураново. Это он по просьбе отца написал в краеведческий сборник «Софринская волость» очерк «Усадьба-музей Мураново».

Музей небольшой, но какой-то необычайной теплотой и сердечностью веет от этих скромных стендов, экспонатов, картин. Я смотрю на портрет моего отца, на витрину, где бережно хранятся написанные им книги, на радостное, оживленное лицо Бориса Николаевича, и меня охватывает чувство большой признательности к софринским краеведам, жителям небольшого подмосковного поселка. Значит, не напрасно прожил свою жизнь отец, значит, его помнят и уважают, и память о нем бережно сохраняется здесь в Софрино. Это ли не признание его трудов, его забот об этом крае, который он так любил и которому отдал свои молодые годы.

Сейчас мы все чаще и чаще обращаемся к тем годам — времени удивительному и уникальному, периоду невиданных дотоле экономических и социальных экспериментов. Обращаемся с надеждой взять все лучшее оттуда, что может нам пригодиться сегодня, и с грустью

убеждаемся, что что-то очень существенное было впоследствии утрачено или незаслуженно забыто. Так может пришло время извлечь уроки, возродить то, что уже было достигнуто в тот период, продолжить и умножить традиции наших предшественников...

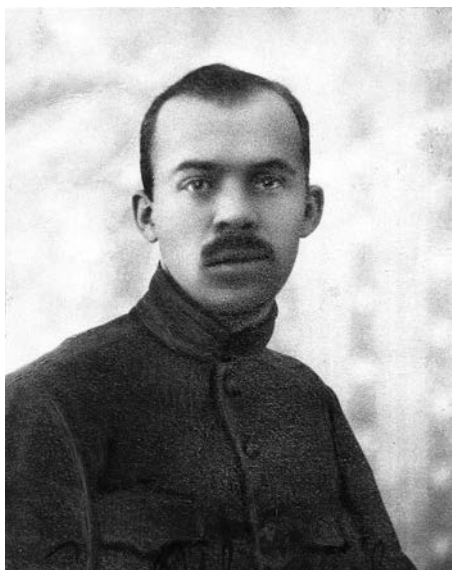
20-е годы XX в — время становления и бурного развития советского краеведения. У его истоков стояли такие крупнейшие научные авторитеты, как В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. Н. Анучин, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, М. М. Богословский, А. Е. Ферсман и другие. Еще до революции они активно разрабатывали научные основы краеведения, его важнейшие направления. Они же приняли деятельное участие в создании Центрального бюро краеведения, которое направляло всю краеведческую работу на местах с начала 20-х годов. Первым председателем Центрального бюро был избран в 1921 году Д. Н. Анучин, а после его смерти в 1924 году ЦБК возглавил С. Ф. Ольденбург.

В эти годы по всей стране создаются областные, городские и районные краеведческие организации и общества, кружки и ячейки, общества изучения родного края. Краеведы изучают экономику, природу, историю своих мест, ищут полезные ископаемые, ведут фенологические и метеорологические наблюдения, проводят работу по охране памятников культуры и природы, разыскивают сведения об исторических событиях, организуют краеведческие музеи.

Если до революции в стране насчитывалось всего 155 краеведческих организаций, в том числе 94 музея, то в 1930 году их число возросло более чем в 15 раз — до 2 334 (в том числе 409 музеев). Краеведческие организации объединяли около 100 тысяч энтузиастов. Большая краеведческая работа проводилась среди студентов и школьников.

В 1927 году краеведы Ногинского района Московской области написали в Сорренто А. М. Горькому письмо, в котором попросили его высказать свое мнение о значении краеведения. Через некоторое время из Италии пришел долгожданный ответ. А. М. Горький писал: «На сегодняшний ваш вопрос о значении краеведения может быть дан лишь один ответ: краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено. Краеведение — большое дело. Я с большой радостью слежу за процессом его развития, вызванном к жизни тою энергией, которую разбудила революция. Работа, сделанная краеведами, уже значительна. Эта работа не только указывает нам пути к обогащению страны, но и как всякая разумная работа, дает моральное удовлетворение, способствует быстрейшему росту человеческих достоинств, внушает нам веру в творческие силы нашего разума».

Когда на следующий год, в 1928 году, Алексей Максимович вернулся в Советскую Россию, ему на III Всероссийской конференции по

Первый раз мой отец — известный деятель школьного краеведения — был арестован в феврале 1931 г., когда попал под волну краеведческих арестов как представитель «кулацкого меньшевистско-эсеровского» краеведения; во второй раз — в апреле 1934 г. после убийства Кирова. Реабилитирован в 1956 г. *Фото из семейного архива. 1918 г.*

краеведению впервые в истории краеведческого движения было торжественно присвоено звание почетного краеведа. Такого же звания был удостоен и один из руководителей этого движения академик С. Ф. Ольденбург.

С момента своего создания в декабре 1921 года Центральное бюро действовало при Российской академии наук (с 1924 года перешло в ведение Главнауки, с 1927 года — Наркомпроса) и возглавлялось крупными учеными. Многие из них считали для себя большой честью писать для краеведов, выступать с различными научными и методическими разработками. Среди них были С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. В. Богданов, А. А. Борзов, И. М. Гревс, Б. Д. Греков, С. Г. Григорьев, А. А. Крубер, В. И. Пичета, Б. М. Соколов, А. А. Спицын, Ю. М. Шокальский и другие ученые.

В этом ряду зачинателей советского краеведения стоит и фамилия профессора Московского университета Николая Калинковича Гудзия. В 40-х годах я — тогда студент-первокурсник филологического факультета — слушал его лекции по древнерусской литературе. Это были даже не лекции, а целые представления. Николай Калинкович мог часами наизусть читать главы из «Слова о полку Игореве» или «Задонщины». Читал с выражением, как былинный сказитель, покачиваясь из стороны в сторону и для пушшего эффекта закатывая глаза.

Его квартира была похожа на музей: она была сплошь уставлена шкафами с редкими книгами, стены увешаны картинами и фотографиями. На одной из них мы увидели своего учителя в окопе в военной форме в окружении солдат. Осенью сорок первого он, тогда уже пожилой человек, вместе со студентами и преподавателями Московского университета вступил в ополчение, участвовал в битве под Москвой. Его оружием была не только винтовка. Он рассказывал солдатам о

«Слове о полку Игореве», о Мамаевом побоище, о войне 1812 года. Многовековая героическая история нашего Отечества и древнерусская литература тоже сражались с фашистскими захватчиками. И в бой ее вел старый русский интеллигент, большой патриот нашей Родины профессор университета Николай Калинин Гудзий.

Выступая в 1928 году на заседании Центрального бюро краеведения с участием А. М. Горького, академик С. Ф. Ольденбург совершенно справедливо сказал: «Без науки нельзя строить новое... общество, но мало сказать это, надо, чтобы... каждый гражданин нашего Союза осознал, что без краеведения мы бессильны».

А. М. Горький не случайно был удостоен звания почетного краеведа. Все краеведы считали его своим наставником и воспринимали как писателя, в творчестве которого нашли яркое выражение краеведческие мотивы, особенно в изображении Нижегородского края. На этом же заседании был заслушан доклад «Краеведные основы в творчестве М. Горького» его земляка доцента Нижегородского государственного университета А. Н. Свободова, который назвал великого пролетарского писателя «истым краеведом».

К концу 20-х годов советское краеведение окрепло организационно, превратилось в широкое массовое движение.

Активно работали краеведы Московской области, в которую в то время входили наряду с Московским — Рязанский, Коломенский, Калужский, Тульский, Тверской и другие округа. В Твери в эти годы всю краеведческую работу возглавляло общество по изучению тверского края. Много делалось для изучения края Тверским краеведческим музеем, объединившим местных любителей истории и краеведения. Музей организовывал исследовательские экспедиции, устраивал интересные выставки. Активное участие в них принимал кабинет краеведения Тверского педагогического института и студенты.

Но краеведческие исследования в тверском крае вели не только ученые, преподаватели и студенты. В них принимали участие и краеведы из глубинки, из сел и деревень, крестьяне. Они ставили перед собой конкретные задачи — комплексное описание своей деревни, волости, их экономики, быта, культуры, подворное обследование хозяйств. Среди них был и житель Горицкой волости А. М. Большаков. Его книга «Советская деревня за 1917—1924 гг.» была издана в 1924 году и получила высокую оценку ученых и краеведческой общественности.

20-е годы — наиболее плодотворный период в истории советского краеведения. Именно тогда были заложены его организационные и теоретические основы, именно в те годы оно прочно встало на научную основу, превратилось в действенное средство изучения произво-

дительных сил и природных богатств страны.

В 1927 году XIII Всероссийский съезд Советов принимает резолюцию, в которой говорится: «Придавая большое значение краеведческой работе как форме вовлечения в научно-исследовательскую работу широких кругов трудящихся, съезд Советов обращает внимание центральных исполнительных комитетов автономных республик, краевых, областных и губернских исполнительных комитетов на необходимость усилить содействие органам краеведения и шире использовать в деле строительства края их работу».

В том же 1927 году с трибуны III Всероссийской конференции по краеведению Н. К. Крупская говорила: «Вопрос краеведения сейчас для страны имеет громадное значение, потому что какую бы область строительства мы ни взяли, мы постоянно наталкиваемся на тот вопрос, что наиболее плодотворно хозяйственное и культурное строительство может идти лишь в том случае, когда оно учитывает все особенности края, все движущие силы, которые в данном районе имеются».

Но уже с конца 20-х годов массовое краеведческое движение идет на спад.

Наступает самый трудный период в его истории. За первое десятилетие своего существования оно сумело сделать многое, привлекло к участию в краеведческой работе десятки тысяч общественников, принесло реальные, конкретные результаты, стало эффективным средством познания страны, воспитания трудящихся. Но это были последние успехи краеведения. С начала 30-х годов в условиях утверждавшегося культа личности Сталина, можно сказать, на самом взлете это общественное движение столкнулось с трудностями, которые не смогло преодолеть. Начинается коренная перестройка организационной структуры краеведения, усиливаются левацкие и вульгарно-социологические тенденции. Но главная опасность заключалась в той атмосфере подозрительности, произвола, недоверия и неверных субъективных оценок, которая стала складываться в стране вообще и вокруг краеведения в частности. Это лишний раз подтверждает, что краеведение может нормально развиваться только в условиях демократии, при соблюдении принципа добровольности, активного участия в познании Родины самых широких масс трудящихся. Наиболее видным деятелям краеведения стали приклеивать «ярлыки», многие из них были объявлены «врагами народа», репрессированы и расстреляны. Для краеведения 1937 год начался значительно раньше — в конце 1920-х — начале 1930-х годах.

Кому-то хотелось свернуть, приглушить народную инициативу, этот

огромный, неподдельный интерес ко всему, что совершалось в нашей стране, отбить охоту к изучению нашего прошлого, стереть из народной памяти многие достойные имена, посеять бессилие и безразличие. Массовое краеведческое движение в нашей стране в 1937—1938 годах было окончательно ликвидировано.

В 1937 году было опубликовано постановление «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах». В нем признавалось нецелесообразным «дальнейшее существование Центрального и местных бюро краеведения» и предписывалось Наркомпросу, в ведении которого тогда находилось краеведение, ликвидировать эту организацию. Последнюю точку в существовании массового краеведческого движения поставило письмо-указание Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» (апрель 1938 года), которым были ликвидированы все существовавшие краеведческие учреждения на местах, так как «для краеведческой работы нет никакой необходимости создавать специальные и особые организации».

Вся краеведческая работа теперь сосредоточивалась при домах культуры, избах-читальнях, местных музеях, что не могло не сказаться на уровне исследований. С таким трудом создаваемое на протяжении многих лет организованное краеведческое движение фактически прекратило свое существование. Пламя народной инициативы было потушено, и на краеведческом пепелище остались тлеть только немногие уцелевшие угольки.

Краеведение стало ненужным именно потому, что оно стремилось к доскональному изучению всей нашей жизни, нашей истории, экономики, нашего быта. Оно стремилось к правде, правде истории, правде революции, правде гражданской войны. А эта правда начала сильно расходиться с официальной политикой, субъективными тенденциями культа личности Сталина. Культ личности легче было утверждать в условиях, когда народ не знает истинную правду о том, что происходит в стране, и, следовательно, не может судить обо всем самостоятельно и непредвзято. Краеведение стало ненужным, так как это движение всей своей деятельностью, своею демократичностью, своим поисковым исследовательским характером было направлено против догматизма, шаблона и слепого повиновения; потому что оно никогда ничего не принимало на веру, а всегда следовало только фактам.

Все это не могло не привести к усилению настроений безразличия, пассивности, утраты исторической памяти. Именно в эти годы в условиях отсутствия эффективного общественного мнения и активного противодействия были ликвидированы фонды значительного количества краеведческих музеев, уничтожено немало памятников истории и

культуры, безвозвратно утрачены многие шедевры древнерусской архитектуры.

Я пишу об этом с болью, потому что в 30-х годах был прерван так блистательно начавшийся процесс широкого вовлечения трудящихся, всего народа в небывалую доселе деятельность за всестороннее познание нашей страны, за овладение научными знаниями, подрублина вера в то, что именно народ является хозяином своей жизни, своей истории, своей земли, на которой он живет.

И вновь память возвращает меня в детство, в маленький поселок Удомля, в котором я вместе с родителями провел несколько предвоенных лет, оставивших во мне след на всю жизнь. Даже сейчас, закрыв глаза, вижу тихую гладь Удомельского озера, где мы, мальчишки, проводили летом все свое время, табуны лошадей на лугах, цыганские таборы на берегу озера, рыбалку и поиски начала маленького ручейка, который переходили вброд, когда шли купаться на деревенский пляж.

С тех пор прошел не один десяток лет, но я по-прежнему ясно, как будто воочию, вижу нашу небольшую крытую дранкой избу на окраине Удомли, симпатичную веснушчатую мордашку хозяйской дочери Нины, в которую все мы, мальчишки, были тайно влюблены, огромную парашютную вышку недалеко от станции с повисшими в воздухе разноцветными куполами, круглые вафли мороженого с выдавленными на них именами — «Нина», «Лена», «Вася», «Петя», которое продавали в парке, и огромное заросшее осокой Удомельское озеро, где мы росли, выросли, где проходило наше довоенное детство и где мы впервые поняли, что же такое родная земля.

Наверное, и нет уже той окраины — поселок разросся, стал городом, а воспоминания остались на всю жизнь, чистые и светлые, как прозрачная вода из колодца, куда мы бегали за водой...

...Сверху по палатке снова грохотнуло упавшее яблоко, и она загудела, как обитый кожей барабан. Мне подумалось: а ведь, наверное, и бывшим жителям Корякино, покинувшим эту деревню, тоже по ночам вспоминается тихое озеро Двинец, багровые закаты над лесом, пахнувшие свежескошенной травой заливные луга и это клюквенное болото, откуда начинается Двина? И их тоже, как и меня сейчас, охватывает острое чувство вины за то, что нет больше этой маленькой деревеньки, которая дала им жизнь и научила любить нашу землю, за то, что не смогли ее уберечь, что в суете новой жизни они так далеко ушли от своего истока, что уже начали забывать о той колыбели, которая их вскормила, которая дала им все, не потребовав взамен ничего. Как мать, которая бескорыстно любит своих детей и, не докучая им просьбами, терпеливо ждет, когда они приедут в свой отчий дом или дога-

даются написать долгожданное письмо.

Уверен: не спится по ночам многим жителям бывшей деревни Корякино, и их тоже гложет острое чувство вины, и не дает им спать беспокойная память детства.

Береста на память. *Памятный знак на истоке Зап. Двины*

Мы просыпаемся с первыми лучами солнца, свертываем лагерь и снова отправляемся в путь по тропе Шимкевича. Сегодня мы штурмуем Корякинское болото, сегодня мы должны отыскать этот заколдованный исток. Я несу широкую доску, которую мы должны установить на болоте. Борис — пластину памятного знака. Доходим до столба и идем вверх вдоль левого берега ручья. Этим летом, сухим и жарким, он намного уже, чем в прошлом, дождливом году. И это вселяет надежду.

Спускаемся вниз к ручью и движемся вдоль его русла. Время от времени останавливаемся и повязываем на ствол или ветку дерева кумачовую ленточку. Мы договорились о маркировке нашего маршрута с Анатолием Дроздовым, чтобы ему легче было найти дорогу, когда он придет сюда с туристской группой. Оглядываюсь — за нами тянется вереница красных ленточек, как будто кто-то обложил лес красными флажками. Считаем шаги, но скоро сбиваемся со счета: идти становится трудно.

Примерно в полукилometре от столба первое открытие: ручей раздваивается. Один — более мощный — течет налево, другой — поменьше — направо (по течению воды. — А. П.). Мелькает мысль: воткнуть в землю шест и укрепить здесь памятный знак, ведь из этих двух ручейков и рождается Западная Двина. Но мы вешаем на дерево очередной лоскуток и идем дальше. Надо исследовать как левое, так и правое русло. Опять не дают покоя слова Д. Н. Анучина: «Народ признает за начало Двины не озеро Двинец, а полагает его в шести верстах выше, в болотах, тянущихся по направлению к д. Гришино (к озеру Пено)». Мы навели справки в Пено — такая деревня действительно существует, но до нее по прямой не менее 11 километров. Именно в ту сторону и ведет левый (восточный) ручей.

Мы идем по его руслу, но через несколько десятков метров оно вдруг прерывается, потом снова появляется в болотной траве и снова исчезает. Оглядываемся вокруг — русла уже нет, но отдельные бочажки воды, как рассыпанные серебряные блюдца, все ближе и ближе ведут к той

заветной поляне, до которой я не мог добраться прошлым летом. Примерно полкилометра мы прошли вверх по этому ручью, но течения воды уже не видно: вокруг мрачный заболоченный еловый лес, заросший болотной травой и заваленный стволами гниющих деревьев.

Идти дальше не имело смысла, и мы повернули обратно.

Знакомой дорогой по маркированному пути возвращаемся к месту слияния двух ручьев. Решаем: если и правый (западный) ручей растворится в болоте, устанавливаем свой знак на развилке. Я задерживаюсь, чтобы забить в сырой, заросший болотной травой берег колышек. Борис уходит вперед, на разведку западного притока. И вот тут из глубины болота раздается его взволнованный голос: «Сюда, сюда!»

Когда я подошел ближе, он стоял под елью и смотрел на прикрепленную к стволу деревянную табличку с вырезанными латышскими словами: «Selt sākās Daugava» — «Здесь начинается Даугава». В руках он держал записку, извлеченную из металлической кассеты. Мы развернули клочок бумаги, пролежавший в пластмассовой коробке под деревом почти десять лет. Красными чернилами на нем было написано: «17 октября 1977 г., 16 ч. 50 мин. Группа туристов Новополоцкого политехнического института отмечает некоторую условность настоящей таблички, так как Западная Двина — Даугава, в чем мы могли убедиться, исколесив эти моховые болота, рождается многими подобными родниками Земли Русской. Эта символическая доска вместе с тем весьма знаменательна и, мы не возражаем, уместна. Она выражает нашу общую любовь к великой реке, ради которой мы, как и наши предшественники, оказались здесь. И, надеемся, не последний раз». Далее следовали подписи: А. Желамский, М. Лакотко, Г. Лакотко, М. Баневич, И. Искуда, А. Дедков.

Есть такое правило у горных туристов и альпинистов: когда они поднимаются на перевал или на вершину, оставляют в каменном туре свою записку с именами всех участников похода и забирать записку тех, кто побывал здесь раньше. Это как документ, как свидетельство о восхождении, которое ценится дороже любой справки, заверенной гербовой печатью, потому что добыто своим трудом, своими усилиями, своей волей. Такие записки на правах документа прилагаются к официальному отчету о путешествии.

Мы тоже написали записку и вложили ее в кассету: «Отмечая, как и предыдущая группа, всю условность этой таблички, мы вместе с тем считаем, что поиски истоков Западной Двины надо продолжать. Эта табличка свидетельствует о еще одном важном этапе в исследовании Западной Двины, отодвинувшем местоположение истока более чем на километр от памятного столба. От всей души поздравляем латышских

туристов с этим открытием».

Я наклонился, чтобы положить кассету в пластмассовую коробку у основания дерева, и только тут заметил, что ручей вовсе не начинался под этим деревом — вода сочилась под его корнями, под кочками, под болотной травой, и текла она тоже с севера, со стороны Корякинского болота. Мы внимательно обследовали маленький бочажок под деревом: нет, это не был родник, это было углубление под корневищами деревьев, куда скапливались струйки воды, сочащейся из-под кочек и корней. Но самого ручья не было видно — он исчез, пропал, ушел под мох и... растворился в этом сыром, хлюпающем, заросшем лесом болоте. Вспомнились слова восьмидесятилетнего старика, который в разговоре с Д. Н. Анучиным так сказал об этой реке: «А вышла она из болот, да вдарилась под мох... пропорола сопку и вышла ручейком, а еще другую сопку и в Двинец ввалилась».

Может быть, прав был старик, что река исчезла, потому что «вдарилась под мох», ушла под кочки и траву, чтобы затем появиться в другом месте?

Исчезновение русла рек — нередкое явление в этих местах. Сам Д. Н. Анучин описывает такую же исчезающую речку в Бельском уезде — Поникли — недалеко от здешних мест, в Бельском районе Калининской области.

Конечно, исчезновение рек и ручьев может быть вызвано разными причинами: это связано с карстовыми явлениями или, как в случае с речкой Поникли, с размыванием известковых пород, слагающих ее русло. Ни карста, ни известняка на Корякинском болоте мы не заметили: кочки, торф и топкое илистое дно — обычное болото, каких немало в здешних местах. Но слова анучинского старика «вдарилась под мох» не выходили из головы, и мы решили осмотреть местность вокруг дерева с «латышской» табличкой.

Все болото было испещрено множеством маленьких, полувысохших русел, заросших удивительно яркой зеленой травой с крупными похожими на водяные лилии листьями. Сейчас оно очень напоминало лицо старого человека, изборожденное бесчисленными складками-морщинами. Эти русла-морщины мы сразу узнавали по ярко-зеленой траве, которая росла на их дне и где блестела тихо журчащая вода.

И вдруг снова удача.

Метрах в пятидесяти от «латышского» столба ручей выходил наружу. Мы пошли вверх — Борис слева от ручья, я справа. Странное дело, но исчезли кочки, и мы уже не проваливались по колено в болото. Под нами был, как говорят мореплаватели, материковый берег. Я даже подпрыгнул, чтобы проверить его прочность, но под ногами только

Памятный знак нашей экспедиции на истоке Западной Двины. Фото 1986 г.

хрустнули сухие ветки. Берег был крепок. Внизу бежал небольшой ручеек шириной не более полуметра, но вода в нем текла, легонько шевеля листья зеленой травы. А главное, текла уже не по обширному болоту, а в своих довольно четко обозначенных берегах, извиваясь по густому елово-березовому лесу.

Мы снова вернулись назад — ручей также загадочно исчезал, как и появился: он с ходу нырнул под мох и опять пропал, чтобы метров через пятьдесят выйти на поверхность чуть в стороне от «латышского»

столба, но уже шире и полноводнее. Значит, прав был анучинский старик: там подо мхом река «забирала силы», там болото, как губка, отдавало ей свою влагу и, вырываясь на поверхность, подросший ручей словно раздвигал окрепшими плечами набухшую от воды землю и бежал дальше вниз, чтобы с размаха «ввалиться» в Двинец.

Как ни странно, но на этом болоте оказались и «сопки». Первая гряда шла перпендикулярно берегу озера Двинец вдоль русла реки, проходя мимо памятного столба. Здесь восточный берег более высокий, и река течет вниз в сумрачной ложине. Потом ложина расширяется и как бы впадает в обширное болото, где стояло дерево с табличкой латышских туристов. Но затем ручей снова пересекает небольшую возвышенность, которая как бы окаймляет болото. Здесь маленький ручеек снова бежит в своих берегах, поросших елями и березами.

Мы идем вверх по ручью и перепрыгиваем с одного берега на другой. С каждым шагом ручей слабеет, теряет силу, и мы ориентируемся теперь только по светло-зеленым, похожим на лопухи травам, которыми обильно поросло его русло.

Так мы прошли еще метров сто. Лес расступился, впереди посветлело, и русло ручейка ушло в обширное моховое болото, поросшее изумрудно-зеленой травой. Ручеек уперся в него прямо возле двух деревьев, росших на краю, и пропал...

Все. Дальше пути не было. Не было русла, не было ручейка, не было берегов. Впереди расстилалось ровное, как футбольное поле, болото с хилыми соснами и березками. Мы прошли по пружинящим кочкам метров двести — до того места, где из болота вытекал западный приток Двины. Мох колыхался под нашими сапогами, где-то внизу булькала вода. А все болото изумрудно блестело и переливалось капельками росы, обсыпавшей зеленые мохнатые кочки: густой слой еще зеленой клюквы покрывал всю поляну, как будто кто-то опрокинул над лесом гигантское лукошко, и ягоды рассыпались по болоту тысячами изумрудных бусинок.

Все остальное было будничным и обычным делом.

Мы извлекли из рюкзака металлическую пластину, изготовленную московскими туристами, и прибили ее к деревянной перекладине. Эту перекладину мы повесили между деревьями, в нескольких метрах от того места, где ручей вытекает из болота. Наступил торжественный момент. Я смотрю на часы: 13 часов 1 августа 1986 года. Памятный знак установлен. Среди ветвей деревьев блестит табличка из нержавеющей стали с изображением туристской палатки. Под ней надпись: «Исток р. Западная Двина. Памятный знак установлен экспедицией журнала «Турист». 1986 г.».

Стоя в болоте, мы сфотографировались на фоне знака. Потом написали краткую записку, поставили в ней дату и скрепили ее своими подписями. За неимением более подходящей капсулы вложили записку в металлическую упаковку от валидола и подвесили к памятному знаку.

— Все, — грустно сказал Борис. — Вот и закончилась наша экспедиция.

— Нет, — ответил я. — По праву первооткрывателей мы должны еще дать наименования открытым нами местам.

Мы не спорили. Западный ручей, на берегу которого мы сейчас стояли и который, по нашему мнению, и был началом Двины, мы назвали Анучинским в честь Д. Н. Анучина. Восточный же ручей, тот, что подходит к болоту и теряется в поросшей лесом низине, нарекли Корякинским по названию некогда находившейся неподалёку деревни.

Здесь, на болоте, нанесли на карту и другие названия. Тропа, приведшая нас сюда из Корякино, та, где андреапольским краеведом Шимкевичем был некогда установлен памятный столб, получила наименование «Тропа Шимкевича», а параллельная ей тропа, немного выше пересекающая русло Западной Двины, — «Туристская тропа». По ней должен был провести свою первую группу на исток старший инструктор турбазы «Орлинка» Анатолий Дроздов.

Вроде бы все? Мы садимся под дерево и молча смотрим на клюквенное болото.

Какие чувства мы испытывали сейчас, когда все уже позади — и долгий путь к верховьям Двины, и блуждание по болотам, и сомнения, и разочарования, и радость открытия? Пожалуй, удовлетворение. От того, что наконец дошли, что увидели тонкую пульсирующую голубую жилку, которой не было на карте, ручей, который наконец-то кончился, упершись в моховое болото.

Почему-то вспомнились мост через Двину в Андреаполе и тихие слова краеведа Шимкевича, сказанные им там, на берегу реки: «И я бы тоже пошел с вами», сверкающая радуга над Двинскими порогами, перекинувшаяся с одного берега на другой, переправа через быструю и холодную речку Волкоту, случайные встречи на лесных дорогах, степенные беседы с лесниками, лесорубами и рыбаками, моховое болото, где я чуть не угодил в предательское «блюще», лягушачий концерт на Охвате возле маленькой двинской деревеньки Лауга и слова нашей хозяйки Веры Михайловны: «И зачем вам нужен этот исток?»

Трудно, очень трудно ответить на этот вопрос. Это все равно, что спросить: «А зачем вам нужен воздух, вода, земля, жизнь?» Зачем нам

нужны эти реки, леса, луга и поля? Просто без всего этого нельзя жить, как нельзя жить без отчего дома. Оторви эту пуповину, связывающую нас с природой, с родной землей, — и кончится жизнь. Она станет такой же ненужной и бессмысленной, как брошенный на дорогу увядший цветок, сорванный с зеленого благоухающего луга. Человек любознателен, и он всегда будет стремиться познать все, что его окружает, — и горы, и леса, и космос. Когда одного знаменитого альпиниста спросили, почему он штурмует горные вершины, зачем это ему, он ответил просто: «Потому что они есть». И пока есть на земле реки, многие люди будут стремиться к тому, чтобы пройти по их берегам, навстречу течению, отыскать тот маленький и таинственный родничок, с которого начинается река.

Пусть же каждый из нас найдет в жизни хотя бы один родник, побывает на истоке хотя бы одной речки или лесного ручья. И, отыскав это маленькое живое чудо, сотворенное природой, станет перед ним на колени и прикоснется губами к хрустально чистой и студеной, как утренняя роса, воде. Он почувствует, как живительная влага земли вливается в него освежающей струей, придавая ему силу и бодрость и накрепко, неразрывно связывая его с родной землей. Он почувствует себя счастливым.

Кто знает, может быть, ради таких мгновений и стоит жить на свете.

И почему-то грустно стало оттого, что все уже кончилось, и некуда больше идти, и нечего больше искать, и кончилась речка, которую мы успели полюбить за это время и которой, казалось, не было конца.

Мы молча смотрели на памятный знак с изображением палатки, на клюквенное болото и на маленький, беззащитный ручеек, который в нескольких шагах от нас высачивался из болота, и что-то очень важное, дорогое и сокровенное уходило от нас.

Может быть, нам грустно от того, что мы оставляем здесь частицу самих себя, нашей души и наших сердец, нашей любви к этой скромной и неброской красоте?

А может, потому, что кончилась тайна, которая была так интересна и так заманчива, и эти еще несколько дней назад казавшиеся нам такими загадочными и глухими места стали для нас привычными, близкими и как будто давно знакомыми?..

Я оторвал от березы, к которой был прикреплен наш памятный знак, кусочек бересты и бережно, как дорогую реликвию положил в рюкзак. На память о Корякинском болоте, о Двине, на память о ее Истоке.

Этот кусочек бересты до сих пор лежит на моем письменном столе, напоминая о нашем походе, экспедиции, поисках и находках.

Исток Двины найден. Свидетельство гидролога Штукенберга

Что такое исток? Маленькая, еле заметная точка на географической карте. Ее не то, что в лесу, на карте и то отыскать не просто. Но иногда эта точка может стоять и целого кружка, обозначающего крупный населенный пункт или город.

Потому что исток большой реки не только географическое понятие. Это место поклонения, место паломничества любителей природы, знак сыновьей любви и уважения к нашим национальным реликвиям. Исток — это частица нашей Родины, нашей земли, а значит, и частица каждого из нас.

Не один десяток лет ученые искали ответ на вопрос: где начинается Западная Двина? Поиск был долог и не всегда успешен. Многие поколения исследователей и картографов добывали сведения с большим трудом, буквально по крупицам. И хотя уже в XII веке в древнерусской летописи «Повесть временных лет» был сделан вывод, что Западная Двина, как Волга и Днепр, начинаются из Оковского леса, в европейской картографии вплоть до XVI века господствовала точка зрения греческого географа Птолемея, считавшего, что все великие реки центральной части восточной Европы начинаются с так называемых Алаунских гор. На карте автора знаменитой «Географии», жившего в первой половине II века нашей эры, они изображались в виде горной гряды, пересекавшей Восточную Европу с запада на восток. В 1482 году в Ульме был издан атлас Птолемея с картой «Современной Сарматии или Венгрии, Польши, России, Пруссии и Валахии», составленной Николаем Германцем. На ней отчетливо видно, как с южных склонов Алаунских гор стекает в Черное море Днепр, с них же на запад струится в Балтийское море Западная Двина. Из городов на карте указаны Москва, Киев, Полоцк и Смоленск, который почему-то расположен на Западной Двине.

Но идет время, и средневековые картографы настойчиво ищут сведения о таинственной Московии, лежащей на границе Европы и Азии. В 1525 году в качестве приложения к «Книге о Московийском посольстве» Павла Иовия появилась карта Московии, составленная Баттистой Аньезе. Это была первая дошедшая до нас карта России. В основе ее лежал чертеж, привезенный в Италию русским послом Дмитрием Герасимовым. По сравнению с Птолемеем Аньезе сделал шаг вперед. На его карте Западная Двина, Днепр и Волга берут начало не с мифических Алаунских гор, а из одного большого озера или болота. В запи-

сях Иовия, составленных по рассказам Герасимова, есть интересное упоминание об истоках Волги: «Волга, в древности называвшаяся Ра, берет начало из великих и обширных болот, именуемых Белыми озерами. Они находятся выше Москвы в направлении ветров Аквилона и Кора и выпускают почти все реки, которые разливаются по различным направлениям».

На карте Аньезе мы видим обширное болото («Palus Magna») и Белоозеро («Belozrio»). Первое расположено на северо-западе от Москвы («в направлении Кора»), второе на северо-востоке («в направлении Аквилона»), причем и то, и другое находятся в большом отдалении друг от друга. Западная Двина и Днепр вытекают из обширного болота, а Волга имеет два истока — из болота и Белоозера.

В 1537 году литовец Антоний Вид издает в Данциге еще одну карту Московии. Она также составлена по русским источникам и отличается большей насыщенностью. Сам Вид сообщает нам следующие сведения о происхождении карты: «Все расположение этой области, которая подчинена власти Великого князя Московского, некогда Сарматии Европейской и Азиатской известная под именем Скифии, древним по имени было знакомо. Мы же обозначим места, число, расположение и расстояние всех государств, крепостей, морей, озер и источников с возможной точностью. И сверх того, изгибы рек, течения и также источники, которые выходят в большей части из озерной и болотистой равнины. В каковых делах немало нам помог делом благородный господин И. Ляцкий, один из бывших начальников Московии, который теперь после смерти Великого князя Василия из-за немалого раздора между некоторыми магнатами и оставшимся в юном возрасте сыном Василия бежал к непобедимейшему королю Польскому Сигизмунду, где, конечно, был принят очень гуманно и великолепно из-за своей мудрости и из-за выдающейся ловкости».

Иван Ляцкий был русским окольничим, крупным военачальником и известным дипломатом, наместником великого князя московского в Пскове. В 1524 году вместе с престарелым князем С. Ф. Курбским возглавлял передовой полк в походе на Казань, в 1527 году был послан Василием III к королю Сигизмунду во главе посольства. Однако в 1534 году он вместе с князем С. Ф. Бельским бежит в Вильнюс. С собой он увозит чертеж Московии, который и использовал Антоний Вид для составления своей карты.

На карте А. Вида в центре Московии также изображено большое озеро, из которого вытекают Западная Двина, Днепр и Волга.

Более обстоятельные сведения об истоках русских рек мы находим в «Записках о Московитских делах» известного путешественника и

географа средневековья Сигизмунда Герберштейна. Они вышли в 1546 году вместе с приложенной к ним картой. Герберштейн хорошо знал Московию. Он был послом римского императора Максимилиана при дворе русского великого князя Василия III. Но его интересуют в Московии не только посольские дела. Он изучает русские летописи и другие письменные источники, беседует с русскими купцами и торговыми людьми и приходит к выводу, что «Ра (Волга) и Борисфен (Днепр) берут начало не из одних источников, как думали некоторые».

Впервые в картографии Герберштейн указывает, что Западная Двина вытекает из озера Двина, находящегося в десяти милях от Фронова болота. Севернее болота на карте нарисован лес, который Герберштейн в своих записках называет Волконским. Из этого же леса из озера Волга вытекает река Волга. А река Днепр начинается в окрестностях деревни Днеперско в том же Волконском лесу. Интересно и еще одно замечание Герберштейна: озеро Двина, из которого вытекает река Западная Двина, «имеет почти одинаковую длину и ширину, в 60 верст». Непонятно только, какое озеро имел в виду путешественник: судя по одинаковой длине и ширине это нынешнее озеро Двинец, а по расстоянию в 60 верст — скорее всего вытянутое с севера на юг озеро Охват.

Лучшей иностранной картой Московии в XVI веке считалась знаменитая карта Антония Дженкинсона, опубликованная в 1562 году. Как и С. Герберштейн, он неоднократно бывал в Московии. Четыре раза пересекал всю Россию от Белого моря до Астрахани. Родоначальник лордов Ливерпуль, крупный деятель английской «Московской компании», он был благосклонно принят в Москве Иваном Грозным, который высоко ценил любознательного англичанина. Царь дает ему ряд коммерческих и дипломатических поручений, ведет через него переписку с английской королевой Елизаветой. «Я вижу твою верную службу, — говорил Грозный Дженкинсону, — благодарю тебя и награжу тебя за нее». Англичанин трудился не напрасно: он добивается от царя для английских купцов «новых привилегий, более широких, чем прежде», получает возможность собирать материалы для составления карты Московии.

Карта Дженкинсона значительно подробнее карты Герберштейна. В ней больше населенных пунктов и городов — сказались помощь, поддержка и покровительство со стороны русского царя. Так, впервые вместо птолемеевских Рифейских гор на ней появляется близ Оби Уральский хребет. Но в изображении истоков Западной Двины Дженкинсон следует скорее традициям Вида, чем Герберштейна. Как и на карте Вида, на юго-западе от озера Ильмень обозначено большое озеро — *Volock Lacus* (Волоцкое), из которого традиционно берут начало

и Волга, и Днепр, и Западная Двина.

Все предыдущие карты Московии были составлены иностранцами, хотя и на основе русских сведений. Первой русской картой был рукописный чертеж, составленный в начале XVII века для царевича Федора Борисовича Годунова. В 1613 году известный голландский географ Гессель Герритс издал в Амстердаме карту России, сделанную по чертежу царевича Федора.

Помните у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове»? Царевич Федор чертит географическую карту и на вопрос Бориса «А ты, мой сын, чем занят? Это что?» отвечает:

*Чертеж земли московской: наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.*

Чертеж земли Московской как раз и есть карта, специально изготовленная разрядным приказом для царевича Федора.

Царевич показывает Борису Годунову, как причудливым узором «виется» на карте Волга. Если проследить за ее началом, то мы увидим, что единого для всех рек озера, откуда по традиции вытекали все крупные русские реки, на чертеже нет. Как и на карте Герберштейна, Волга начинается из небольшого озера. Вблизи него, недалеко от Торопца, тоже из озера вытекает Западная Двина. Но составители чертежа еще не знают о существовании озер Селигер и Охват.

Картографическая съемка территории русского государства начнется почти сто лет спустя, уже во времена Петра I. Именно тогда предпринимается систематическое изучение страны, во все уголки государства отправляются научные экспедиции, уточняются истоки крупнейших рек России, составляются первые научные карты. В 1705 году в Москве под руководством замечательного гравера и картографа В. О. Киприанова учреждается гражданская типография для печатания «книг, карт и всяких местов». В 1746-м, уже после смерти Петра I, Российской академией наук был издан первый «Атлас Российской империи».

Но и в петровское время ученые еще не знали, где находится исток Западной Двины, хотя экспедиция Максима Цызырева в 1701 году и обогатила науку более точными сведениями. Вспомним, стольник Цызырев уже знал, что Двина вытекает из Заковицкого леса и впадает в озеро Охват. Но он ничего не знает об озере Двинец. Исток реки находился в глухих, труднодоступных и безлюдных вплоть до начала XIX

века местах, в болоте, до которого не так-то легко было добраться. Самыми старинными населенными пунктами в этих местах были, по видимому, деревни Волок и Извоз (Лауга), деревни же Корякино и Двинец, судя по всему, возникли позже. Во всяком случае инженер Волков, проводивший в этих местах в 1824 году свои изыскания, уже знает о деревнях Извоз и Волок, озерах Двинец, Охват, Соблаго, Орлино, но ничего не говорит о деревне Корякино. Первые упоминания об этом населенном пункте и Корякинском болоте относятся только к середине XIX столетия.

В XIX веке продолжалось дальнейшее изучение верховьев Западной Двины. Шаг за шагом исследователи приближались к разгадке тайны истока реки. В печати появляются все новые сведения о ее верховьях. Правда, сведения эти весьма противоречивые, зачастую полученные из вторых рук, от местных попов и дьячков или просто по слухам: «как говорят», «как полагают», так как большинство географов не бывали сами в этих местах.

Даже в исследованиях Д. Н. Анучина, который летом 1890 года совершил путешествие к истоку Западной Двины, содержится ряд неточностей, которые нам приходилось исправлять во время работы нашей экспедиции. Да и был ли Д. Н. Анучин первым из ученых, побывавших на озере Двинец? Сомнение, которое у нас возникло на этот счет, не было беспочвенным.

Уже после того, как мы познакомились с трудами экспедиции Д. Н. Анучина и сами совершили путешествие на исток, нам попался в руки дореволюционный Географический словарь, изданный в Санкт-Петербурге в 1863 году. Во втором томе этого словаря мы натолкнулись на любопытные сведения, которые сообщает об истоке Двины географ И. Ф. Штукенберг. Вот они: «Точнее говоря началом ея (Двины) служит, собственно маленький, не более 1 в. в длину, ручеек при дер. Корякино, высачивающийся в густом лесу из мохового болота, которое, вероятно, некогда было озером»¹.

Удивительно точное определение местоположения истока почти за полвека до экспедиции Анучина. Выходит, именно И. Ф. Штукенберг ближе всех подошел к истине, признав за начало Двины маленький, не более 1 версты в длину, ручеек при деревне Корякино.

Но кто же такой, этот самый Штукенберг? Географ, историк, краевед, общественный деятель? И почему он вдруг заинтересовался неведомым тогда никому маленьким ручейком при деревне Корякино? В современных энциклопедиях я не нашел упоминания об этом человеке.

¹ По нашим новым подсчётам длина Верхнедвинского ручья составляет около ~600 м (А. П. 2012)

Не значилась его фамилия и в других справочных изданиях. Но в середине XIX века о нем знали, знали как об ученом-географе, иначе его имя не упоминалось бы в таком авторитетном издании, как русский Географический словарь. Потом его фамилия встретилась в связи с экспедицией инженера Волкова в 1824 году на верховья Западной Двины. Это Штукенберг поддержал идею Волкова о соединении каналом верховьев Волги и Западной Двины. Немало ссылок на Штукенберга и в других географических изданиях второй половины XIX века. Но потом его имя напрочь исчезло из научных трудов, и теперь мало кто знает об этом интересном и самобытном русском ученом с типичной немецкой фамилией. В середине прошлого века это был признанный ученый авторитет в области географии, один из основоположников русской гидрографии — науки о реках, озерах, водохранилищах, автор фундаментального труда «Гидрография России», большой знаток «водных» сообщений русского государства, искренний патриот нашего отечества. Вот кого мы «забыли» включить в наши энциклопедии, предали забвению имя крупного ученого, внесшего большой вклад в формирование научного представления о нашей стране, изучение ее природных условий. Правда, были здесь и некоторые причины: Штукенберг, немец по происхождению, все свои научные сочинения писал только на немецком языке, издавая их, как правило, в Берлине.

Он был родом из великого герцогства Ольденбургского. Родился в 1788 году в местечке Бланкенбурге, где его отец управлял богоугодными заведениями. Война 1807 года, потрясая тогда Европу, заставила его оставить Германию, и он, как и многие другие немцы, отправился на поиски счастья в Россию.

Со времен Петра I многие немцы переходили на русскую службу. Цели у них были разные — большинство хотели укрепить свое материальное положение (на русской службе хорошо платили), были среди них карьеристы и авантюристы, но были и люди честные, искренние, для которых Россия вскоре стала второй родиной. Были Бирон и Бенкендорф, но были и люди, принесшие славу российскому отечеству и русской науке,— Миллер, Паллас, Гмелин...¹ Да и наш соотечественник Михайло Ломоносов, которого мы по традиции считаем непримиримым борцом с «засильем немцев» в русской науке, боролся не

¹ Миллер Герард Фридрих (1705—1783) — по национальности немец, русский историк, автор книги «История Сибири», член Петербургской академии наук; Паллас Петр Симон (1741—1811) — по национальности немец, русский естествоиспытатель и путешественник, автор книги «Путешествие по различным провинциям Российского государства», академик Петербургской академии наук; Гмелин Иоганн Георг (1709—1755) — по национальности немец, русский натуралист и путешественник, автор книги «Флоры Сибири», академик Петербургской академии наук

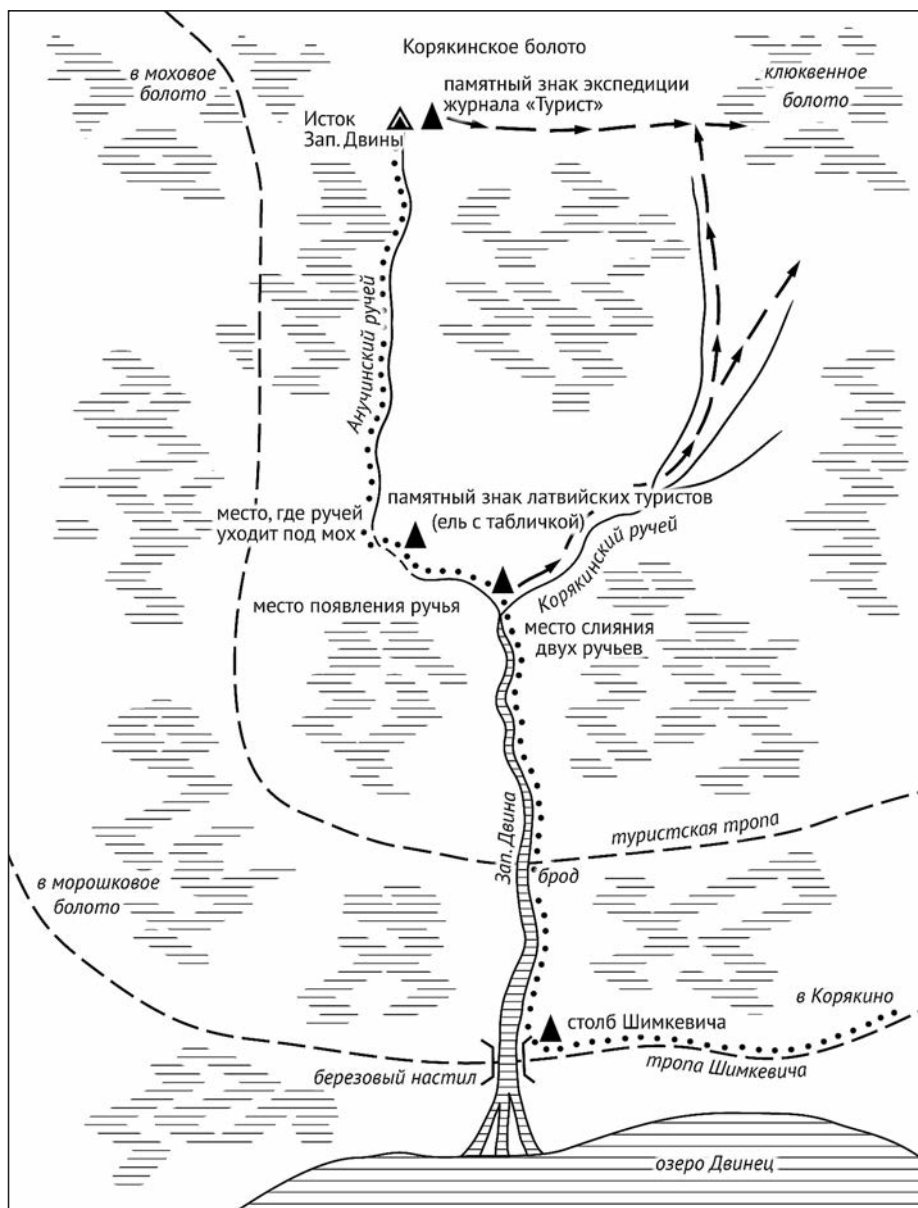
с немцами вообще — он терпеть не мог бездарного карьериста Шумахера, но любил и уважал Рихмана — русского академика, положившего начало исследованиям электричества в России, с которым состоял в большой дружбе. Так вот Штукенберг как раз и принадлежал к тем немцам, которые, обретя в России вторую родину, многое сделали для ее процветания.

Обычная судьба всех немецких переселенцев — служба в русской армии. Не избежал этой участи и Иоганн Христиан Штукенберг (в России его называли Иван Федорович). Прибыв в Петербург, он определился на службу в морскую артиллерию унтер-офицером. Но это был необычный унтер. Среди своих собратьев-немцев он выделялся большой образованностью и культурой. И неудивительно. Вновь испеченный русский офицер получил у себя в Германии основательное домашнее образование, окончил известную в то время школу близ Магдебурга, был обладателем дипломов сразу трех знаменитых немецких университетов — Эрлангенского, Геттингенского и Иенского.

Это способствовало быстрому продвижению Штукенберга по службе. В 1809 году он был уже поручиком, а в 1811-м — перешел на службу в корпус инженеров путей сообщения. С этого времени местом его работы сделались города Тверь, Вышний Волочек и их уезды. Он много ездит по губернии, изучает дорожное хозяйство, водные пути сообщения, знакомится с каналами, прорытыми еще в петровские времена.

В судьбе Штукенберга было немало драматических поворотов, крутых перемен. В его жизнь, жизнь немца на русской службе, не раз властно вторгалась история. Одним из таких поворотных событий была Отечественная война 1812 года. Он оставляет службу и идет защищать свое новое отечество. Участвует в крупнейших сражениях, воюет под Смоленском, сражается с французами на Бородинском поле, вместе с войсками совершает заграничный поход, бьется с врагом под Люценом и Бауценом. В боях он участвовал не как артиллерист или пехотинец, а как топограф и сапер. Он занимался съемкой местности, наводил мосты и переправы, помогая передвижению наших войск, уничтожал переправы противника. В Дрездене он вместе со своим отрядом уничтожил наплавной мост неприятеля, на Эльбе отличился при наведении переправы через реку. Награжден русскими боевыми орденами.

После победоносного окончания войны он снова возвращается в корпус инженеров путей сообщения и живет в Вышнем Волочке. Трудно перечислить все должности, которые тогда исполнял Иван Федорович. Он был директором Боровицких порогов (была в то время такая должность), директором московского тракта между Новгородом и

Эту схему расположения истока Зап. Двины мы составили по памяти, когда вернулись из экспедиции. Точками обозначен основной маршрут, стрелками — радиальные выходы, пунктиром — тропы. Более точные карты района истока см. в послесловии к этой книге (А. П. 2012)

Тверью, работал в военных поселениях графа Аракчеева. Во время одной из встреч с графом он повздорил со всесильным вельможей, и в 1824 году был уволен от службы. Этим своим решением Аракчеев хотел наказать строптивного подчиненного, но на самом деле он помог вчерашнему чиновнику стать крупным русским ученым. Штукенберг не падает духом и, проведя около четырех лет в отставке в Вышнем Волочке, всецело отдается занятиям географией и статистикой, к которым всегда питал большое влечение.

Он составил несколько карт по «водяным сообщениям», начал собирать материалы по гидрографии России. В 1828 году он, уже отец семейства, навсегда покидает Вышний Волочек и переезжает в Петербург, где получает место архивариуса депо карт главного управления путей сообщения и публичных зданий.

Это была большая удача: у него появилась возможность наконец-то вплотную заняться своими научными изысканиями. В его распоряжении теперь было около ста тысяч карт и планов, весь архив главного управления, который он с немецкой пунктуальностью начинает обстоятельно изучать. В это время у него и возникает мысль — приступить к составлению главного труда его жизни «Гидрографии России». Он много пишет, его статьи регулярно печатаются в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара. Он как знаток военной топографии переводит на немецкий язык и издает в Берлине «Опыт военной географии, составленный подполковником, ныне генерал-майором Языковым».

Но тут новый поворот судьбы. При преобразовании состава главного управления путей сообщения в 1842 году (в то время тоже происходили реорганизации и сокращения штатов) Штукенберг «остался за штатом». И снова он без работы, без средств к существованию. И снова не падает духом, словно чувствуя, что его «звездный час» впереди, что будут удачи и в его жизни. И он дожидается такой удачи: ему предлагают место библиотекаря в музее графа Румянцева — известного мецената и покровителя искусств и науки. Здесь Штукенберг прослужил с 1851 года до конца своей жизни и считал их самыми счастливыми. Вполне обеспеченный материально, пристроив своих детей, здесь он мог всецело отдаться составлению своего главного труда — полной гидрографии Российского государства.

Над ним он начал работать в Вышнем Волочке. Еще тогда он задумал составить описание всех каналов России. Это был выдающийся по тем временам труд, в котором не только излагалась история сооружения русских каналов, в том числе знаменитой Мариинской системы, но и давалась их гидрографическая и экономическая характеристика. В 1840 году за эту работу ему была присвоена половинная Демидов-

ская премия. В 1842 году выходит еще один научный труд Штукенберга— описание рек Российской империи, за который он получает вторую половинную Демидовскую премию.

В 1844 году появляются первый и второй тома его знаменитой многотомной «Гидрографии России», работе над которой он отдал двадцать лет своей жизни, в 1847-м выходит третий, затем четвертый и пятый тома. В последний, шестой, том входят прибавления и алфавитные указатели к первым пяти частям.

Он был неутомим и очень трудолюбив, этот немец, ставший крупным русским ученым. В 1849—1852 годах он издал в четырех книгах указатели для изучения России в отношении географии, топографии, этнографии и статистики, подготовив тем самым последующие работы Д. Н. Анучина.

Трудолюбие Штукенберга было поразительным. После своей смерти он оставил огромный архив, многочисленные рукописи, вырезки из газет и журналов, другие материалы. Ему не удалось закончить еще один грандиозный труд — «Россия в отношении к обилию почвы и ее разработке, к земледелию, промышленности и торговле». Это обширное статистическое описание всех губерний Российской империи. Такая огромная работа была, наверное, под силу большому коллективу ученых, а Иван Федорович делал все один. Работая неутомимо, иногда по ночам, он только в один год составил описание 38 губерний. Ученый тщательно просматривал все журналы, газеты, губернские ведомости, откуда он черпал обильный статистический материал, не пропуская ни одной сколько-нибудь значительной статьи. Этот научный труд, который после смерти отца завершил его сын, до сих пор является драгоценным источником для ученых, занимающихся изучением России того времени.

Иван Федорович Штукенберг умер в 1856 году, на 69-м году своей жизни. Умер крупным ученым, внесшим неоценимый вклад в изучение географии России. Он был избран членом-корреспондентом ученого комитета министерства государственных имуществ, членом-сотрудником Русского географического общества.

Неясно только одно: каким образом в труды Штукенберга попало упоминание о том, что началом Западной Двины является маленький ручеек, не более 1 версты в длину, при деревне Корякино? По-видимому, ученый, который собирал самые разнообразные материалы о российских реках, использовал какой-то неизвестный нам источник, которым он располагал. Возможно, это была заметка в тверской печати или губернских ведомостях или информация, полученная им от местного населения. Не исключено, что и сам Штукенберг в силу

своих служебных обязанностей во время работы в Вышнем Волочке и Твери побывал в верховьях Западной Двины и получил эти сведения, как говорится, из первых рук. Тогда его можно считать первым ученым, побывавшим в верховьях Западной Двины, почти за полстолетия до того, как их посетила экспедиция профессора Д. Н. Анучина.

Ясно одно, Штукенберг еще задолго до Анучина располагал точными сведениями о начале Западной Двины. И это означает, что еще в первой половине XIX века местные жители считали, что Двина вытекает из Корякинского болота, «которое, вероятно, некогда было озером». И им, жителям деревни Корякино (а она уже стояла к тому времени на берегу озера Двинец) это было доподлинно известно.

Ну, а причину того, что эти сведения Штукенберга, как и труды, не получили широкой известности у русской читающей публики и были забыты, мы уже объяснили.

И. Ф. Штукенберг — крупный русский ученый, нашедший в России вторую родину, которую он полюбил и которой честно и преданно служил всю свою долгую жизнь, достоин того, чтобы о нем знали у нас в стране. Как достойны перевода и его фундаментальные труды по гидрографии и статистике России.

И все же не Антонию Виду, Сигизмунду Герберштейну и не Антонию Дженкинсону принадлежит честь открытия истока Западной Двины и не их русским информаторам — Ивану Ляцкому и Дмитрию Герасимову. И даже не русским ученым — Д. Н. Анучину и И. Ф. Штукенбергу. Все они только собирали и фиксировали те сведения, которые веками складывались и формировались у жителей этого обширного края. Народ — вот истинный первооткрыватель и исследователь верховьев Западной Двины. Это он дал название реке, это он, осваивая земли вверх по течению, первым добрался до заветного ручейка, вытекающего из болота. Он первым решил, что не озеру Охват и не озеру Двинец принадлежит честь дать начало великой реке, а никому неведомому Корякинскому болоту.

И летописи, и старинные карты, и труды ученых только отражали этапы той гигантской исследовательской работы, которую тихо и незаметно делали многие поколения людей. Народ и был тем великим географом, который совершил это замечательное открытие. Он и есть подлинный открыватель истока.

Но вернемся к Корякинскому болоту. Нам представляется следующая схема расположения истока Двины и составляющих его ручьев (см. схему). От места впадения Двины в озеро Двинец до памятного столба на тропе Шимкевича метров 70. Здесь речка течет в крепких берегах по сырой, болотистой ложине. Еще метров 400, и доходим до

слияния двух ручьев. Налево (по ходу нашего движения) течет ручей Анучинский (Западный), направо — Корякинский (Восточный). Но последний скоро прерывается и исчезает в болоте. Метрах в 100 от развилки вверх по Анучинскому ручью — ель с памятной табличкой латышских туристов, стоящая чуть поодаль от основного русла ручья. Видимо, в большую воду и здесь течет ручеек, но на Корякинском болоте мы были в сухое лето, когда обнажились все русла и вода ушла в более низкие горизонты.

Эти русла хорошо просматривались на болоте и были заметны по ярко-зеленой траве, которая росла на их дне. От памятной дощечки с надписью «Daugava» ручей уходит под мох и течет так метров 40—50. Наверное, в большую воду ток воды заметен, но сейчас она была где-то по мхом и кочками, не вырываясь на поверхность. Затем русло снова появлялось из-под травы и бежало метров 500 по болотистой ложине в крепких речных берегах. Ширина Анучинского ручья здесь была не более полуметра. Он вплотную подходит Корякинскому болоту, высачиваясь из него. Здесь, по нашему мнению, и находится исток Западной Двины.

Корякинское болото исторгает из своих глубин десятки малых и больших ручейков, и как бы мы ни рядили, именно оно и есть та таинственная купель, где происходит рождение одной из значительных рек России.¹

Весь вопрос заключается в том, почему именно Анучинский ручей, вытекающий из болота, следует принимать за начало Двины? Вопрос этот не прост, как не простым в свое время было и определение истока Волги. В прошлом веке разгорелся настоящий спор, что же считать началом великой русской реки. На эту роль претендовали многие притоки Волги — Руна, Кудь, Ореховна и расположенная совсем рядом с верховьями Двины Жукопа. Географ Рагозин изломал немало копий в спорах, отстаивая свою точку зрения: началом Волги надо считать не «верхневолжский ручей», называемый Волгой, а реку Руну. Она по всем статьям превосходила «ручей» — ее длина была 43—50 верст, ширина — 15 сажень, а бассейн Руны (без озера Стерж) составлял около 500 квадратных верст, то есть в 15 раз больше, чем у «верхневолжского ручья». Но победила точка зрения не Рагозина, а известного нам профессора Д. Н. Анучина, экспедиция которого вынесла такой приговор: «Народ с давних лет полагал, что начало Волги — в Волговерховье, что искать начало надо в ключах, родниках... и, распространяясь затем по ее течению, естественно, должен был все впадающие в нее (то есть

¹ См. в послесловии новую уточненную карту района истока Зап. Двины (А. П. 2012)

КАРТА
 (ЧА
 составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежамъ

На «Чертеже земли Московской», составленном для царевича Фёдора Годунова и изданном в
 Вблизи него из другого

РОССИИ,

у царевна Сеодора Торисовна Тодунова.

Амстердаме в 1613 г., Западная Двина вытекает из небольшого озера неподалёку от г. Торонец. озеро вытекает Волга

Волгу. — А. П.) реки считать уже ее притоками».

И в нашем случае мы тоже имеем дело с народной традицией — жители деревень и Корякино, и Двинец, и Лауга издавна считали, что Двина начинается с ручейка, вытекающего из болота и впадающего в озеро Двинец. Неясно было только, где в болоте находится сам исток и какой ручей — Корякинский или Анучинский принять за основное русло Двины.

Конечная цель нашей экспедиции и состояла в том, чтобы определить это место, дать великой реке ее начало, заполнить недостающую строчку в ее метрике о рождении.

Мы считаем, что Анучинский ручей с большим правом можно считать основным руслом реки, чем ручей Корякинский.

Во-первых, его русло является как бы продолжением общего потока воды и после слияния ручьев. Во-вторых, он длиннее Корякинского ручья, который в верховьях метров через сто после развилки разбился на два рукава и исчезал у кромки болота. Анучинский ручей по нашим приблизительным подсчетам по длине составлял примерно метров 200, и его бассейн был значительно больше. Немаловажным обстоятельством было и то, что его русло обозначено вполне четко очерченными берегами. Исключая сорокаметровый участок, где ручей уходил под мох, в остальном это была, хотя и небольшая, но вполне сформировавшаяся речка, текущая по краю болота между двумя невысокими грядами, поросшими еловым и смешанным лесом. Это было не случайное русло, высыхающее в жаркую погоду и переполненное водой в дождливую, — это было материковое русло, берега которого не исчезали даже в самое большое половодье.

Но было и еще не менее важное обстоятельство, окончательно повлиявшее на наше решение. Это подходы к истоку, возможность его осмотра. Ведь исток нужен не сам по себе, мы искали его не только ради установления истины и не только для удовлетворения нашей любознательности. Эта крошечная точка на карте Верхнедвинья, будь она точно определена, становилась крупной достопримечательностью, туристским объектом, отнюдь не только районного масштаба, значение которого трудно переоценить для будущего всего этого района.

Туристам нужен объект, нужно место, которое можно осмотреть, которое можно пощупать, к которому можно совершить поход или экскурсию. Такой притягательной точкой на карте для многих и является исток великой реки. Уже сейчас сюда приезжает немало любителей путешествий из Полоцка, Витебска, Риги, других областей и городов нашей страны. Приезжают, чтобы посмотреть на то место, где начинается Двина, положить цветы к памятному столбу на ее берегу.

Через год-два на исток будут ходить сотни и тысячи туристов. И нам совсем не безразлично, каким они его увидят, по какой тропинке доберутся до заветного ручейка.

Турист, который предпримет путешествие на исток Двины, должен в награду за свое путешествие получить ни с чем не сравнимое удовольствие, если хотите, эстетическое наслаждение.

Нельзя не оправдать эти его надежды, нельзя допустить, чтобы люди уходили отсюда разочарованными: «И что здесь интересного: грязь да болота».

Могу засвидетельствовать: на исток от деревни Корякино ведет прекрасная живописная тропа. И совсем не по болоту, по которому мы плутали целый день, а по глухому и девственному еловому лесу, усыпанному иголками и еловыми шишками. Эта тропа — тоже небольшое открытие нашей экспедиции. Мы натолкнулись на нее совершенно случайно, возвращаясь с истока.

Она проходит совсем недалеко от установленного нами памятного знака, пересекая край клюквенного болота. Проложили ее, наверное, еще жители деревни Корякино. По ней они ходили на болото собирать клюкву и морошку.

Тропа идет от деревни, пересекает неширокую здесь Двину, обходя болото вьется по берегу Анучинского ручья в густом и тенистом лесу, поросшем разлапистым папоротником. Вот он, во всей красе знаменитый Оковский лес с огромными тенистыми елями, увитыми плющом, как лианами.

И вдруг просвет — огромная ослепительная поляна в окружении сосен и берез. Ласковая, тихая и загадочная. Здесь хочется побыть одному, посидеть, подумать, посмотреть на то место, где начинается Западная Двина¹.

Нет, верховья Двины совсем не похожи на исток Волги. Там величие, размах, огромное поле с церковью на пригорке, десятком деревенских домов и маленькой избушкой под косогором. Здесь же тишина, глухомань, таинственность, девственный лес и эта сказочная поляна, которой можно любоваться без конца. Нетронутость, первозданность и какая-то удивительная домашность. Может быть, поэтому чувствуешь себя тут не созерцателем и наблюдателем природы, а ее составной частью, ее обитателем. Частицей древнего мира, каким он был и сто и двести и тысячу лет назад.

¹ По возвращении из экспедиции я, как её научный руководитель и член тогда ещё Советского географического общества, сделал сообщение о её результатах в московском отделении общества, которое вызвало большой интерес (А. П. 2012)

Уникальный памятник природы. *«Это такой же уникум, как картины Рафаэля»*

Корякинское болото, из которого вытекает Западная Двина — это удивительный, уникальный уголок нашей среднерусской природы, его надо беречь как зеницу ока. Уже сейчас необходимо взять под защиту государства этот замечательный природный памятник.

Термин «памятник природы» был впервые введен в научный обиход более 160 лет назад выдающимся немецким естествоиспытателем и путешественником Александром Гумбольдтом. Он назвал так старое диковинное дерево, встреченное им в странствиях по Венесуэле. Потом памятниками природы стали именовать уникальные деревья, водопады, озера и родники, пещеры, скалы, валуны, интересные геологические обнажения, редкие сообщества и виды растений, ценные рощи, красивые парки, типичные ландшафты.

В России активным пропагандистом охраны памятников природы был выдающийся ботаник, первый президент Русского ботанического общества академик И. П. Бородин. Известен он также и тем, что в 1897 году основал на озере Бологом (Калининская область) первую в России биологическую пресноводную станцию, с 1908 года перенесенную на озеро Селигер близ Осташкова.

Бородин уже в то время хорошо понимал, что природа — это наше национальное богатство, которое надо беречь и сохранять для потомков. Не откажу себе в удовольствии процитировать замечательные слова ученого, произнесенные им в 1914 году и принадлежащие к тем немногим изречениям, значение которых не только не утрачивается, но и неизмеримо возрастает с течением времени: «Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины; пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши отдаленные предки... Раскинувшись на огромном пространстве в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уникалы, как картины, например, Рафаэля, — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности».

Исток Двины — одно из таких сокровищ, уникалов нашей среднерусской природы, который надо сохранить для потомков. И делать это надо сейчас, пока есть что сохранять, пока это народное сокровище находится в первозданном состоянии.

Пишу об этом потому, что не почувствовал большого беспокойства о природных богатствах этого района со стороны местных руководителей. Важные и нужные заботы о плане, о мясе, молоке, мелиорации пока заслоняют заботы об охране природы, животного и растительного мира. И уж конечно, исток Двины пока не числится ни в каких перечнях и реестрах как памятник природы не то что республиканского или областного, но и местного, районного масштаба.

Сколько бед нам уже принесла такая близорукая, бездумная позиция. И сколько еще принесет. Словно для того, чтобы взять под охрану тот или иной памятник, его надо сначала разрушить. А если он еще не разрушен, то зачем же его охранять?

Хозяйственная жизнь властно вторгается в эти края, но не всегда человек разумно и осторожно обращается с природой, не всегда бережно относится к чистоте рек, озер. Из года в год мелеют и высыхают заповедные речки, питающие верховья Двины. Отдельные недалёковидные руководители дают распоряжения о распашке пойм речушек в погоне за сиюминутной выгодой, вырубают лес и кустарник по берегам. Нередки случаи загрязнения водоемов химическими удобрениями, ядохимикатами и отходами животноводства.

Охватский егерь И. П. Максимович с болью в голосе рассказывал, как гибнет рыба в реках, зверье в лесных угодьях от распыления ядохимикатов, как исчезают глухариные тока, как неразумно еще подчас проводится мелиорация.

Такого же мнения и заместитель председателя Пеновского районного совета общества охраны природы Василий Власович Новиков.

— Особенно осторожно надо осушать верховья рек и болот, — говорит он, — ведь они питают и Двину, и все остальные реки и озера нашего района. Вот в семидесятых-восьмидесятых годах начали осушать верховья Куди, Руны, Ореховны, Жукопы — 1 500 гектаров осушили. И что же? Мелеть начали реки, высыхать болота, исчезли клюква и морошка. А ведь какие были болота, одно слово — золото.

Многие с беспокойством говорили нам о неразумном, непродуманном вторжении в природу, о том, что мелиорация зачастую не улучшает, а портит землю. Губят болота, спрямляют русла рек, уничтожают заливные луга, издавна дававшие здесь отличный корм для скота. И все это для чего? Для расширения пахотных угодий, для повышения урожайности, для развития сельскохозяйственного производства. Вроде бы серьезные, весомые аргументы — кто же против укрепления экономики колхозов, выполнения Продовольственной программы? Но как показывает опыт, отвоеванная с таким трудом у болот земля в лучшем случае два-три года дает приличные урожаи. А потом они падают, и

средства, вложенные в мелиорацию, выбрасываются на ветер!

Все наши собеседники были единодушны: если уж использовать всю эту мощную мелиоративную технику в условиях Нечерноземья, так разумнее всего это делать для улучшения лугов, расчистки заросших лесом и кустарником полей, строительства дорог и мостов. Это выгодно и мелиораторам, и хозяйствам, и самой природе. Многие дороги в здешних местах находятся в запущенном состоянии.

Но нет, не доходят до этого руки мелиораторов. Всю мелиорацию в здешних местах они в основном свели к одной операции — осушению, потому что это позволяет быстрее осваивать отпущенные средства. При таком ведомственном подходе не остается места для заботливого, внимательного отношения к природе.

Природа Верхневолжья и Верхнего Подвинья особенно ранима и уникальна. Ведь здесь начинается множество больших и малых рек России. И эти места, как никакие другие, нужно оберегать от всяческого неумелого и грубого воздействия, которое может иметь необратимые последствия. И в первую очередь это касается здешних болот.

О болотах особый разговор. Большинство рек, которые начинаются в здешних местах, выходят из болот. Здесь они набирают свои силы, мужают, копят драгоценную влагу. Эти болота, расположенные на водоразделах, играют особенно важную роль: они не только дают жизнь рекам волжского и двинского бассейнов, они являются и регуляторами всей водной системы верховьев рек. Моховое болото — это своеобразное водохранилище, только без плотины. Оно никогда не пересыхает, питаясь влагой воздуха и подземными ключами, и отдает влагу рекам постепенно, по мере надобности. Ведь мох в состоянии поглощать и удерживать воды в 15—20 раз больше собственного веса. Об этом поразительном свойстве моховых болот как запасных водных резервуаров писал еще русский историк В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории»: «Когда истощается питание, доставляемое рекам снеговыми и дождевыми средствами, и уровень рек падает, болота по мере сил восполняют убыль израсходованной речной воды».

Верховье Двины — это не одно, а целая система огромных болот, тянущихся на многие километры. Все пространство между реками Жукотой и Кудью — это одно обширное болото. Много их в долинах рек Западной Двины и Волкоты, в окрестностях озера Охват.

Болото — это свой особый мир со своими растениями, птицами и животными, своими запахами. Это царство хилого сосняка, клюквы и росянки. Ее багровые розетки придают болоту красноватый оттенок. По более сухим местам водятся морошка, голубика, кассандра. Летом в жаркие дни здесь стоит одурманивающий запах багульника. Чем бли-

Латышские туристы согласились с нашим выбором истока, повесив свой вымпел под нашим знаком. Для них Западная Двина — р. Даугава. *Фото 1986 г.*

же к центру болота, тем мельче становится сосняк, пока он не превращается в низкорослые сучковатые и уродливые деревья.

С болотами у большинства из нас связаны не совсем приятные ассоциации: топь, глухомань, трясина, грязь, комариное царство. Какая от них польза? Только хворь, болезни да малярия. Пропашая, никому не нужная земля. А вот Михаил Пришвин поэтично назвал такие места «кладовой солнца», чья энергия заключена в огромных запасах торфа. Его слова звучат, как признание в любви: «По болотам в свое время я ходил с чувством стран неоткрытых...» Да и многие ученые считают, что болота отнюдь не бесполезны, что их надо изучать и ставить на службу человеку.

Русский крестьянин, который всегда отличался большой практической сметкой, издавна пытался приспособить болота для своих нужд. Он замечал, что урожай на его лугу тесно связан с болотом: спусти его — уйдет вода, пожелтеет и пожухнет трава, что уровень речки, протекающей мимо деревни, тоже зависит от состояния болота. В засушливые годы оно выручало многих крестьян, потому что только здесь сохранялась трава и можно было пасти скот. Торф издавна служил не только надежным топливом. Его использовали как грубый корм для

скота, как удобрение для полей. А мох оказался очень кстати при строительстве изб: крестьяне закладывали его в пазы между бревнами для удержания тепла и предотвращения гниения. И даже продукты хранили, как в холодильнике, в сфанговых очесах. О чудесных свойствах сфангового мха знали издавна. Известно, что еще в XVI веке испанские и английские мореплаватели, отправляясь в длительное плавание, брали с собой бочки с болотной водой. Оказывается, такая вода из-за антисептических свойств мха может долго сохраняться и не портиться.

Болота занимают в Калининской области около 9 процентов всей площади. Всего их насчитывается около трех тысяч, однако изучено не более двух третей. Площадь болот здесь не только не уменьшается, но, наоборот, увеличивается. Болота «растут», болота наступают — на лес, луга, озера, реки. Особенно это видно по лесным озерам. Многие из них со стороны берега зарастают осокой, камышом, тростником. Только в центре еще остаются оконца чистой воды, но многие окончательно заросли зеленым изумрудным мхом.

Болота наступают и на поймы рек: мы видели такие болота в районе озера Охват. Они тянутся на многие километры. Теснят леса. Избыток влаги подтачивает корни деревьев, прекращает к ним доступ живительного кислорода. Деревья сопротивляются стойко и упорно, цепляясь корнями за влажную почву. Но не выдерживают натиска. Сначала погибают осина и ель, потом — береза. И только сосна все еще продолжает упорно бороться за свое существование. Но в конце концов погибает и она, уступив место мхам и кочкам. В верховьях Двины много таких болот-победителей, на месте которых некогда растительность обширные леса.

Болота — это живой, постоянно развивающийся и изменяющийся организм. И как показывают исследования ученых, такое фронтальное наступление болот на леса, пастбища, луга, пахотные земли — в Калининской области явление повсеместное.

В верховьях Двины расположены различные типы болот: низинные, верховые, переходные. Когда наша экспедиция прибыла к столбу Шимкевича, то, взглянув на заросшее лесом, кустарником и травой болото, из которого вытекал ручеек, И. Н. Тарлыков, главный лесничий Пеновского леспромхоза, уверенно сказал:

— Это типично низинное болото, а верховые выше, на водоразделе.

Здесь, в районе истока Двины, можно наглядно себе представить, как образуются и развиваются болота. Низинное болото, по которому протекает Двина в своих верховьях, — это низшая, первоначальная его стадия. Расположенное в пойме реки, между двумя грядами, оно пита-

ется паводковыми, грунтовыми и сточными водами. Весной, когда Двина разливается, а снег тает, оно заливается водой, но потом ручей снова входит в свои берега.

Чуть выше, там, откуда вытекает Двина, находится Корякинское болото. По-видимому, оно некогда было озером, но потом превратилось в болото, в котором смешанная растительность соседствует с изумрудным моховым покровом, лишенным леса и кустарника.

А еще выше, уже на водоразделе, расстилается типично верховое морошковое болото, покрытое мхом и хилым сосняком. Такие болота живут и питаются за счет атмосферных осадков — дождя, тумана, снега, влажного воздуха. Это, пожалуй, самые ценные болота — с россыпью клюквы и морошки, росянки и сфангового мха и других растений. Они отличаются одной особенностью, поразившей меня во время моего блуждания по этим местам, — выпуклостью своей поверхности к центру.

В Калининской области более 400 тысяч гектаров верховых болот — 64 процента от всей их площади. Особенно их много в междуречье Западной Двины, Межи, Обши, Велесы. Здесь находится и второе по величине болото Калининской области — Жарковское площадью 38 тысяч гектаров.

Одним из первых русских ученых, кто начал научное изучение болот, был В. В. Докучаев — признанный авторитет в отечественной науке о земле. Он отмечал еще в конце XIX века, что их роль в природе изучена очень слабо: «Даже такие важные в данном случае вопросы, как естественное место болот среди других явлений природы, коренные причины, обуславливающие их существование, и, наконец, те неизбежные последствия, которые вызывают в свою очередь болота в экономии природы, — все это пока остается без ответа. По всей вероятности, тут-то и кроется причина неуспешности той борьбы, которую с давних пор ведет человек с болотами».

В природе все взаимосвязано, и неразумное вторжение в нее может обернуться бедой. Если осушается болото, то это приводит к гибели родников, обмелению и исчезновению рек. Гибнет лес, растительность, животный мир, исчезает клюква и морошка. А без клюквы даже медведь, говорят, не заляжет в берлогу и становится опасным шатуном.

Идеи Докучаева были развиты Владимиром Николаевичем Сукачевым — замечательным русским и советским ученым, много сделавшим для развития науки о болотах. Еще в 1917 году, в самый канун Октябрьской революции, автор книги «Болота, их образование, развитие и свойства» был скромным ассистентом Лесного института, а затем, уже

в советские годы, стал академиком, Героем Социалистического Труда, основателем Института леса АН СССР. В. Н. Сукачев первым в России начал читать курс болотоведения, разработал научные методы комплексного изучения болот. Он тоже считал, что они должны приносить людям пользу.

Кстати, это давно уже поняли во многих странах Америки и Европы. В Финляндии, например, строго следят за сохранностью болот, наложив запрет на их осушение. Понимали это и русские ученые.

Еще в конце XIX века в верховьях Волги и Западной Двины в составе «Экспедиции по исследованию источников главных рек европейской России» побывал ботаник-географ Н. И. Кузнецов. Он тщательно обследовал водораздельные моховые болота в этих местах и пришел к довольно неутешительному выводу: «...Во времена доисторические местность между оз. Селигером и Волгой представляла страну, одетую дремучими еловыми лесами. По берегам озер и рек на песках здесь были сосновые боры, на водоразделах — обширные моховые болота, питавшие реки и служившие им, так сказать, водохранилищами, а в долинах рек — поемные леса и луга. Уничтожение еловых лесов повлекло за собою усыхание болот моховых, развитие болот травяных и лесных и должно было отразиться на положении грунтовых вод, которые здесь играют значительную роль в питании рек».

Это было сказано почти сто лет назад. Но уже тогда дальновидные ученые начали бить тревогу. Вот какой вывод сделала экспедиция после изучения состояния моховых болот в верховьях Волги и Двины: «Моховые болота, питающие истоки рек, нуждаются здесь в специальном изучении и затем в тщательной охране. Их следовало бы нанести подробно на карту и признать охраняемыми».

Очень разумный и дальновидный вывод сделала экспедиция. Болота в верховьях Двины, и в первую очередь Пьянишник и Корякинское болота¹, — эти уникальные памятники природы, и их уже давно следовало бы взять под охрану государства. Надо уже сейчас, немедленно объявить весь район верховьев Двины с прилегающими к нему лесными угодьями и болотами, заказником или заповедником, как это уже сделано относительно истока Волги. В заповедник «Исток Западной Двины» следовало бы включить и озера Двинец, Охват, реку Волкоту и другие верхние притоки Двины. Ввести по всей территории заповедный режим, запретить в охранной зоне рубку леса, проведение мелиоративных и хозяйственных работ. Включить заповедник в число памятников природы республиканского значения, упорядочить посе-

¹ Как установила наша экспедиция 2011 г., к ним надо добавить ещё одно болотце, которое мы назвали Клюквенным (А. П. 2012)

щение его территории туристами и экскурсантами, взять под охрану клюквенные и грибные богатства верхнего течения Двины, его животный мир, объявить войну браконьерам. Надо на века сохранить этот уникальный уголок среднерусской природы.

Что же, значит, закрыть для людей эти места, лишить их радости общения с одним из интереснейших природных объектов? Нет, конечно же нет. Природу надо охранять не от людей, а для людей. Как показывает наш и зарубежный опыт, одними запретами здесь ничего не решишь, на каждой лесной тропе не поставишь полосатый шлагбаум. Где же тогда выход?

Сейчас много говорят и пишут о туризме и туристах: от них, мол, один вред, грязь и мусор на лесных тропах, пожары, браконьерство, разрушение памятников старины. Среди сторонников такой точки зрения немало уважаемых, авторитетных людей, ученых, писателей, искренне обеспокоенных судьбами нашей природы и сохранностью памятников старины.

Известный наш писатель Ф. Абрамов, большой знаток Русского Севера, например, считал, что... «туристы — это бич, это бедствие. Туристы тащат, крадут все старое, исконное, топчут и уродуют природу». Называя их «современными дикарями», он призывает оградить от туристов «свою обетованную землю», выступает против развития туризма, который, по его мнению, кроме вреда природе и памятникам культуры, ничего стоящего дать не может.

Такую непримиримую позицию писателя можно понять и разделить его негодование против «коллекционеров-изуверов», которые на его родной Пинеге на старинных погостах «с мясом» вырывают медные иконки и крестики из деревянных столбиков и икон, спиливают коньки у деревенских домов. Такие же случаи варварства встречаются и в районе Селигера. Беспощадно борется с подобными «коллекционерами» хранитель краеведческого музея в Ворошилове И. И. Смирнов.

Согласен, подобным «современным дикарям» действительно надо объявить непримиримую войну, не боясь здесь и власть употребить.

И все же: почему мы все это варварство и дикость должны приписывать туризму и туристам? И почему ставится знак равенства между настоящими туристами и «коллекционерами», истинными любителями природы и браконьерами, краеведами и любителями личной наживы? И почему всех, кто идет сегодня на природу — и охотников, и рыболовов, и грибников, и любителей шашлычных пикников, — мы должны называть туристами? И какое отношение имеют к ним «коллекционеры» древностей? Ведь не называем же мы того, кто убил незаконно лося, настоящим охотником или кто глушит рыбу в наших водоемах —

рыболовом-любителем. Для них есть вполне определенное название — они браконьеры, враги нашего общества, нашей природы и, следовательно, враги туристов. Потому что истинный турист всегда был, есть и должен быть защитником и другом природы, памятников нашей истории и отечественной культуры. И не с туристами надо бороться, а вместе с туристами повести бескомпромиссную борьбу против всех, кто не соблюдает правил поведения на природе, наносит ей непоправимый ущерб, воспитывать у любителей путешествий экологическую культуру, которой всем нам так не хватает.

Выступать ныне против развития туризма — это все равно, что выступать против современного автомобиля за возврат к телеге под тем предлогом, что она меньше шумит и не отравляет воздух бензином. Надо смотреть правде в глаза: хотим мы этого или нет, но туризм будет и впредь расти и бурно развиваться, вовлекая в свою орбиту все новые и новые миллионы любителей путешествий и экскурсий. И надо быть к этому готовым, а не отрешиваться от него одними заклинаниями: «Чур, чур его!» Надо ввести пока еще неорганизованные потоки любителей путешествий в организованное русло, создать необходимые условия для развития туризма, бережно сохранять памятники природы, используя их в целях повышения экологической культуры трудящихся. Будущее истока Двины, Корякинского болота, всех окрестных мест и их сохранность мне видится в одном — в неразрывной связи с развитием туризма и, я бы выразился более категорично: оно в значительной степени зависит от него и определяется им.

В верховьях Двины имеются все необходимые условия для организации заповедного туристского хозяйства. Сама природа создала на берегах озера Двинец, на месте прежних деревень Корякино и Двинец, удивительные предпосылки для такого хозяйства. Нет, здесь не надо строить огромные турбазы, многоэтажные гостиницы: вполне достаточно будет скромного туристского приюта или даже палаточного городка, а на берегу озера небольшой лодочной станции для любителей рыбной ловли. Все должно быть интимно, тихо и скромно, как окружающая природа. И туристы должны приезжать сюда не как в дом отдыха или санаторий и не для того только, чтобы позагорать и искупаться в озере Двинец (хотя без этого и не обойтись), но главное — побывать у начала Двины. И пройти не спеша полтора—два километра по живописной тропе к истоку, посмотреть на то место, где рождается река, поклониться ему, постоять у небольшой избушки, которая, я уверен, будет стоять на краю болота.

Я помню, как мы лет десять назад шли к истоку Волги от деревни Коковкино по грязной, разбитой, в колдобинах дороге, утопающей в

грязи. Прав был один турист, который, проделав этот путь, оставил в книге отзывов в Волговерховье такую вот запись: «Все божественно, дороги — безбожны!» В этом отношении истоку Двины повезло: всего два километра живописной проселочной дороги отделяют деревню Корякино от деревни Шевереве, стоящей на асфальтированном шоссе Осташков — Пено — Андреаполь. Пока здесь нет дорожного указателя со стрелкой: «До истока р. З. Двина — 3,5 километра». Рано или поздно такой знак будет стоять у развилки шоссе возле деревни Шевереве. Но прежде чем его установить, надо сделать все для обустройства района истока, так как это сделано в Волговерховье. И въезд и вход в заповедное место должны быть строго упорядочены. И в качестве первого шага необходимо уже сейчас закрыть подъезд машин к озеру Двинец, оборудовав для них стоянку возле деревни Шевереве. А для любознательных проложить живописную тропу¹ до истока Двины: к этому святому заповедному месту идти надо обязательно пешком.

Истоку нужен хозяин. *Почему мы не используем эти природные богатства, доставшиеся нам от Бога?*

Хозяин, полноправный, рачительный и умелый хозяин нужен истоку Двины. Нужен скорее, нужен сейчас, пока все здесь находится в первозданном состоянии.

Я уверен, что появление на карте района нового туристско-экскурсионного объекта даст новый толчок и развитию туризма в верховьях Западной Двины. Естественно, при условии, что местные власти проявят должный интерес к решению этой не такой уж простой проблемы.

— Но с нас-то спрашивают не за развитие туризма, а за зерно, мясо, молоко, картошку, выполнение плана по мелиорации, — говорили нам руководители районов.

Нет, не доходят здесь пока еще руки до туризма, мало думают о будущем своих районов, об их дальнейшей судьбе. Все идет так, как шло десять, двадцать и тридцать лет назад.

Нужны хозяйские, любящие землю крестьянские руки, чтобы оживить уже не существующие деревни, распашать заросшие мелколесьем поля, привести в порядок великолепные луга, обработать земли под огороды, соорудить небольшие фермы и откормочные площадки, — тверская земля издавна славилась своим животноводством.

¹ Такая тропа была проложена в 2001 году, когда на истоке З. Двины была сооружена по проекту пеновского архитектора С. Бондарева павильон-арка с трёхступенчатой крышей (А. П. 2012)

Ведь эти же маленькие деревеньки, разбросанные по лесам и живописным озерам Калининской области, — отличная база для развития фермерского и семейного туризма, охоты, рыболовства. Отдыхающих можно принимать здесь и летом и зимой — только приложить для этого немного труда. Уверен, нашлись бы и люди, которые с интересом взялись за новое дело. Важное не только для здоровья отдыхающих, но и для воспитания их детей. Эти туристские деревеньки можно было бы умело закольцевать в туристские маршруты: пешие, лодочные, конные, велосипедные. Они и сейчас существуют, эти маршруты, только по ним путешествуют не так уж много туристских самостоятельных групп.

Проблема использования заброшенных деревень для развития туризма, и в первую очередь семейного, назрела давно. Ведь и сейчас многие такие деревни летом оживают: горожане снимают здесь жилье у местных старушек и приезжают отдыхать семьями. К их услугам — рыбалка, походы в лес по грибы и ягоды, отдых на берегу речки или озера. Такая форма отдыха уже давно популярна за рубежом, она пользуется большим спросом в Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Германии. А почему бы не сделать массовым такой отдых и у нас?¹

Уверен, предоставь отдыхающим элементарные удобства для отдыха в деревне, создай им определенные условия, организуй быт, питание, жилье — и многие с удовольствием поменяют путевку в Сочи на отдых в маленькой живописной калининской деревеньке, скажем, на берегу тихой и чистой речки Волкоты или лесного озера Двинец.

Может быть, отдых в деревне принесет пользу не только отдыхающим, но и самой деревне. Поможет благоустроить, построить столовые и кафе, павильоны, отремонтировать дороги, развить сферу обслуживания туристов, наконец, занять работой местное население.

Отдыхающих можно было бы привлечь к сбору грибов и ягод, лекарственных трав и растений. Наладить для них изготовление лодок и сдавать их напрокат. Восстановить и развить народные промыслы, изготовление сувениров. Наверное, каждый хотел бы увезти домой плетеную корзину, тесок для ягод, изготовленные прямо на его глазах глиняную посуду, поделки из дерева, бересты и соломы. А предприимчивые руководители хозяйств могли бы организовать прокат лошадей для любителей верховой езды. В общем, польза была бы обоюдной — и для горожан, и для сельских жителей. Да и продукты со своих подсобных участков не надо везти для продажи на рынок, все можно было бы реализовывать прямо на месте, в деревне. Предполагается, что со вре-

¹ Сельский, или фермерский туризм, ныне широко распространен в Прибалтике, Скандинавских странах, принося немалые доходы в местный бюджет (А. П. 2012)

менем ежегодно в деревнях могут отдохнуть сотни тысяч горожан с семьями. Уверен, что не обойдет этот вид отдыха и живописные деревни Калининской области. Вот вам и еще один мощный стимул для дальнейшего развития нечерноземной деревни.

Земля действительно всегда скупо родила в этих местах. Тверская губерния, особенно ее самая бедная северо-западная часть, никогда не славилась своим зерновым хозяйством, скорее она держалась молочным животноводством, отходничеством и всевозможными промыслами. Те немногие путешественники, которые бывали в тверских деревнях летом, удивлялись на почти полное отсутствие в них мужиков. И с домом, и с хозяйством управлялись, как правило, женщины, а мужчины или уезжали на заработки в крупные города или занимались смолокурением или другим промыслом. Еще в конце прошлого века крестьяне здесь пахали одноконной сохой или косулей, плуги были только у помещиков, да и то далеко не у всех. Из удобрений использовали одно — навоз. И все же тяжелый и кропотливый крестьянский труд приносил свои результаты. И не такие уж плохие результаты, если сравнить их с современными достижениями сельских тружеников Пеновского или Андреапольского районов, в распоряжении которых имеется такая сельскохозяйственная техника, о которой не мог и мечтать тверской крестьянин.

Конечно, трудно сравнивать прежнюю тверскую деревню с нынешней — и время не то, и техника не та, и производительность труда не идет ни в какое сравнение: ведь в то время в деревне жило значительно больше населения, чем сейчас. И все же надо признать, что сельское хозяйство этих мест не так уж далеко ушло от достижений тверских крестьян. Причин этому множество: и опустошение, нанесенное нечерноземной, в том числе калининской, деревне в годы Великой Отечественной войны, и трудности послевоенного периода, и отток населения в города. Нельзя отрицать и тот факт, что в развитии аграрного сектора экономики были допущены серьезные ошибки и просчеты.

И все-таки это многолетнее топтание сельской экономики районов Верхнего Подвинья практически на одном месте заставляет задуматься: а разумно ли мы планируем дальнейшее хозяйственное развитие этих лесных и болотистых районов? Кто, когда с карандашом или, как теперь говорят, с карманным компьютером в руках подсчитал: а что же все-таки выгоднее — терпеть убытки от сельского хозяйства, собирать по 8 центнеров зерна, 100 центнеров картофеля с гектара (не намного больше посевного материала), получать нищенские, на уровне козы, надои молока от каждой коровы, осушать клюквенные болота для

расширения сомнительных по плодородности сельскохозяйственных угодий или все-таки получать с этих земель то, чем они всегда славились, — лес, сено, рыбу, дичь, грибы, ягоды. Получать доход от организации отдыха и туризма, как нельзя более созвучных местной природе. И даже от этих, казалось бы, совершенно бесполезных болот, которых не счесть в здешних местах.

Одна клюква с окрестных болот покрыла бы все расходы на организацию охраны и благоустройства истока Двины. Клюква, как известно, — продукт экспортный, и ее охотно покупают не только у нас в стране, но и за рубежом за валюту. Дикие клюквенные угодья дают по 200 килограммов ягод с гектара. Здешние болота тянутся на десятки и сотни гектаров. Вот и подсчитайте, сколько прибыли может дать одна только клюква, если учесть, что ее розничная цена сейчас равняется 6 рублям за килограмм¹. Сравнение явно не в пользу хлеба и не в пользу картофеля с их низкими урожаями.

Так что прежде чем приступать к осушению болот, надо серьезно подумать: а выгодно ли это осушение? И не лучше ли сохранить это болото в первозданном состоянии? В Финляндии, которая всегда отличалась разумным, рачительным ведением лесного хозяйства, подсчитали, что раз в 10 выгоднее собирать с болота морошку и клюкву, нежели после осушения болота посадить там лес, вырубить и продать его. В Финляндии считают, а у нас почему-то не принято. Может быть, потому, что мы богаче и лесов и болот у нас пока счесть не перечесать?

К сожалению, до сих пор у нас нет точных подсчетов экономической эффективности и продуктивности лесных и болотистых гектаров. Но по данным Костромской лесной опытной станции, получается, что деревья отнюдь не самое ценное, что имеется в лесу. Судите сами: если собрать в лесу все съедобные грибы и ягоды в одно огромное лукошко, то по ориентировочной оценке ученых в нем окажется примерно 5 миллионов тонн грибов, 1,5 миллиона тонн клюквы, столько же брусники, 3 миллиона тонн черники, не считая разной другой ягоды — голубики, малины, смородины, шиповника, рябины... Даже если учесть, что не все эти дары леса по тем или иным причинам попадут в наше лукошко, да и зверям и птицам надо оставить часть урожая, то все равно общие ежегодные грибные и ягодные запасы можно определить примерно в 5—6 миллионов тонн. Сказочные богатства!

А что получается на деле? Из этих огромных богатств нам в лучшем случае достается два-три процента грибов и около пяти процентов клюквы. А все остальное пропадает на корню. По-хозяйски ли это?

¹ Сейчас один килограмм стоит на рынке в Андреаполе около 100 руб. (А. П. 2012)

Пока у нас речь идет о диком лесном и болотном гектаре. Но в других областях Нечерноземья уже существуют культурные клюквенные плантации, где клюкву сажают на болоте так же, как, например, клубнику в саду. Такое культурное болото по самым скромным подсчетам может дать 3—4 и даже 5 тонн ягод с гектара, в 15—20 раз больше, чем с «дикого» болота. По подсчетам специалистов доход от одного такого клюквенного гектара заменяет отдачу восьми гектаров пашни. Овчинка, как говорится, стоит выделки.

Во многих районах на лесных делянках приступили и к искусственному разведению грибов на лесных пеньках. В Белоруссии с каждого такого пенька собирают по килограмму грибов. Но ведь и в калининских лесах имеются отличные условия для сборов гарантированных грибных урожаев.

Но не одной клюквой, морошкой, черникой да грибами богаты здешние места. Богаты дичью, пушным зверем, кабанами, лосями, медведями.

— На охоту по лицензиям можно было бы не то что наших охотников, из-за рубежа приглашать, за доллары, конечно, — убеждал нас

Участники научно-спортивной экспедиции журнала «Турист» у первого мостика через Зап. Двину. Фото 1986 г.

егерь Иван Петрович Максимович.

Но разве только охотой может похвастаться этот богатейший край?

А рыбалка (тоже по лицензиям)? Туристские походы по тверской тайге? А изготовление сувениров, расширение продукции местных промыслов?

Тверская губерния издавна славилась своими искусными кустарями. Местным промыслом занималось около 150 тысяч человек. Изготавливали экипажи, телеги, колеса, сани, бочки, сундуки, ящики, занимались резьбой по дереву, мастерили игрушки, ложки, туеса, посуду, плели корзины, из местной глины производили разнообразные гончарные изделия, выделывали кожи, тачали сапоги и башмаки, валяли валенки, плели кружева, ткали льняные холсты отличного качества.

Продукция тверских кустарей была широко известна в России, пользовалась неизменным успехом.

Разве нельзя возродить традиции прежних мастеров? Или оскудела талантами тверская земля?

В Осташкове есть старинный кожевенный завод, которому недавно исполнилось 250 лет. Неужели нельзя наладить здесь выпуск интересных и оригинальных сувениров из кожи? В Пено расположен крупный леспромхоз. Неужели нельзя организовать изготовление поделок из дерева, бересты, отходов лесопильного производства? Неужели нельзя возродить старинные промыслы по изготовлению игрушек, туесов, посуды, гончарных изделий, льняных холстов?

Ну, а что может увезти турист с собой на память о главных достопримечательностях этих мест — истоках Волги и Западной Двины? Что будет ему напоминать о путешествии, о пребывании в этом родниковом краю?

Ничего. Нет таких сувениров, нет памятных изделий. И, похоже, нет у местных руководителей желания удовлетворить потребности туристов.

Говорят, предприимчивые американцы давно уже наладили выпуск маленьких стеклянных кубиков с мутноватой жидкостью. Взболтаешь — сплошная муть, отстоится — сверху вода, внизу — слой грязи. «Паспорт» удостоверяет, что в кубике вода самой длинной реки в мире — Миссисипи, а его обладатель является «владельцем истинной грязи Миссисипи».

Неужели Волга или Западная Двина не могут удостоиться такой же чести? И неужели так уж сложно наладить выпуск сувенирных сосудов для воды из истоков этих рек, стеклянные «ключи» от Волги и Западной Двины? Да и предприятие для этого есть подходящее — Селижаровский стекольный завод.

Но нет, не спешат местные руководители с изготовлением сувениров, с возрождением народных промыслов, с развитием здоровой коммерции и предприимчивости, платных услуг для населения. Может быть, тоже ждут указания «сверху»?

Верхнедвинская земля сказочно богата и лесами, и сенокосами, и пашнями, и своими талантливыми людьми. Но не пора ли все-таки похозяйски разобраться, в чем состоит это богатство и где его искать — на скудных засоренных камнями полях, и полупустых колхозных и совхозных амбарах, в мелиоративных канавах или все-таки в лесах, озерах, реках, в чудесной природе и в полных лесных лукошках, с которыми возвращается из леса каждый, кто попал в эти заповедные места? Может быть, все-таки стоит задуматься над тем, что нам сегодня выгоднее — развивать этот край как всесоюзный район отдыха, туризма, охоты, любительского рыболовства, специализировать его хозяйства на обслуживании отдыхающих, возродить прежние традиции этих мест, занятия населения, сохранить и использовать природный комплекс Верхнего Подвинья или продолжать разрушать его мелиорацией, ядохимикатами, рубкой водораздельных лесов?

Сейчас время поиска, переоценки ценностей, время размышлений, хозяйского подхода к использованию тех богатств, которыми мы располагаем. Мы буквально ходим по золоту, подчас не замечая этого. А ведь золотом может обернуться и это озеро, и этот лес, и эти луга, и эти гиблые непроходимые и, казалось, такие бесполезные болота.

Вспомним пророческие слова, сказанные о Двине: «Берега ее серебряные, а дно золотое». Мудрые, дальновидные слова. Но ведь это серебро еще надо найти и пустить в дело, а золото добыть с глубокого дна родниковых речек и озер. А для этого нужна энергия, настойчивость, желание, предприимчивость и оправданный риск.

Нужен умный, заботливый и рачительный хозяин.

* * *

...Через несколько дней из турбазы «Орлинка» пришло письмо от Анатолия Дроздова. Он сообщал, что первый велосипедный поход на исток Двины состоялся и прошел успешно. И что турбаза берет шефство над благоустройством истока и обеспечивает его сохранность.

Ну что же, лед, как говорится, тронулся. Исток живет, исток действует, исток работает на туризм. И мы верим: будет здесь со временем и природный заповедник, и база отдыха, и краеведческий музей. И его посетители с интересом будут рассматривать необычные экспонаты — фотографию профессора Анучина, первого исследователя Западной Двины, карту путешествия на «вершину Двины» стольника Максима

Цызырева, памятный столб с берегов Двины, деревянную дощечку с надписью по-латышски «DAUGAVA», записку полоцких туристов и изготовленный из нержавеющей стали памятный знак с краткой надписью «Исток р. Западная Двина. Установлен экспедицией журнала «Турист». 1986 г.»

А может быть, кто-то из туристов отыщет на истоке Двины и памятную капсулу, оставленную нашей экспедицией. Ее мы носили в своей сумке весь наш поход. Этот длинный металлический цилиндр с плотно завинчивающейся крышкой был специально изготовлен в Пеновском леспромхозе на тот случай, если мы действительно найдем исток Западной Двины. Первоначально предполагалось, что мы вложим в него послание к туристам XXI века с припиской: «Вскрыть в 2000 г.» Но окружающая нас природа с ее тихой, задумчивой и немного грустной красотой так не гармонировала с самой идеей этого напыщенного и помпезного послания к потомкам, что мы, не сговариваясь, забыли о нем, когда прощались с Двиною у памятного столба на тропе Шимкевича.

Мы вырвали листок из блокнота и написали на нем об установлении нами памятного знака и наши соображения о месторасположении истока, указали фамилии всех участников экспедиции. Внизу поставили дату — 1 августа 1986 года и вложили листок в металлический цилиндр. Затем вкопали его в землю у основания столба, зафиксировав тем самым результаты нашей экспедиции. Он и сейчас находится там, у деревянного столба на берегу Двины, на тропе Шимкевича.

Наша памятная капсула — сюрприз для туристов, которых, уверен, с каждым годом все больше будет становиться на берегах Двины. О ее существовании знаем только мы вдвоем с Борисом. Это наша маленькая тайна, и мы хранили ее в течение нескольких лет. И вот теперь, с выходом этой книжки, решили, наконец, раскрыть наш небольшой секрет.

Кто первый найдет этот памятный цилиндр — туристы из Андреаполя, Полоцка или с берегов Даугавы? А может быть, он пролежит там до тех пор, пока не обветшает памятный столб? Или дождется того времени, когда будет создан заповедник «Исток Западной Двины», и попадет в его музей как свидетель поисков истока великой русской реки? Но, кто знает, может быть, обладателями этого сувенира станем мы сами или наши дети?¹

Так хочется снова вернуться в эти дорогие и любимыишиеся нам места.

¹ О судьбе выпела у столба Шимкевича см. в послесловии, помещенном в конце этой книги (А. П. 2012)

Время собирать камни. Академик Д. С. Лихачев: «Я верю в силу... краеведения»

Вот и завершилось наше краеведческое путешествие к истоку Западной Двины. Мы прошли по лесным дорогам и тропинкам десятки километров, познакомились со многими жителями этого прекрасного края, на себе прочувствовали всю прелесть и неповторимую красоту валдайской природы, ее лесов, рек и озер. И всегда рядом с нами была наша неизменная спутница — тихая и таинственная, суровая и ласковая, такая переменчивая Западная Двина.

Сейчас, вспоминая наш путь на ее «вершину», не могу избавиться от множества противоречивых мыслей, вызванных очень разными и часто прямо противоположными впечатлениями. Такая богатая, такая щедрая природа — нескончаемые леса и роскошные луга — и слабое, запущенное сельское хозяйство; работающие сильные люди, любящие эту землю, — и покинутые деревни с заброшенными огородами и дичающими садами; крошечные поля, с таким трудом отвоеванные у лесов и болот, — и пустующие, заросшие осинником некогда пахотные угодья; обелиски в городах и поселках в честь павших воинов с букетиками полевых цветов — и забытые одинокие могилы в стороне от дорог; уникальные краеведческие музеи в районных центрах и отсутствие таких в обычных деревнях; подвижничество местных краеведов, таких, как Шимкевич, Смирнов, Кольцов, — замечательных знатоков края, и незнание истории своего поселка, города, деревни, своих корней многими жителями здешних мест, с которыми нам довелось встречаться.

И еще одну мысль мы вынесли из своего путешествия: как и везде, все трудности Нечерноземья упираются в один, самый важный фактор — человеческий. Исполдволь, сначала даже незаметно в течение многих послевоенных десятилетий здесь накапливались не только экономические, но самое главное — социальные проблемы. На глазах нашего поколения проходило размывание того крепкого и казавшегося таким незыблемым фундамента, на котором издавна стояла русская деревня — любви к земле, к крестьянскому труду, чувства хозяина, уважения традиций дедов и отцов, испокон века живших на этой земле.

Только потом, когда стали пустеть нечерноземные деревеньки, хиреть некогда крепкие хозяйства, спохватились — надо что-то делать, надо спасти деревню. Те глубинные родники, которые давали ей жизнь, вдруг стали иссякать, и вчерашний деревенский житель, переехавший в город, оглядывая землю с высоты девятого этажа своего нового городского дома, вдруг с грустью и тоской убеждался, как далеко

увела его жизнь от счастливой речки детства, как неуютно ему чувствовать себя без тех корней, которые ранее накрепко связывали его с землей и родным домом.

С конца 50-х — начала 60-х годов наступает период некоторого оживления краеведческой работы. Но этот период был непродолжителен. Крупные просчеты в руководстве страной, появившиеся застойные явления в экономике, настроения социальной пассивности, охватившие значительную часть молодежи в семидесятых — начале восьмидесятых годов, не могли способствовать дальнейшему развитию краеведения. Намотившееся было оживление снова стало затухать. Застойный период в развитии советского краеведения длился в течение почти двух десятилетий.

Однако и в эти неблагоприятные для развития краеведения годы краеведческая работа продолжалась. Глубокие корни она пустила в пединститутах, ее продолжали вести во многих школах, как это делал учитель истории Э. Э. Шимкевич. Именно к этому времени относится создание многих музеев боевой и трудовой славы в школах и на предприятиях, организация поисковой военно-патриотической работы, возникает новое движение в рамках Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Для пионеров и школьников организуется краеведческая экспедиция «Моя Родина — СССР». Оживляется научное краеведение, появляются фундаментальные историко-краеведческие исследования нашей страны. Продолжается краеведческая работа и в Калининской области.

И все же и в эти годы краеведение не смогло достигнуть такого размаха, целеустремленности и организованности, как в 20-х годах. Может быть, в наше время краеведение — это анахронизм, удел чудаков и пенсионеров, и в эпоху всеобщей компьютеризации, повсеместной грамотности и распространения научных знаний оно отслужило свой век?

Нет и еще раз нет. И сейчас краеведение — это важное средство воспитания, патриотической работы, развития творческой активности трудящихся, их участия в хозяйственном строительстве. И сейчас остаются в силе те организационные и научные принципы, которые были заложены организаторами этого движения в первые годы Советской власти. Изменились формы, направления, характер краеведческих поисков, повысился их научный уровень, но и сегодня краеведение — «дело, значение которого не может быть преувеличено».

И сегодня наука не может развиваться без массового краеведения, как и краеведение без науки. И сегодня краеведы вносят огромный вклад в изучение нашей страны, в развитие различных отраслей науки.

Один библейский мудрец изрек однажды: всему свое время — время рождаться и время умирать, время разрушать и время строить, время насаждать и время вырывать посевы, время искать и время терять, время молчать и время говорить, время любить и время ненавидеть, время разбрасывать камни и время собирать камни...

Краеведы всегда принадлежали к категории искателей, строителей, собирателей: исторических сведений, старых книг и документов, предметов труда и быта, экспонатов для музеев. Они не бросали камни в памятники культуры, всегда бережно относились к истории, природе, национальным традициям. Они в буквальном смысле собиратели камней.

Один из таких собирателей — краевед И. Д. Маланин. Только собирает он не обычные камни, а те, на которых высечены старинные и таинственные знаки. Каждый свой отпуск он проводит на Валдае, в верховьях Волги и Западной Двины, на Селигере.

Находки И. Д. Маланина и краеведа-энтузиаста С. Н. Ильина свидетельствуют: общественное краеведение может многое сделать для развития науки. Путем поисков интересных, неизвестных ученым фактов, памятников и объектов, сбора ценнейшего научного материала. Вот и получается, что «собрание камней» из вроде бы безобидного увлечения краеведов превращается в нужное для науки дело, обогащает нашу память новыми сведениями о далеком прошлом этих с первого взгляда как будто бы ничем не примечательных мест.

Я знаком со многими краеведами, которые проводят большие и серьезные научные исследования в районе Валдая. Некоторые из них имеют свои научные труды, выдвигают интересные гипотезы, безбоязненно вступают в спор с самыми крупными научными авторитетами. Но и им нужна помощь и поддержка.

Однажды я получил письмо от жителя села Великий Заход Демянского района Новгородской области Александра Васильевича Балужева. Прочитав книги писателя В. А. Чивилихина «Память» и мою «В поисках Дивьего камня», в которых, в частности, рассказывается о неудачном походе Батые на Новгород в 1238 году и поисках летописного Игнач-креста, он вдруг задумался: а не находится ли этот крест, о местоположении которого более 200 лет спорят русские историки, возле соседней деревни Игнатецы, стоящей на берегу реки Полы недалеко от его родного села Великий Заход¹?

Короче говоря, его, бывшего фронтовика, а ныне пенсионера, заинтересовала эта проблема. И он, не искушенный в тонкостях исто-

¹ О Селигерском пути Батые см. в книге А. Попова «В поисках Дивьего камня». — М.: Московский рабочий, 1981 (А. П. 2012)

рии, смело бросился в этот научный спор, где его главным аргументом стала обычная житейская наблюдательность и, я бы сказал, крестьянский здравый смысл. Он стал ходить по соседним деревням, беседовать со старожилами, опрашивать местных жителей и, как мы говорим, «влезать в проблему». Результатом этих его занятий стали три рукописные ученические тетради в клеточку под названием «Книга отправила в поиск». Эти тетрадки он посылал писателю В. А. Чивилихину, члену-корреспонденту АН СССР В. Л. Янину, в Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, в редакцию областной газеты «Новгородская правда», в Лениздат.

К тетрадям было приложено короткое сопроводительное письмо: «Высылаю Вам мои работы, а также ответ научного сотрудника археологического отдела Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Может, что не удалось сделать мне, сделаете Вы. Ведь в этом вопросе (в определении местоположения Игнач-креста, до которого согласно летописям дошел в 1238 году Батый, а потом неожиданно повернул назад. — А. П.) наша отечественная история стоит на ложном пути. Был бы я академиком, давно бы напечатали мои работы». Это жалоба на то, что во всех инстанциях Александр Васильевич не получил должного понимания.

В общем, он не согласен ни с писателем Чивилихиным, ни с историком Яниным относительно местоположения Игнач-креста. Пишу об этом потому, что я тоже в свое время подлил масла в огонь в дискуссию и опубликовал в журнале «Наука и жизнь» статью «Гнашася до Игнача-креста», в которой излагал гипотезу краеведа С. Н. Ильина о том, что им якобы найден на Селигере, на Березовском городище каменный крест, который он и признал за Игнач-крест. На фотографии, помещенной в журнале «Наука и жизнь», был изображен краевед рядом с найденным им каменным крестом. К этому снимку я придумал такую интригующую подпись: «Игнач-крест найден?» Но по ошибке типографии вопросительный знак куда-то исчез, подпись получилась утвердительной: «Игнач-крест найден». Вот эта статья в журнале и легла в основу одной из глав книги В. А. Чивилихина «Память».

А теперь на моем столе лежат тетрадки новгородского краеведа. Значит, спор не затих, спор продолжается. И у А. В. Балужева, несмотря на незаконченное среднее образование, есть свои резоны спорить с академиком Академии наук СССР В. Л. Яниным и свои преимущества в споре с ним.

Дело в том, что ученые все 200 лет исследуют этот вопрос по ...картам и книгам, не выходя из своих кабинетов, а краеведы — по местности. В 1914 году историк Мятлев в оброчной книге Деревской пятины,

составленной в конце XV века, обнаружил запись: «Озеро у Игнатцова креста». Это дало основание ученым предположить, что именно здесь, возле современных Яжелбиц, и находится тот самый летописный Игнатч-крест, хотя Яжелбицы и лежат вне пределов Селигерского пути.

А. В. Балугев предпринимает целую серию своих исследований, ездит по окрестным деревням, изучает местную топонимику и приходит к выводу, что и названия деревень Великий Заход и Забеге, и места Кровавая лужа и сопки Висильники — старинные, уходящие в глубь истории. И, что самое интересное, все эти названия мест и деревень расположены на двадцатикилометровой отрезке дороги от поселка Великий Заход до деревни Игнатцы, что стоит на правом берегу реки Полы на древнем Селигерском пути. Кстати, именно такое предположение в конце прошлого века высказывал и военный историк М. Иванов, которое почему-то не привлекло внимания специалистов.

Так ли это или нет, покажут дальнейшие поиски. Важно другое — страстное желание краеведа узнать тайны истории, доказать свою правоту, и его право получить от ученых ответ на свои предположения.

«Свою работу,— пишет он в заключение,— я послал академику Янину. Но от него ни ответа, ни привета, хотя я просил его, если я не прав, пусть он объяснит, в чем я не прав. Зная географию местности, и вы убедитесь в моей правоте. Ведь в этом вопросе наша отечественная наука стоит на ложном пути».

Вот такое равнодушное, взволнованное письмо. В тридцатых годах о таких «неорганизованных» краеведах говорили, как о краеведах-одиночках, краеведах-любителях, которые думают только об удовлетворении своего любопытства, своей любознательности. Но ведь любопытство и любознательность — это замечательные качества. И надо сделать так, чтобы они не потухли, не утратились, не исчезли от нашей невнимательности, от нашего равнодушия. Но куда ныне пойти краеведу А. В. Балугеву, где проконсультироваться, у кого получить совет, где выступить со своим сообщением?

Приходится с грустью констатировать, что и сейчас недооценивается огромная познавательная и воспитательная роль краеведения. Парадоксально, но факт: наши школьники лучше знают географию и историю, например, Северной Америки или Европы, чем историю и природу своего родного района, своей области. А мы еще сокрушаемся, почему молодые не остаются на селе или в районе. Да как же им там оставаться, если они не знают своих корней, если не чувствуют себя хозяевами своей земли, если ничего не знают о тех, кто здесь жил и работал раньше.

Мы считаем, что молодежь можно заманить на село только хорошим

клубом, жильем да зарплатой. И мало думаем о формировании у нее интереса к духовным ценностям, о развитии любознательности, о воспитании уважения к земле, на которой она живет.

Нам есть чему учиться у зачинателей этого движения, у нас есть богатые краеведческие традиции, которые пустили глубокие корни, и дальнейшее развитие краеведческого движения немыслимо без использования этих традиций.

И дело здесь вовсе не в простом уважении к прошлому. Это естественное и здоровое желание возродить былые традиции в отечественном краеведении, опереться на них при строительстве современного краеведческого здания. Ведь многое из того, о чем сейчас говорят, спорят и дискутируют краеведы, уже пыталось решить краеведческое движение в двадцатых годах. И на многие вопросы уже тогда были даны ответы.

Сейчас повсеместно повышается интерес к нашей отечественной истории, к своему краю. И это понятно: если мы хотим быть ответственными за свою страну, землю, на которой мы живем, мы должны знать всю правду о ней. Без знания правды невозможно быть сознательными гражданами нашего общества. Правды о прошлом, правды о настоящем, правды обо всем...

Воспитание историей, краеведением — это прежде всего воспитание правдой. Знать всю правду, не оставлять белых пятен в нашей истории, знать наши достижения, ошибки и просчеты и извлекать уроки из прошлого — вот чему учит нас краеведение.

В последние годы общественное краеведение набирает все большую силу. По всей стране создаются общественные историко-краеведческие объединения, общества, кружки, музеи. В их работе участвуют люди разных профессий, образовательного уровня, возраста, но объединенные одним интересом — любовью к изучению родного края.

Краеведение будит мысль, будит инициативу, воспитывает национальное самосознание. Оно — та реальная общественная сила, которая в состоянии уберечь от разрушения памятники истории и культуры, выступить против надуманных и вредных проектов вроде поворота на юг северных рек, сохранить красоту и чистоту Байкала, взять под охрану малые реки. Краеведение — враг социальной пассивности. В этом его сила, его огромное воспитательное значение.

Ведь не случайно массовое «разбрасывание камней» — разрушение памятников архитектуры и культуры началось в тридцатых годах, тогда, когда стало свертываться краеведческое движение. Только в условиях, когда «народ безмолвствует», возможно разрушение уникального памятника — храма Христа Спасителя в Москве с замечательны-

ми фресками Врубеля, воздвигнутого в честь победы над Наполеоном, Чудова монастыря в Кремле и многих десятков и сотен других памятников. И только с возрождением народной активности, народного самосознания стали возможными уже в наше время такие акции защитников памятников культуры, как борьба против сноса в Ленинграде гостиницы «Англетер», тесно связанной с именем Сергея Есенина, или занятие московскими активистами общества охраны памятников истории и культуры запланированных к сносу старинных зданий в Лефортове, когда над ними уже раскачивалась огромная, тупая в своей бессмысленной разрушительной силе чугунная баба.

Роковые последствия ликвидации краеведческого движения в тридцатых годах сказываются и поныне.

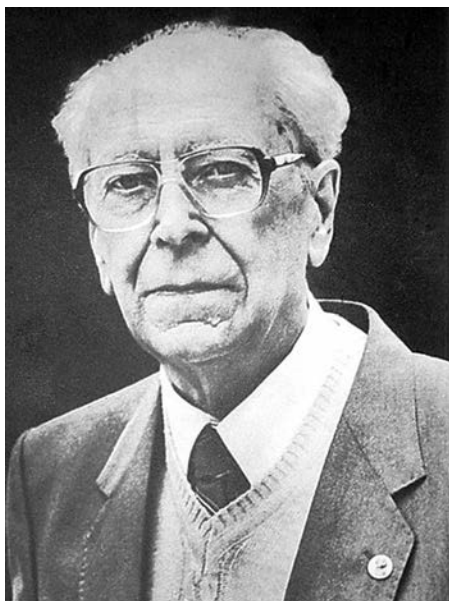
Истоки нашего краеведения, так интересно начинавшего свой путь, оказались заваленными мусором невнимания, предубеждения, безразличия. Надо расчистить эти завалы, дать простор родникам народной инициативы, которые не переставали биться даже в самые трудные для краеведения времена, помочь сделать полноводными кое-где пересохшие русла.

В настоящее время в стране идет активный процесс, цель которого — возродить Россию, вернуться к нашим историческим корням, создать условия для физического и духовного развития человека.

Свое место в этом процессе должно занять и краеведение.

Оно тоже нуждается в возрождении, в повышении своего морального и общественного авторитета, оно есть важная составная частица тех еще не до конца использованных социальных и экономических ресурсов, которые должны быть поставлены на службу нашему обществу.

Время разбрасывания камней уходит в прошлое. Для краеведения наступило новое время. Время надежд, инициативы и активного

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906—1999) — выдающийся советский и российский учёный-литературовед и общественный деятель, первый председатель правления Советского (затем—Российского) фонда культуры

социального творчества. Пришло время строить, а не разрушать. Время говорить, а не молчать.

Время собирать камни.

* * *

Отечественное краеведение еще не исчерпало своих огромных возможностей. Сейчас, в эпоху перемен и переосмысления нашего прошлого, очень важно использовать воспитательный и познавательный потенциал российского краеведческого движения, сберечь и передать нашим детям и внукам главные духовные и нравственные ценности, которые столетиями складывались в нашем обществе и на основе которых воспитывались многие поколения наших соотечественников. Пробудить интерес к нашей истории, культурному и духовному наследию.

Краеведение — это замечательная школа воспитания нашей молодежи, оно не дает очерстветь нашим душам, пробуждает интерес к познанию страны, в которой мы живем, делает нашу жизнь интереснее и богаче.

«Я верю в нравственную и преобразующую силу... краеведения» — эти слова принадлежат известному советскому и российскому ученому первому председателю Фонда культуры академику Д. С. Лихачеву¹.

От нас зависит, чтобы эти слова не остались только словами.

¹ По инициативе академика Д. С. Лихачева, при тогда еще Советском фонде культуры был учрежден краеведческий альманах «Отечество» (1990—2000), где я тогда работал гл. редактором. И я горжусь, что Дмитрий Сергеевич был председателем редакционного совета нашего альманаха

Будет ли разгадана загадка Янтарной реки? *Послесловие ко второму изданию*

25 лет назад мало кто проявлял интерес к поиску истока Зап. Двины, а в последние годы этот вопрос стал активно обсуждаться в краеведческих и научных кругах. Начали возникать новые и старые, давно забытые, версии относительно местоположения истока.

Но каждая новая экспедиция выдвигала новые предположения, стремясь отыскать свой родничок, не приближая, а отдаляя нас от разгадки тайны Янтарной реки. Зато в болотах на деревьях появлялись всё новые таблички с надписями — «исток».

Положение усугублялось ещё и тем, что уровень грунтовых вод на болотах в результате жаркой погоды понизился, и исток стал в летние месяцы пересыхать, а лишённые воды корни березы и ели, из под которых и вытекал ручеек, начали засыхать. Появились сомнения — а там ли находится настоящий исток, и не стоит ли перенести памятную арку в другое место?

За это время на истоке побывало 9 различных экспедиций, его посетили председатель Центрального совета Всероссийского общества охраны природы Г. И. Маланичева, губернатор Тверской области Д. В. Зеленин, множество экскурсионных групп, в том числе из Латвии и Белоруссии.

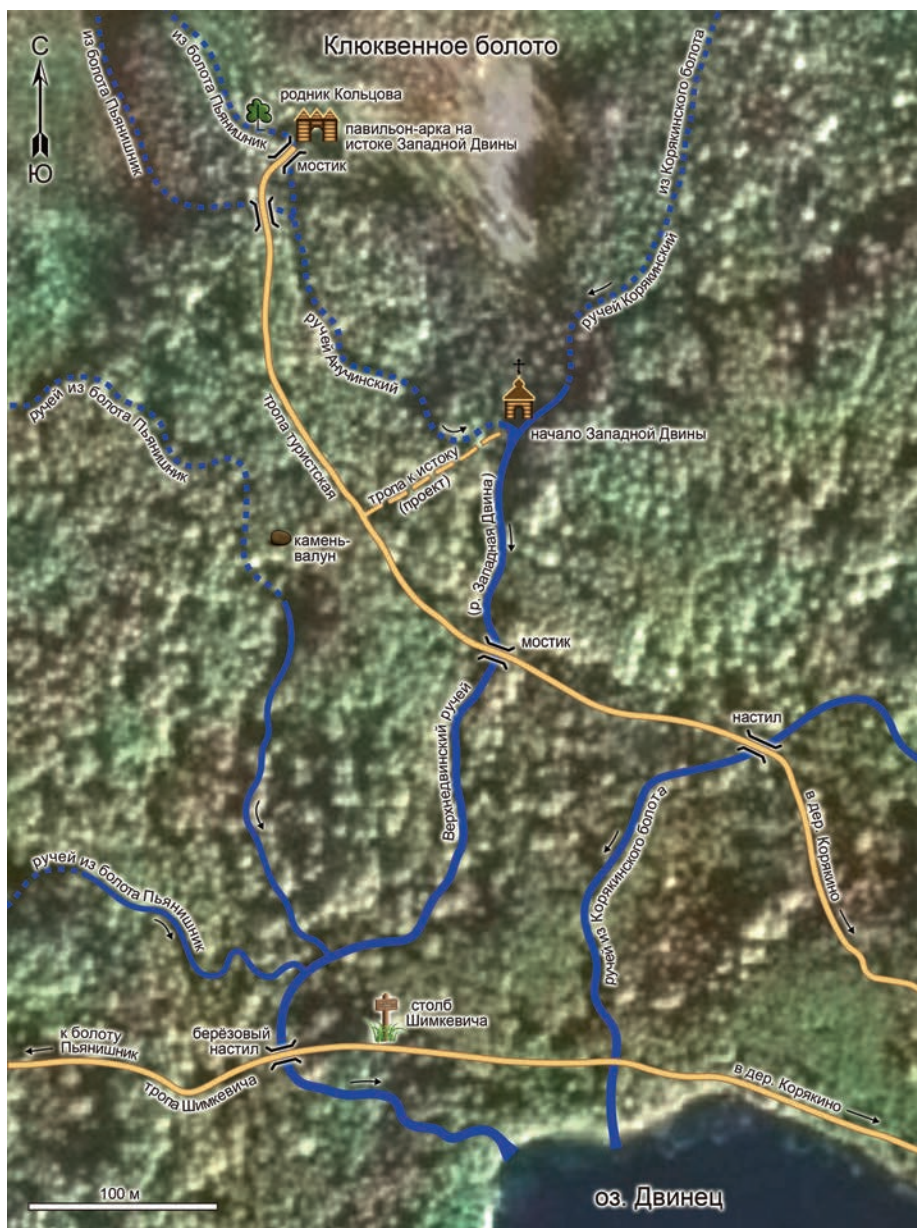
В 2001 г. в районе истока побывала экспедиция школьного клуба «Виктория». Она проследила течение Корякинского ручья вплоть до его истока из Корякинского болота и установила здесь свои опознавательные знаки, разработала маршруты экологических и туристских троп. И, что наиболее важно, — инициировала обсуждение проблем истока среди тверской научной и краеведческой общественности.

В конце января 2011 года я получил письмо от моего старого знакомого, известного пеновского краеведа А. Д. Кольцова.

Автор книги А. Попов извлекает памятный вымпел, заложенный экспедицией ж-ла «Турист» в основание «столба Шимкевича». Фото Андреяпольского краеведа В. Разживина, 2006 г.

Карта 1. Район истока Западной Двины

Подготовлена на основе спутниковой карты с использованием навигатора системы GPS-ГЛОНАСС

В нем он писал:

«В 2002 г. в Твери была проведена конференция по истоку Зап. Двины. Было принято решение, что за исток нужно взять всё моховое (Корякинское) болото.

Было прислано приглашение и в администрацию Пеновского района и мне, но я об этом не знал...

... Там, где раньше росли ель и береза, — продолжал Александр Дмитриевич, — вода была только в начале мая, а с июня здесь было мокрое пятно, и исток никак не обозначался. А в 28 метрах от них вода была всегда. Когда приходили туристы, они не могли набрать воды у обозначенного источника, и я их приводил к другому, где они могли набрать воды и таким образом прикоснуться к истоку великой реки¹.

Этот родник прячется возле корней маленькой березки и ивы обыкновенной, а затем уходит под мох в направлении, где раньше росли береза с елью.

30 мая 2009 г. исток посетил губернатор Тверской области Д.В. Зеленин и лично убедился, что в павильоне-арке родника нет.

Где находится исток, здесь или в другом месте, я утверждать не могу. Но сомнения для этого есть.

Предлагаю:

1. Провести научную экспедицию с целью определения истока Зап. Двины.

2. В состав экспедиции включить учёных, краеведов, журналистов Тверской области.

3. Пригласить в состав экспедиции учёных, краеведов Республик Беларусь и Латвии.

4. Пригласить писателя, краеведа Алексея Сергеевича Попова — участника экспедиции 1986 года, которая установила пока узаконенное место истока».

Вот такое письмо я получил от пеновского краеведа. Для меня оно не было неожиданным, т. к. живя летом в деревне Жуково недалеко от г. Андреаполя, откуда мы начинали свое первое путешествие в 1985 г., я не раз бывал на истоке и наблюдал как вода, которая 25 лет назад вытекала из-под корней ели и березы, стала уходить вглубь в засушливые годы.

Шло время, но я так и не получил никакого приглашения для участия в предполагаемой экспедиции. Но состояние истока меня волновало, поэтому мне и захотелось поделиться в этой книге с читателями своими соображениями как о результатах экспедиции 1986 г., так и о нынешнем состоянии истока и его возможном будущем.

¹ Так называемый «родник Кольцова»

В это время мы уже начали работу над подготовкой второго издания книги «Загадка Янтарной реки», и нам предстояло снова побывать на истоке, повторив наш маршрут 1986 г.

Тогда мы были слабо оснащены. Из поискового оборудования у нас имелись только школьный компас, фотоаппарат «Любитель» да шестикилометровая карта Калининской области. Поэтому составленная нами по возвращении в Москву схема получилась весьма приблизительной, и её следовало уточнить.

Появился и новый начальник нашей экспедиции — Сергей, инженер одного из московских КБ, специалист по метрологии, который и стал руководителем поисковой группы. В неё вошли выпускник авиационного института Егор (он же составитель карт) и недавно окончивший школу Дмитрий.

Последние свои исследования мы провели летом и осенью 2011 г. При этом использовались спутниковые карты и навигаторы системы GPS-ГЛОНАСС.

Это позволило сделать карты более точными. В отличие от схемы 1986 г., в них появился масштаб: на картах 1 и 3 — в 1 см 40 м, на карте 2 — 240 м. На них были нанесены новые объекты, которых не было на прежней схеме. В итоге было подготовлено несколько спутниковых карт. Таких подробных и точных карт района истока, насколько нам известно, еще не издавалось — они публикуются впервые.

На карте 1 «Район истока Западной Двины» изображен район истока, где в 2001 г. была установлена памятная навильон-арка. Заново нанесены два ручья, вытекающие из болота Пьянишник, ручей, вытекающий из Корякинского болота, обозначен «родник Кольцова», новое самостоятельное Клюквенное болото, а также обнаруженный нами камень-валун из серого гранита — в 37 м от туристской тропы (длина — около 2-х м, высота — 1 м). Интересно, что в районе истока больше не встречается таких больших валунов. Возможно, это древний культовый камень.

На карте 2 «Окрестности истока Западной Двины и озера Двинец» (см. стр. 248—249) в районе озера Двинец нанесены подъездные пути к истоку — шоссе Андреаполь — Осташков, ж.д. ветка Великие Луки — Бологое, населённые пункты — Щеверево (поворот на просёлочную дорогу к истоку), бывшие деревни Корякино и Двинец и тропинка от нее к озеру Двинец.

Это место, где из озера вытекает р. Двина, во многих атласах и картах принималось за исток Зап. Двины. Новым памятным местом стал деревянный помост возле д. Корякино, где каждый год совершается чин малого водосвятия реки Зап. Двины и озера Двинец. Мы объехали на лодке маленький симпатичный островок на этом озере и нанесли на карту ещё

две достопримечательности — место возведения православной часовни на южной стороне острова, заложенной при участии архиепископа Тверского и Кашинского Виктора ещё в 2009 г., и рыбацкую стоянку на северной его оконечности.

На указанных картах особый интерес представляет место слияния двух ручьёв, названных нами — Анучинский (Западный) и Корякинский (Восточный). После их слияния образуется полноводный ручей с чётко обозначенным руслом и постоянным течением воды. Мы назвали его Верхнедвинским по аналогии с Волговерховским ручьём. А на самом деле с него-то и начинается Зап. Двина.

* * *

В 2002 г. в Твери состоялась конференция, о которой упоминал А. Д. Кольцов в своём письме. Она прошла в формате круглого стола под названием «Исток Зап. Двины: проблемы обозначения и обустройства». Её организатором выступил Фонд поддержки и развития детского и юношеского творчества (турклуб «Виктория»).

К участию в круглом столе были приглашены тверские учёные, краеведы, специалисты-экологи. Высказывались различные точки зрения, иногда диаметрально-противоположные. Но основной вывод, к которому пришёл «стол», был не оригинален: он сводился к тому, что началом Двины надо считать «либо всё Корякинское болото», «либо официальное «энциклопедическое» место рождения реки — нижнюю точку озера Двинец».

Такое впечатление, что за 25 последних лет мы так и не приблизились к разгадке тайны Янтарной реки и остались глухи к выводам и исследованиям наших предшественников.

При подготовке второго издания книги мы вовсе не ставили перед собой задачу — непременно защитить нашу точку зрения. Мы просто хотели поделиться с читателями своими впечатлениями об изменениях, которые произошли в этих местах за последние 25 лет, проверить, в чём мы были правы, а в чём, возможно, и нет, обратить внимание на моменты, которые тогда ускользнули от нашего внимания.

И ещё — нас всегда не покидала мысль, а всё ли мы знаем об истории освоения верховьев Зап. Двины и не пытаемся ли заново открыть то, что уже было известно нашим предшественникам, ответить на вопросы, на которые они уже дали свои ответы?

Ещё в середине XIX в известные русские учёные считали, что Зап. Двина рождается в Корякинском болоте. Мы тоже придерживались такой точки зрения.

Теперь мы знаем, что это не так. Вернее — не совсем так.

Посмотрите на спутниковую карту №2. На ней отчётливо видно, что в формировании истока Зап. Двины участвует не одно, а целых три болота: на востоке — Корякинское, на западе — Пьянишник, а южнее от них у нынешнего павильона-арки, где сливаются два ручья — Анучинский и Коряжинский — ещё и третье небольшое болотце, которое мы назвали Клюквенным. Уж если какое болото и считать истоком Зап. Двины, так это, хотя и небольшое, но самостоятельное болото.

Пьянишник — самое обширное болото, уровень которого находится выше Коряжинского на 3 метра, и соединено с ним протокой. Да и по количеству притоков, впадающих в Вехнедвинский ручей, оно превосходит Коряжинское — из Пьянишника вытекает по меньшей мере три безымянных ручья, а из Коряжинского только один.

Местные жители тоже долгое время не различали эти три болота, называя их по расположенной рядом деревне одним словом — Коряжинское.

А теперь о еще об одном нашем заблуждении. Одно время мы, как и некоторые другие исследователи, считали, что исток Зап. Двины надо искать в родниках, которых на первый взгляд немало в здешних болотах. Хотелось бы огорчить будущих исследователей, да и себя тоже, — не следует искать исток в родниках, потому что они в большинстве своём являются ничем иным, как выходом на поверхность ручьёв, стекающих с верховых болот. И это, как ни печально, относится и к роднику Кольцова и к нашему роднику под берёзой и елью.

25 лет назад, когда мы отыскиали его в густом еловом лесу, из него текла вода по небольшому, поросшему болотной травой руслу. Но потом в результате изменения погодных и климатических условий и понижения уровня воды в болотах «родник» ушёл под мох, чтобы появиться снова перед слиянием Анучинского и Коряжинского ручьёв. Родник Кольцова ещё

Глоток воды из Верхнедвинского ручья.

Это съёмки одного и того же места — мостика через ручей недалеко от его впадения в оз. Двинец.

Только сделаны они с интервалом в 25 лет: левый — летом 1985 г., правый — летом 2011 г.

Но вода в ручье всё так же стремительно бежит по песчаному руслу и всё также хрустально чиста и приятна на вкус

держится, но и он тоже подвержен этим же процессам как и усохший «родник» на месте павильона-арки.

Но болотные потоки, уходя под мох, продолжают жить, образуя своеобразную подводную гидротехниче-

скую систему, которая, несмотря на некоторое снижение уровня воды в болотах, поддерживает стабильный водный баланс в Верхнедвинском ручье даже в самую жаркую погоду. Так было раньше, так продолжает оставаться и сейчас. Это отчётливо видно на двух фото (см. с. 234—235), сделанных в одном и том же месте в районе столба Шимкевича, но с разницей в 25 лет. Но также крепки песчаные берега ручья и также вкусен глоток воды, зачерпнутой со дна Верхнедвинского ручья.

Теперь о том, в чём мы, на наш взгляд, не ошиблись. Не ошиблись в главном — в определении места расположения самого памятника на истоке. Хотя именно по этому вопросу до сих пор и продолжаются дискуссии. Не ошиблись, даже несмотря на то, что иссяк «родник» и засохли ель и берёза на «пока ещё узаконенном месте истока».

Почему мы так считаем?

Каждый исток своеобразен и не похож на другой. И каждый имеет свои особенности. Днепр вытекает из Клецевского болота одним небольшим ручейком, исток Волги расположен прямо на открытом болоте, где, как утверждают, со дна бьёт родник. А вот у великой сибирской реки Оби истоком считается вовсе не один из её притоков — Бия или Катунь, а именно их слияние, хотя каждая из этих рек имеет русло длиной не в один десяток километров.

С такой же проблемой мы столкнулись и при определении истока Зап. Двины, когда наша первая экспедиция двигалась вверх от столба Шимкевича по руслу безымянного (ныне Верхнедвинского) ручья и вышла на слияние его двух притоков.

Вот как это описывалась в первом издании книги:

«Примерно в полукилометре от столба¹ — первое открытие: ручей раздваивается. Один (Восточный. — А. П.) — уходит направо, другой (Западный. — А. П.) — налево (по ходу нашего движения. — А. П.). Мелькает мысль: воткнуть в дно шест и укрепить здесь памятный знак, ведь из этих двух ручейков и рождается Западная Двина. Но мы вешаем на дерево очередной лоскуток (для маркировки тропы. — А. П.) и идём дальше... Надо обследовать как левое, так и правое русла».

Это обследование показало, что восточное русло вскоре пропадает в болоте, а западное ведёт вдоль тропы в сторону заболоченной лесной поляны...

«Лес расступился, впереди посветлело, и русло ручейка ушло в обширное моховое болото, поросшее изумрудно-зелёной травой. Ручеёк уперся в него возле двух деревьев, росших на краю, и пропал...

Мох колыхался под нашими ногами, где-то внизу булькала вода. А всё болото изумрудно блестяло и переливалось капельками росы, обсыпавшей моховые кочки: густой слой ещё зелёной клюквы покрывал поляну, как будто кто-то опрокинул над лесом гигантское лукошко, и ягоды рассыпались по болоту тысячами изумрудных бусинок».

Вот тогда-то перед нами и встала конкретная дилемма: где же быть истоку — там, в глухом болоте, где, собственно, и начиналась Зап. Двина, или на этой прекрасной поляне, на берегу Клюквенного болота, которое само по себе является памятником природы и главным источником образования Зап. Двины, да к тому же расположено в самом русле Анучинского ручья вблизи от хоженой живописной тропы из д. Корякино?

И мы тогда сделали свой выбор. И не сожалеем об этом и сейчас.

Где же ещё быть истоку? Только здесь, в этом заповедном месте, где формируется Верхнедвинский ручей и где находится Клюквенное болото — уникальный памятник природы, который, по определению академика Б. Бородина, надо также бережно сохранять, как картины Рафаэля.

И сколько бы мы ни бродили по болотам, ничего лучше и прекраснее, чем эта поляна, мы так и не нашли. Потому что в этом лесу и в этом болоте другой просто не было.

Наверное, это и определило наш выбор. И ещё — поразительное явление: — ель и берёза, сросшиеся корнями и потом воспетые во многих стихах поэтами, побывавшими в этих местах. Как жаль, что этих деревьев, увы, уже нет на этом месте.

¹ Шимкевича (— А. П.)

Этот выбор на первый взгляд может показаться несколько условным. Но, как свидетельствуют примеры других оковских рек, далеко не всегда место обозначения истока совпадает с местом, где на самом деле начинается река. Иногда этот выбор действительно кажется случайным.

Самым «неправильным» в этом отношении следует признать месторасположение истока Волги.

В конце XIX в. русский общественный деятель и экономист В. И. Рагозин выступил ярким противником современного обозначения истока Волги — возле д. Волговерховье.

Свои выводы он изложил в двухтомной монографии «Волга», где вынес приговор: «... Мы приходим к убеждению, что Руна гораздо более удовлетворяет нашему пониманию слов „верховье“ и „исток“, нежели верхне-волжская речка, а потому за начало Волги принимаем Руну. Прибавим, что наша великая река от того ещё больше приобретает, увеличиваясь в длине». И предлагал перенести исток из Волговерховья на Руну.

Нет единого мнения и относительно истока Зап. Двины. Один из участников уже упомянутого мною круглого стола — зав. кафедрой геодезии и картографии Тверского государственного университета, например, как и некоторые андреапольские краеведы, считает, что Зап. Двина начинается в Андреапольском районе и что это её нынешний правый приток — р. Волкота, которая, конечно же и протяжённее и полноводнее Верхнедвинского ручья. А начинается эта река, по их мнению, в Ульяновских озёрах в Андреапольском районе. Правда, до впадения в Макаровское озеро она носит другое название — Никитиха.

В своё время мы предприняли путешествие на байдарках по р. Волкоте для установления места её истока.

Тогда же у нас родилось и это шуточное стихотворное послание к анонимному стороннику переименования рек под названием «Все реки начинаются у нас».

*В горах Валдая слышен шум и стоны,
Бегут по камням резвые струи.
И спорят сельсоветы и районы —
Соседей эти речки, иль свои?*

*«Откуда же берутся эти речки? —
Хотел спросить я мнение у Вас.
Здесь из варяг шел водный путь во греки».
«Все реки начинаются у нас».*

«Родник Кольцова»
находится всего в
29 метрах от арки-
павильона на истоке
Зап. Двины.

Фото 2011 г.

*«Но Волга ведь идёт из Волговерха —
Стоит там храм, кресты, иконостас».
«Да в Жукопе её исток, не в Верхе.
Все реки начинаются у нас».*

*«Что и Двины исток не там, где надо.
И что течёт она не так сейчас?»
«Да в Волкоте и был исток когда-то.
Все реки начинаются у нас».*

*«А где же Волкоты той есть начало?
На ней с друзьями были мы не раз».
«В Ульяновских озёрах — не престало
Рождаться ей вдали от наших глаз».*

*«А карты как? Ведь в них всё по другому».
«А карты эти тут нам не указ.
Названья переправим по-иному,
Раз реки начинаются у нас».*

Ну как можно реку, издавна носящую название Волкота, переименовать в Зап. Двину?

*Представьте, какой хаос начался бы на наших картах, если бы мы
взялись менять названия рек, передвигать истоки и колодцы на новые*

А этот камень-валун мы обнаружили вблизи от туристской тропы. На снимке: начальник нашей экспедиции Сергей.

Фото 2011 г.

«правильные» места?

Да и вряд ли правильно — переименовывать реки, уже имеющие свои исторические названия, а если уж давать новые, то только безымянным ручьям и протокам.

Приходится признать, что до сих пор не существует единого критерия для определения истоков рек (я говорю об оковских равнинных реках). Слишком много факторов на протяжении веков (и часто совсем ненаучного характера) могут воздействовать на это определение.

Даже такой, казалось, «железный» признак, как наличие для истока постоянного источника воды в виде родника, ключа, болота и стабильного водотока, оказывается, свойственен не всем нынешним оковским рекам.

И среди них, как это не странно, — исток Днепра, одной из самых важных рек на пути «из варяг в греки». Её исток с течением многих лет тоже стал пересыхать, как и само Клецевское болото, которое считается началом реки.

Одним из первых в литературе об этом сообщил уже известный нам профессор Д. Н. Анучин, побывавший в 1890 г. в верховьях Днепра в составе «Экспедиции по исследованию источников главных рек Европейской России». Вот как описывает он своё путешествие на исток: «Шли мы (из деревни Клецевой. — А. П.) с полверсты, обогнули поля и пришли, наконец, к небольшому колодецу. «Вот здесь, — пояснил наш Чичероне, — прежде, говорят, тут стояла ещё берёза, но её уже давно нет». Мы заглянули в колодец — вода красноватая; посмотрели кругом: — ни ручья, ни болота. «Где же Днепр?» — Спросили мы с недоумением. «А он ушёл». — «Как

Мнение главы района

Река Западная Двина по своему значению не уступает Волге. А её исток может служить одним из пунктов развития сферы туристического бизнеса в нашем крае. Поэтому важно сделать так, чтобы исток Западной Двины стал не менее доступен для туристов, чем исток Волги. Такой проект существует, но для его реализации необходима консолидация усилий, организационных и финансовых, на всех уровнях — от местного до федерального. А так как река протекает по территории трёх государств, то хорошо привлечь к реализации проекта и заинтересованных лиц из Белоруссии и Латвии.

В. В. Худяков, глава Пенковского района.
Тверская область.
Районная газета «Звезда»

ушёл?» «А так, осерчал и ушёл. Старики говорили, что одна баба вздумала стирать в нём платье, он и ушёл». От колодца идёт ложбинка (около версты) к большому болоту, поросшему редким сосняком. Болото тянется с версту. На болото крестьяне ходят за клюквой»¹.

Не правда ли, исток Днепра чем-то напоминает начало другой реки — Зап. Двины? Обе вытекают из некогда полноводных болот, у обеих ручьи летом пересыхают, и даже деревья сгнили, как на истоке Днепра.

На стр 19 этой книги вы видите рисунок истока Днепра: из лощины вытекает небольшой ручей, чуть ниже — колодец, правда, он не виден на рисунке. Вода пока течёт, но скоро и этот ручей высохнет. Через 15 лет после посещения в 1891 г. истока Днепра Д. Н. Анучиным в книге «Россия» (1905), откуда взят этот рисунок, её авторы вынесут более суровое заключение: «Сток, собственно, из болота всегда был непостоянным, т. е. в сырое время он представлял и представляет теперь сплошную слабую струю, а в сухое время разделяется на отдельные плёсы, соединённые между собой болотинами».

Когда же мы с группой краеведов в 1988 г. посетили исток Днепра, то вокруг колодца всё было сухо и не было видно никаких ручейков ни выше, ни ниже течения реки. Но сам колодец стоял на старом месте, и вода в нём была такая же красноватая, и также пахла болотом. Всё верхнее русло реки состояло из пересохших сыроватых бочагов, часто не соединённых между собой даже небольшими ручейками. Устойчивое течение начиналось значительно ниже по течению реки.

Но никому и в голову не приходила мысль перенести исток из Клецевского болота в другое место.

¹ Очерк о поездке на исток Днепра опубликован в ж-ле «Северный вестник» №5 за 1891 г.

Я уже писал в первом издании, что исток каждой большой реки — это не только родник или озеро. И не только болото или устойчивое русло с постоянным течением воды. Это ещё и памятник природы, и туристская и экологическая достопримечательность, место отдыха и общения с природой, это и символ реки и даже сакральное место, где совершаются религиозные обряды. Особенно, если исток уже давно обозначен и имеет свои традиции, является, как говорят верующие, местом «намоленным».

За четверть века на ныне обозначенном истоке побывало уже несколько выросших за это время поколений тех, кто приходил поклониться началу великой реки. Это место стало знаковым и для россиян, и для белорусов, и для латышей, чьи таблички висят рядом со знаком нашей экспедиции. Именно отсюда стартовала международная экспедиция «Западная Двина — 98». Тогда участники экспедиции набрали в две чаши братины воды из родника Кольцова и, передавая их друг другу, сделали несколько глотков живой влаги.

Именно здесь руководитель группы поддержки кругосветного плавания В. Ершов достал из лыкового кошель хрустальный графин и наполнил его водой, сказав, что эта вода будет храниться на борту яхты «Апостол Павел» и совершит путешествие от Петропавловска-Камчатского до Санкт-Петербурга через Северный Ледовитый океан и два моря — Северное и Балтийское.

В 2000-м году исток посетила очередная экспедиция. Её участник Тимофей Алёхин написал тогда стихотворение, в котором упоминается и о таком уникальном явлении природы, как сросшиеся стволами дерева.

*По Западной Двине в 2000 году,
Там, где с берёзой ель обнялись, как сестрицы,
Траву меж берегов руками разведу,
Чтоб той воде помочь с водой балтийской слиться.*

Многие почитатели Зап. Двины оставляли здесь свои памятные вымпелы, знаки и таблички с приветами из Полоцка, Витебска, Риги, от рек — Волги, Даугавы, Торопы...

И как забыть о ежегодных крестных ходах, об уже ставшей традицией — освещении воды Зап. Двины и озера Двинец?

Разве можно сбрасывать со счетов историческую память?

И здесь нельзя не согласиться с мнением одного из участников круглого стола по истоку Зап. Двины (2002 г.) зав. кафедрой экологии Тверского государственного университета Александра Сорокина: «Что состоялось, то состоялось. Ведь исток Волги тоже условен. Часовенку над ним правильнее было бы возвести в другом месте».

* * *

Большой вклад в изучение Верхнего Подвинья внесла русская картография. В книге приводятся только несколько фрагментов старых карт района истока, показывающих как менялись с течением времени представления современников о начале оковских рек, в том числе и Зап. Двины, а также о населённых пунктах и экологии района.

До XVI в. карты в России составлялись преимущественно иностранцами. Они были неточны, и сведения на них наносились, как правило, со слов путешественников, купцов, посланников других государств.

С XVII — нач. XVIII вв. на Руси стали появляться собственные карты, так называемые «чертежи», составленные, как правило, по информации от «сведущих людей», в первую очередь от землепроходцев. К такому типу карт относится и «Чертеж земли Московской», составленный для царевича Фёдора Годунова и изданный в Амстердаме в 1613 г., и «чертеж» верховьев Зап. Двины, составленный стольником Петра I — Максимом Цызыревым (1701 г.).

Эта экспедиция и положила начало серьёзному изучению верховьев Зап. Двины и её истока.

В декабре 1720 г., т.е. после 10 лет со времени экспедиции Цызырева, Петр I издаёт указ о проведении геодезических съёмок местности в губерниях и сам пишет свою знаменитую инструкцию для составления ландкарт: «в ландкартах же писать каждые города и каждые сёла и деревни и реки, откуда которая вытекла и в которую реку впала, а также и озёра, и из них реки, и леса, и поля, так как ландкарты сочиняются».

Начинается новый этап в развитии русской картографии. По всей России развёртываются геодезические работы. Первые государственные сухопутные съёмки России начались с 1715 г., а планомерные работы на территории всего государства развёртываются с 1720 г.

Стали выходить более точные карты, которые имели масштаб, сетку, координаты широт и долгот. Их появлению способствовало и проведение уже при Екатерине II с 1765 г. работ по Генеральному межеванию земель.

Титульный лист карты Тверского наместничества «Генеральной карты Российской империи» (1792), изданной по указу Екатерины II

Фрагмент карты района истока Зап. Двины из «Генеральной карты Российской империи» (1792)

В Тверском наместничестве они начались с 1775 г. На этой основе составляются новые карты России, наместничеств и отдельных областей.

Одним из таких фундаментальных изданий был подготовленный в 1792 г. по указу Екатерины II «Российский атлас из сорока четырёх карт состоящих и на сорок два наместничества империю разделяющий», или, как её тогда называли, «Генеральная карта Российской империи». Среди 42 карт там значилась и карта Тверского наместничества с подробным изображением населённых пунктов, погостов, рек и озёр.

Её составителем и редактором был известный русский математик, географ, картограф и астроном А. М. Вильбрехт (1757—1823), который был составителем и другого известного Атласа российской империи (1800). Он долгое время работал в картографическом департаменте Кабинета её императорского величества, в 1814 г. был избран членом-корреспондентом СПб-ой Академии наук.

Карта Тверского наместничества была довольно мелкая и её пришлось разглядывать с лупой.

Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили на карте и озеро Охват, и озеро Двинец с вьющейся на север маленькой речкой,

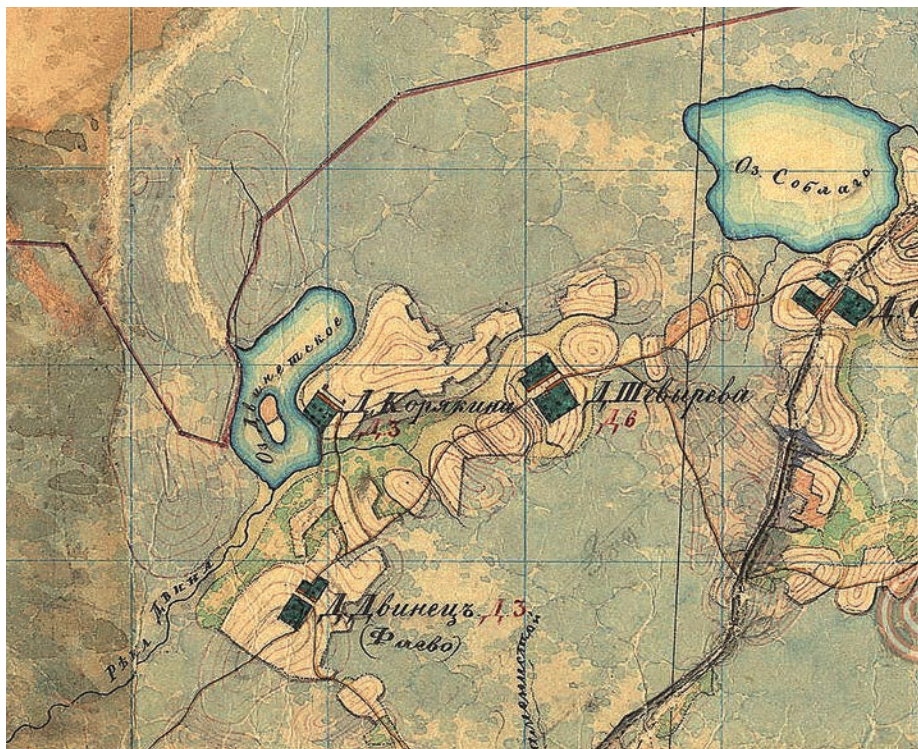
Фрагмент 10-ти верстной «Спецкарты Западной части Российской империи» («карта Шуберта», 1840 г.), — самая подробная карта России до середины XIX в.

пропадающей в болотах. На других картах она обозначалась как безымянная, а тут мы вдруг натолкнулись на её название — «р. Двина». Причём, буква «р.» и её название обозначено на ручье как до его впадения в озеро Двинец, так и при выходе из него. Вот это открытие! А мы-то думали, что никогда не найдём в русской картографии доказательства существования истока Двины до её впадения в озеро Двинец. И вот это случилось.

Это первое, насколько нам известно, обозначение на русских картах названия Верхнедвинского ручья (Зап. Двины), сделанное за 60 лет до того, как к такому же выводу пришёл русский географ И. Ф. Штукенберг.

Карта была старая, конца XVIII в., составленная, судя по всему, по более ранним, с использованием данных Генерального межевания земель. Но тем интереснее было это свидетельство.

На этой карте мы обнаружили в районе истока только две деревни — Извоз (Лауга) и Двинец. Деревни Шеверево и Корякино появились позже —

Фрагмент одноверстной карты из «Топографического межевого атласа Тверской губернии» («карта А. И. Менде», 1850е годы)

уже в XIX в. — на картах Шуберта, Стрельбицкого, Менде. Зато на этой карте мы нашли д. Гришино, ту самую, о которой рассказывал профессору Д. Н. Анучину старик из д. Двинец (помните у Анучина: «Народ признаёт за начало Двины не оз. Двинец, а полагает его в шести верстах выше в болотах, тянущихся по направлению к дер. Гришиной (к оз. Пено)?»). Озеро Пено — это уже бассейн р. Волги. Верховья Волги и Двины очень близко подходят в этом месте друг к другу, их разделяет проходящий между ними водораздел.

В 1801—1804 гг. была проведена работа по составлению «Подробной карты Российской империи и близлежащих заграничных владений» (100-листовая карта генерала К. И. Оппермана), а затем выходят более совершенные десятиверстные карты: «Спецкарта европейской России» (1821—1839 — карта Шуберта) и в 1865—1871 гг. «Спецкарта европейской России» под редакцией И. А. Стрельбицкого (карта Стрельбицкого).

В подготовке этих и других карт огромную работу проделали военные топографы во главе с основателем и первым директором корпуса военных топографов Ф. Ф. Шубертом (1789—1865).

Работали военные топографы и в верховьях Зап. Двины. На 10-ти верстной карте Шуберта нанесено и озеро Охват (Жадере), и озеро Двинец (правда, без названия) с маленьким островком посередине, появились деревни Двинец, Корякино (Карякина), Шевырево (Швирсва), Волок (Красное), деревня Лауга стала называться Извозом. На севере от озера Двинец расположено огромное безымянное болото.

Интересно, что на карту нанесён и единственный ручей, впадающий с севера в озеро Двинец, русло которого повторяет русло нынешнего Верхнедвинского ручья.

Спустя два десятилетия после карты Шуберта в свет выходит «Карта Тверской губернии» (1853) под редакцией А. И. Менде. Она составлена на основе топографической съёмки, выполненной корпусом военных топографов.

Карта Менде — топографическая с указанием широт и долгот. Выполнена в масштабе: в 1 дюйме — 1 верста, т.е. в 1 см — 400 м. Правда, нулевой меридиан в картах Менде почему-то находился по обсерватории Б. Ферреро на Канарском архипелаге. Так что надо делать поправку на Гринвич — +20°20'20".

На карте Менде нанесены те же объекты, что и на карте Шуберта, правда, у д. Двинец появилось и другое название — Фаево. Болота на севере озера Двинец также не обозначены. Однако, потому, что карта составлена в более крупном масштабе, точнее изображено русло Верхнедвинского ручья, протяжённость которого составляет около 1,5 км. Интересно, что его вершина направлена в сторону нынешнего болота Пьянишник, откуда вытекает Анучинский ручей.

Как видим, д. Корякино впервые появляется на карте Шуберта (1821—1836). На атласе Екатерины II она ещё не обозначена, как не обозначены и названия близлежащих болот. Нет их и на карте Менде (1853). Их названия возникли позже. Сначала в связи с появлением д. Корякино все болота возле неё назывались Корякинским, включая и огромное болото Пьянишник.

Но потом, по мере освоения местными жителями территории вокруг деревни (в результате собирания грибов, ягод, заготовки дров и т.д.) появилась потребность как-то разграничить эти две самостоятельные болотные системы. Корякинское, как самое близкое к деревне, так и осталось Корякинским. Другое же болото получило довольно странное название — Пьянишник.

По привычке решили заглянуть в толковый словарь В. И. Даля: как знать, может он и поможет расшифровать это странное название.

Нашли слово «пьющий» и сразу же погрузились в далиевские времена. Боже мой, только у русского народа, наверное, с этим словом связано так много самых красочных толкований. В нашем языке имеются десятки определений состояния выпившего человека: захмелеть, становиться пьяным, напиться, наклюкаться, насосаться, натянуться, назююкаться, насуслиться, нахлебаться, настегаться, налиться, насыропиться; залить за галстук, за воротник или за ухо; убить муху...

А вот, наконец, и нужное слово — «пьянишник», или пьяная трава, накаменный куст, одурь. Так местные называли «пьяную траву» — болотник, подбел. И действительно, когда бываешь на этом болоте, голова начинает кружиться от одурманивающего тебя запаха, исходящего от болотных «пьяных трав»¹. Видно, поэтому за этим болотом и укрепилось название Пьянишник. Ну, а Корякинское болото возле деревни так и осталось Корякинским.

* * *

Но интерес к месту, где рождается Двина, проявляли не только картографы, учёные и путешественники. Были среди них и другие любознательные люди, которые посещали эти, в то время глухие и малонаселённые места. В 1910 г. здесь побывал известный фотограф, хорошо знавший тверской край и оставивший нам немало интересных фотографий о Волге, Селигере, Волговерховье. Но это был не рядовой фотограф, ездивший по деревням в поисках заработка.

Это был выдающийся русский фотограф, ученик Менделеева, изобретатель, пионер цветной фотографии в России, издатель, педагог и общественный деятель, член Императорского Русского географического общества и к тому же ещё и личный фотограф последнего русского царя Николая II — Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863—1944).

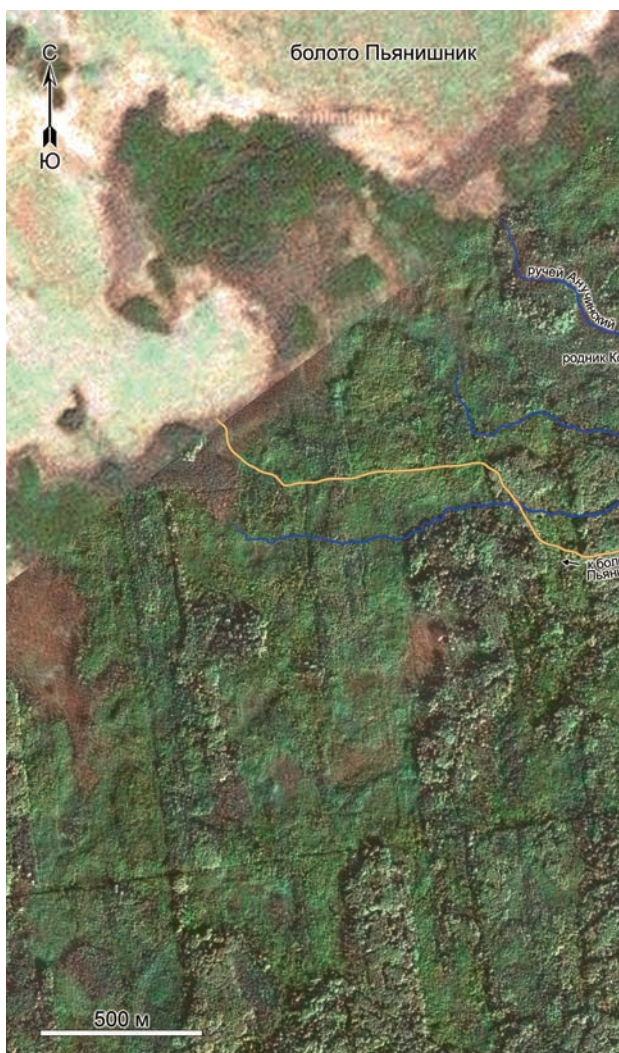
Он происходил из дворян Владимирской губернии, окончил в 1889 г. Технологический институт в Санкт-Петербурге, где посещал лекции самого Менделеева, работал во Франции вместе с братьями Люмьер, создатель и руководитель Санкт-Петербургской фотоцинографической и фототехнической мастерской, первый в России приступивший к цветным фотосъёмкам. Известны его цветные портреты Фёдора Шаляпина, писателя Льва Николаевича Толстого, членов царской семьи.

¹ По сведениям электронной энциклопедии Википедии, русские общеупотребительные и местные названия этого растения (или ягод) — водопьянка, голубец, голубица, гонобоб, гонобобель, гонобой, гоноболь, дураха, дурниха, дурница, пьяная ягода, пьяника, пьяничка, пьяница, синий виноград, синика. Растет на болотах при залегании грунтовых вод на глубине — до 60 см, ее ягоды съедобны, употребляются в сыром и переработанном виде, для приготовления варенья, а также вина. Ягоды и сок голубики обладают лечебными свойствами — укрепляют стенки кровеносных сосудов, нормализуют работу сердца

Но для нас наиболее важна другая ипостась Сергея Михайловича как члена Русского географического общества — путешественника и этнографа, создателя «Коллекции достопримечательностей Российской империи», которую он задумал в 1908 г. Это был грандиозный проект — запечатлеть в цветных фотографиях современную ему Россию, её историю, культуру и природу.

В мае 1909 г. он получил аудиенцию у императора Николая II, который поручил ему заснять различные стороны жизни всех областей России. Для этого фотографу был выделен специально оборудованный железнодорожный вагон, в котором находилась его фотолаборатория, а для съёмок водных путей России — небольшой пароход с командой, способный идти по мелководью, а также моторная лодка. Для некоторых съёмок ему даже предоставляли бывший тогда в диковинку автомобиль «Форд». С. М. Прокудину-Горскому в царской канцелярии были выданы документы, дававшие доступ во все места империи, а чиновникам было предписано помогать фотографу в его путешествиях. Однако все съёмки Сергей Михайлович проводил на свои, весьма скромные средства. В 1909—1916 гг. Прокудин-Горский объездил значительную часть России, фотографируя храмы, монастыри, виды городов, быт и занятия населения, памятники природы.

Карта 2. Окрестности истока Западной Двины

Подготовлена на основе спут...

и озера Двинец

никовой карты с использованием навигатора системы GPS-ГЛОНАСС

В 1910 г. как личный фотограф императора и как член Русского географического общества он посетил верховья Зап. Двины, чтобы запечатлеть для «Коллекции достопримечательностей Российской империи» её исток и окрестные места. В одном из его альбомов сохранились два поистине исторических снимка, которым ныне исполнилось уже более

«Место истока Западной Двины около дер Карякина». Фото личного фотографа Николая II — С. М. Прокудина-Горского. 1910

100 лет. Вы видите их на стр. 250—251. Фотограф-путешественник побывал в деревнях Корякино, Двинец, на озере Двинец и, что особенно важно, на «месте истока Зап. Двины». Я представляю себе какой переполох вызвало появление в д. Корякино новенького «Форда» и свиты чиновников из Твери и Осташкова для сопровождения столь важной «царской» персоны, отправленного в путешествие по российским городам и весям самим императором.

На одной из фотографий сохранилась его собственноручная подпись: «Место истока Западной Двины около дер. Карякина». Крестьянин-проводник, видимо, из д. Корякино, сидит на берегу ручья, воткнув в болотную кочку свой походный посох. Сейчас трудно с достаточной точностью сказать в каком месте ручья он сидит, но явно не на самом истоке, а где-то в районе столба Шимкевича незадолго до впадения Верхнедвинского ручья в озеро Двинец. Но важно не это — важно, что местные жители, как и во времена Анучина, считали, что Двина начинается в болотах севернее озера Двинец и водили «на исток» редких путешественников.

«Сушка сетей на озере Карякино». Фото личного фотографа Николая II — С. М. Прокудина-Горского. 1910

Съёмки истока Зап. Двины «около дер. Карякина» «царским фотографом» — были большим событием в жизни окрестных деревень и местных чиновников и чуть ли не официальным подтверждением существования истока именно на этом, ставшем уже историческим месте:

Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863—1944), русский фотограф и путешественник, создатель «Коллекции достопримечательностей Российской империи», личный фотограф Николая II.
Автопортрет, 1912

**Карта 3. Природный комплекс
«Исток р. Западная Двина»**

Подготовлена на основе спутниковой карты с использованием навигатора системы GPS-ГЛОНАСС

рыбачьи сети говорят о его глубине и о занятиях местных жителей — рыбный промысел, наверное, был весьма прибыльным.

Только две фотографии из альбома мастера, а как они много говорят о местах, где рождается великая река!

Сергей Михайлович после революции покинул Россию и умер в Париже в 1944 г. спустя несколько недель после освобождения города от немцев войсками союзников. Ему шёл тогда 81-й год.

Часть своей коллекции (около 2300 негативов) Сергею Михайловичу удалось вывезти во Францию. Сейчас она хранится в библиотеке конгресса США.

* * *

Я думаю, что собранных фактов и свидетельств очевидцев и картографов вполне достаточно, чтобы прийти к определённым выводам (см. карту 3).

1. Вопреки мнениям некоторых современных исследователей издавна считалось, что Зап. Двина начинается к северу от озера Двинец, впадая

все хорошо понимали, что этот снимок и этого крестьянина-проводника из д. Корякино увидит сам Николай II и его царственная семья.

Интересна и другая фотография, подписанная самим фотографом: «Сушка сетей на озере Карякина». Она любопытна с точки зрения тех природных изменений, которые произошли в этих местах за последние 100 лет. Прежде всего интересна сама песчаная поляна возле д. Двинец. Сейчас она заросла деревьями, и к заболоченному берегу ныне ведет узкая заросшая тропа.

А противоположный берег, там, где справа виднеются избы д. Корякино, вообще не узнать: на берегу ни кустика, ни деревца, луга или пахотные поля подходят к самой воде. Да и озеро кажется более полноводным, а

в это озеро довольно полноводным ручьём. Об этом говорят как данные предшествующих исследователей верховьев реки (Максим Цызырев, И. Ф. Штукенберг, Д. Н. Анучин), так и сведения русских картографов (свидетельство Генеральной карты Российской империи XVIII в., на которой этот ручей обозначен как «р. Двина» ещё до впадения его в озеро Двинец). Этому же мнению придерживались и местные жители (свидетельства Д. Н. Анучина, фотографа К. М. Прокудина-Горского и др.)

2. Тщетно искать исток реки Зап. Двины в родниках — это была большая ошибка исследователей, которые принимали выходы болотных ручьёв на поверхность за «родники». Увы, это относится и к «роднику Кольцова» и к «роднику» возле арки-павильона. Уровень воды в них, как и в большинстве болотных ручьёв, подвержен погодным и климатическим колебаниям.

3. В средневековых картах со времён античного географа Птолея вплоть до XVI в. господствовала версия, что оковские реки начинаются с гор (Алаунские горы). Впервые понимание, что эти реки берут начало не с гор, а из озёр и болот, приходит к иностранным картографам значительно позже. На картах Батисты Аньезы (1525) и Антония Вида (1537) и Двина, и Волга, и Днепр вытекают из обширных болот (Palus Magna, Белоозеро, Фроново болото). Долгое время эти болота были безымянными, и только с появлением на берегу озера Двинец д. Корякино (первая четверть XIX в.) все болота выше озера стали называться Корякинским (свидетельство И. Ф. Штукенберга и др.). И сегодня истоком Двины многие краеведы считают Корякинское болото.

На самом деле в образовании Зап. Двины участвуют, как мы уже говорили, не одно, а три самостоятельных болота: на северо-западе — Пьянишник, на северо-востоке — Корякинское болото, а южнее них — небольшое, но самостоятельное болото, которое, по нашему мнению, и является природной колыбелью Зап. Двины.

4. Своеобразие истока Зап. Двины состоит в том, что в его формировании участвует не какой-либо отдельно взятый родник, а система болот и вытекающих из них ручьёв, т.е. определённая территория, обозначение которой показано на карте 3. Своей конфигурацией она напоминает сосуд, опрокинутый горлышком вниз, где верхнюю часть занимает Клюквенное болото, стороны — два ручья — Анучинский и Корякинский, а горлышком является точка слияния этих ручьёв, образующих реку Западную Двину. Вот эту компактную территорию и можно считать местом, где рождается Двина, её подлинным истоком.

На этой территории расположены и основные объекты, входящие в систему истока Западной Двины: павильон-арка, родник Кольцова и начало Верхнедвинского ручья.

Что же — значит, у Двины несколько истоков? Вовсе нет. Исток один — это нижняя часть расположенного между двумя ручьями — Анучинским и Корякинским Клюквенного болота, где компактно расположены эти объекты в непосредственной близости один от другого. Но каждый из них имеет своё назначение и свою специфику: вокруг нынешнего павильона-арки уже сложились свои традиции, он популярен, расположен рядом с источниковым болотом и памятником природы, является местом встреч и общения, своеобразным туристским центром, а сама арка — как бы символизирует вход на заповедную территорию истока великой реки.

Ну, а слияние Анучинского и Корякинского ручьёв на этом же болоте — это место, где можно отдохнуть, испить воды из истока, где всегда есть чистая проточная вода, которой так не хватает туристам, посещающим эти места.

Где же выход? А выход, как нам кажется, напрашивается сам собой: объединить эти объекты, расположенные на территории истока, в единый природный комплекс «Исток Западной Двины» — и Клюквенное болото как памятник природы, и ставшую уже таким привычным и популярным местом памятную павильон-арку, к которой ведёт хоженная туристская тропа, и место слияния двух ручьёв, образовав возле павильона-арки — зону встреч туристов, проведения различных массовых мероприятий и праздников, а возле слияния ручьёв — зону отдыха и общения с природой, проложив между ними экологическую тропу и соорудив на слиянии ручьёв, прямо на сваях, небольшую часовенку, как на истоке Волги.

Можно пройти и испить воды из родника Кольцова — всего в 28 м от павильона или последовать доброму примеру истока Днепра, оборудовав неглубокий колодец вблизи от стоявших здесь ранее берёзы и ели.

Воды хватит на всех! Её даже можно разливать в пробирки в качестве сувениров, как это делают на истоке реки Миссисипи. Но там вода мутная от ила, а наша, двинская, пройдя через мох, долго сохраняет свою чистоту и свежесть. Впрочем, об этом тоже уже говорилось в первом издании книги.

Ну, а вокруг этого центра обустроить природный ландшафтный заповедник или национальный парк, включив в него и озеро Двинец, и верховые болота, и территорию бывших деревень Корякино и Двинец, прославленных замечательным русским фотографом — Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским.

И соединить эти памятные места туристскими тропами.

Западная Двина должна объединять, а не разъединять всех, кто захочет побывать в этих местах, прикоснуться к истоку великой реки.

Здесь начинается Зап. Двина. На снимке: слияние двух ручьёв в болотной низине — слева Анучинский (Западный) ручей, вытекающий из болота Пьянишник, справа — Корякинский (Восточный) из Корякинского болота. *Раскрашенное фото. 1986 г.*

* * *

Более трёхсот лет прошло с тех пор, как в верховьях Зап. Двины побывала экспедиция петровского стольника Максима Цызырева. И все эти годы идут нескончаемые споры и дискуссии о том, где же все-таки находится исток этой великой реки. Не прекращаются они и по сей день.

Не пора ли нам, наконец, от споров и дискуссий перейти к решению практических вопросов — созданию и обустройству района истока, строительству подъездных дорог, возведению здесь нового центра международного туризма, достойного такой знаменитой реки. Не пора ли привлечь к этому местные и федеральные органы власти, бизнесменов и меценатов, наконец, Русское географическое общество, которое так много сделало в прежние годы для изучения этого района, создания карт и атласов, организации экспедиций?

И не получится ли так, что мы снова погрузимся в область обсуждений, дискуссий и споров в ожидании появления толкового и рачительного

Как обустроивался исток

В 1999 г. наш район принял участие в областном конкурсе «Родник-99», проходившем под эгидой Тверского отделения Всероссийского общества охраны природы. Мы «вписались» в областную программу департамента по охране природных ресурсов и окружающей среды для обустройства истока Западной Двины. Проект разработал районный архитектор С. А. Бондарев, а муниципальное унитарное предприятие ЖКХ стало исполнителем. Работы в основном выполняли Н. Малахов, В. Новиков и П. Антонов.

Сначала расчистили тропу... Было решено сруб делать из заготовленного здесь леса и рубить его на месте. Доски (пятидесятки) для помоста пришлось довозить до первого ручья, а затем на тракторах, на плечах нести до места строительства. Вбивали сваи в болото, а затем уже делали настил.

Когда шли к источнику в первый раз, проходили по перекинутым через ручьи брёвнам. Мы же сделали мостики с перилами, у тропы оборудовали места отдыха со скамейками и столами. Нам было интересно работать.

На открытие собралось большое количество людей, →

«хозяина истока», который наконец-то займётся делом?

В первом издании книги в главе «Истоку нужен хозяин» есть такие слова: «Хозяин, полноправный, рачительный и умелый хозяин нужен истоку Двины. Нужен скорее, нужен сейчас, пока всё здесь находится в первозданном состоянии. Я уверен, что появление на карте России нового туристско-экскурсионного объекта даст новый толчок к развитию туризма в верховьях Западной Двины. Естественно, при условии, что местные власти проявят должный интерес к решению этой не такой простой проблемы».

Уже тогда мы предлагали «объявить весь район верховьев Западной Двины с прилегающими к нему лесными угодьями и болотами заказником или заповедником, как это уже сделано относительно истока Волги. В заповедник «Исток Западной Двины», следовало бы включить и озёра Двинец, Охват, реку Волкоту и другие верхние притоки Двины... Объявить заповедник памятником природы республиканского значения... Надо на века сохранить этот уникальный уголок средне-русской природы». В верховьях Двины имеются все необходимые условия для организации заповедного туристского хозяйства.

Я и сейчас готов подписаться под каждым из этих слов.

С того времени прошло более 25 лет. На истоке появилось архитектурное сооружение — памятная арка с трёхскатной крышей, обустроена туристская тропа, а совет народных депутатов Пеновского района ещё в 1993 г. принял решение «Об образовании государственного заповедника „Исток р. Западная Двина-Даугава“». Но в основном всё осталось по-старому в первозданном состоянии — и природа, и дорога к истоку, и озеро Двинец, и сам Верхнедвинский ручей, где рож-

дается Зап. Двина.

В беседе с нами глава Пеновского района В.В.Худяков сказал: «Мы сделали всё, что смогли, но нам нужна помощь».

Да, пеновская районная администрация много сделала за эти годы, но разве под силу одному району обустроить такой значительный памятник природы? Я бы даже поставил вопрос шире — надо взять под охрану государства не только исток и близлежащие болота, но и весь Оковский лес с тремя истоками таких знаменательных рек и объявить его заповедной территорией не только областного, но и российского масштаба. А, может быть, обратиться с предложением взять всю «оковскую» территорию под охрану ЮНЕСКО, как, например, Красную площадь или храм Василия Блаженного в Москве. Этот памятник русской природы и культуры, о котором содержатся сведения в нашей древнейшей летописи XII в., стоит того.

Конечно, для этого потребуются большие средства и много усилий.

Вот почему так важно сегодня объединиться всем вместе — и россиянам, и белоруссам, и латышам и решить, наконец, вопрос, как решили его в г. Мышкине, — создать Международное Акционерное общество «Исток Зап. Двины», куда в правление вошли бы и учёные, и краеведы, и журналисты, писатели, бизнесмены, как из России, так и из Белоруссии и Латвии — река-то общая, и она может ещё здорово поспособствовать укреплению дружеских связей между соседними народами. Этого тоже не следует забывать.

Из всех трёх оковских рек Зап. Двина — самый живописный, самый девственный уголок среднерусской природы, где можно со временем создать прекрасную заповедную зону, обустроить ещё один, наряду с Селигером, центр международного туризма в Тверской области с необходимой инфраструктурой.

А начал бы я с того, с чего начали в своё время в г. Мышкине — с организации единственного в мире международного музея истоков крупнейших рек Земного шара с фотографиями истоков этих рек, портретами их первых исследователей.

Хорошо бы, чтобы среди них мы увидели и фотографии исследователей нашей Зап. Двины — гидролога И.Ф.Штукенберга, профессора Д.Н.Анучина, краеведов Э.Э.Шимкевича и А.Д.Кольцова... И фотографии личного фотографа Николая II А.М.Прокудина-Горского. И чтобы нашлось там место и для алюминиевой капсулы, заложенной нами в основа-

приехали и представители областной администрации.

Первые годы мы каждый раз перед Волжским крестным ходом расчищали тропу, ремонтировали мостки. Работа была проделана большая...

Из рассказа А. В. Ветковского, возглавлявшего Пеновское предприятие ЖКХ.

Районная газета «Звезда»

Где находится исток

Беседа с директором
пеновского районного
краеведческого музея
А.Д. Кольцовым

Александр Дмитриевич, в последнее время стали выдвигаться различные версии о местоположении истока Западной Двины. Одни говорят, что истоком надо считать всё Корякинское болото, другие — выход реки из оз. Двинец. Ваше мнение?

Исток Зап. Двины, где сейчас воздвигнута навильон-арка, был открыт в 1986 г., изучен и изведен писателем-краеведом А. Поповым и главным редактором ж-ла «Турист» Б. Москвиным. Их большая заслуга в том, что, найдя исток великой реки, они сделали его достоянием нашего района, тверского края и России. →

ние столба Шимкевича 25 лет назад с последней запиской туристов из белорусского города Полоцка¹.

Здесь, на месте бывшей д. Корякино, можно построить целый туристский городок с музеем, гостиничными домиками, трактиром, где потчевали бы туристов русскими щами, белорусскими драниками, копчеными латышскими угрями; домом кустарей с продажей янтаря и «двинских» сувениров и даже соорудить площадку, где могли бы выступать поэты и писатели из России, Белоруссии и Латвии, проходить фольклорные фестивали, архиповские, шимкевичские и кольцовские краеведческие чтения и конференции.

Наконец, можно преобразить и озеро Двинец и островок на нём, достроить заложенную ещё в 2009 г. на острове Двинец православную часовню. Я уж не говорю об экологических тропах, о сборе грибов и ягод, о рыбной ловле в озере Двинец ... и о чистой воде, которую можно испробовать из истока.

А на другой стороне озера Двинец, откуда из него вытекает Зап. Двина, возле бывшей деревушки Двинец, где некогда стоял профессор Д. Н. Анучин и разговаривал с мужиками о местоположении истока Двины, и где сделал свой исторический снимок С. К. Прокудин-Горский, хорошо бы разбить небольшой скверик с памятником выдающемуся географу, исследователю верховьев Зап. Двины и замечательному русскому фотографу.

Главное — найти людей, которые, как Гречухин в Мышкине, возглавили бы всю эту весьма непростую работу. Кто это будет — краевед, учёный, журналист, бизнесмен, русский, булорусс, латыш — неважно. Важно

¹ В 2006 г., когда мы были на истоке вместе с андрепольским краеведом В.К.Разживиным, мы извлекли её из-под разрушенного столба. Сейчас она вместе с запиской хранится у Валерия Константиновича с надеждой, что когда-нибудь попадёт и на стенды музея Зап. Двины

другое — чтобы он любил свою реку, хотел её процветания и работал не ради прибыли и дивидендов, а ради желания сделать Зап. Двину ещё более привлекательной и интересной не только для туристов из Москвы, Твери, Белоруссии или Риги, но и из других городов и стран.

* * *

Последний раз мы посетили исток в августе 2011 года и... не узнали его. Тропа, проложенная к нему, исчезла, заваленная стволами упавших деревьев. Перила мостиков, которыми мы каждый раз любовались, бывая на истоке, рухнули, как будто тайфун пронёсся по лесу, и нам каждый раз приходилось обходить упавшие стволы и снова отыскивать тропу в лесных завалах. Прямо перед истоком мы увидели на некогда хоженной тропе выскочившую нам под ноги семейку молоденьких груздей — видно давно никто не ходил по этой дороге.

Но самое страшное нас ожидало впереди. Выйдя к болоту, мы в недоумении остановились — перед нами возвышалась не привычная навильон-арка над истоком, перед нами лежали груды рухнувших брёвен. Как будто кто-то взорвал воздвигнутый на истоке памятник, превратив его в угрюмые и мрачные развалины. Проваливаясь сквозь прогнивший настил, мы осторожно подошли к тому месту, где среди брёвен лежал поверженный, но всё ещё ярко блестящий на солнце знак нашей экспедиции на исток в 1986 г. А рядом с ним из развалин торчали таблички с приветами от рек — Волги, Торопы, Даугавы...

— Всё, — грустно сказал кто-то из нас, пропал исток, — и посмотрел на сверкающее из-под настила блюдце воды.

Сколько же времени понадобится, чтобы хотя бы восстановить этот уникальный памятник природы, поклониться которому каждый год шли

Но ведь Вы сами писали о том, что родник на месте навильон-арки начал иссякать, а росшие там береза с елью засохли и сгнили.

Да, это так, в последние годы вода там была только в начале мая, а с июня исток никак не обозначался. Но рядом с родником, открытым А. Поповым и Б. Москвиным, который мы называем «туристским истоком», находится другой родник, куда я вожу гостей и туристов, чтобы они могли набрать воды и таким образом прикоснуться к истоку великой реки. Этот родник прячется между корней берёзы и ольхи обыкновенной и находится всего в 28-ми метрах от навильон-арки («родник Кольцова». — А. П.). Он, на мой взгляд, и является истоком Зап. Двины.

Каким Вы видите будущее района истока?

Всё это место, которое мы называем истоком Зап. Двины, нуждается в обустройстве. Надо сделать так, чтобы оно стало достоянием всех россиян, создать на этой территории Национальный ландшафтный парк-заповедник «Исток Зап. Двины». Но для этого следует объединить усилия всех заинтересованных организаций не только в России, но и в Белорусии и Латвии, по территории которых протекает эта великая река.

многие паломники из России, Беларуси и Латвии. И что теперь ответить нашим гостям из Латвии и Беларуси, как им объяснить, почему мы не смогли уберечь исток нашей общей реки от обрушившейся на неё беды, почему он находится в таком плачевном состоянии? Как же мы не по хозяйски относимся к нашим национальным богатствам, к уникальным памятникам природы и нашей истории, как не умеем беречь и сохранять то, что досталось нам от Бога и предшествующих поколений.

Исток Западной Двины — одно из сокровищ, уников нашей среднерусской природы, которые надо сохранить для потомков. И делать это надо сейчас, пока есть что сохранять, пока это природное сокровище ещё не погибло под натиском современной цивилизации.

Вместе с известным пеновским краеведом, автором многих книг о Пеновском крае, Почётным гражданином района А. Д. Кольцовым мы решили, учитывая международное значение этого памятника, обратиться за помощью по его возрождению и обустройству к организации, которая, на наш взгляд, может заняться решением этого вопроса — к Русскому географическому обществу, Президентом которого, как известно, является С. К. Шойгу, а Попечительский совет возглавляет В. В. Путин.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемый Сергей Кужугетович!

К Вам обращаются краеведы Пеновского района Тверской области за помощью в возрождении и обустройстве одной из величайших рек Европейской России — р. Западной Двины, чей исток расположен на территории Пеновского района Тверской области. В отличие от Днепра и Волги, ее исток ныне находится в плачевном состоянии: зимой 2010—2011гг. обрушился деревянный памятник с трехсводчатой аркой, напоминающей о том, что эта река протекает по территории трех государств: России, Беларуси и Латвии (Даугава). Деревянный настил прогнил, рухнули мостки, ведущие к истоку, тропа оказалась заваленной деревьями и стала непроходимой. Исток знаменитой реки оказался недоступен для многочисленных туристов и паломников из России, Беларуси и Латвии.

В 1993г. Пеновским районным советом народных депутатов было принято постановление «Об образовании Государственного ландшафтного заповедника «Исток Западной Двины», в 2001 г. на истоке силами пеновских энтузиастов воздвигнута деревянная арка-павильон (ныне совершенно разрушенная). Однако сил пеновской администрации оказалось недостаточно для обустройства и обслуживания такого значительного памятника природы, который имеет не только общероссийское, но и международное значение.

Именно потому, что столь знаменательный памятник носит статус государственного и обладает огромным политическим и воспитательным воздействием, способствует укреплению связей с соседними государствами — Беларусью и Латвией, мы и просим помочь общественности и местным органам власти в возрождении и обустройстве этого уникального

«Дорога» на исток. Фото августа 2011 г.

природного объекта, что имело бы серьезное значение для развития местного и международного туризма, создания, наряду с Селигером, еще одного туристского международного центра в Тверской области.

Учитывая вышесказанное, мы считали бы целесообразным и необходимым:

1. Создать в районе истока Национальный природный парк-заповедник «Исток Западной Двины» с объявлением всей территории истока с окружающими болотами и озером Двинец с островом на нем заповедной территорией.
2. Объявить исток природным памятником всероссийского значения с возможным включением в список особо значимых объектов природы и культуры по линии ЮНЕСКО.
3. Для финансирования работ по благоустройству истока создать международный Фонд восстановления и обустройства «Исток Западной Двины» с привлечением как государственных, так и частных (благотворительных и спонсорских) средств не только из России, но и из Беларуси и Латвии, по территории которых протекает река Западная Двина. Пригласить к участию в этом фонде ученых, краеведов, бизнесменов, представителей церкви указанных государств, создав для контроля над ходом восстановления и обустройства истока Попечительский совет.

Были бы рады видеть во главе этого совета Вас, Владимир Владимирович, или Президента РГО Сергея Кужугетовича Шойгу.

Если Вы поддержите наши предложения, было бы желательно на Вашем уровне обратиться к руководителям соответствующих структур заинтересованных стран для обсуждения данного вопроса.

Мы очень надеемся на Вашу помощь и содействие в спасении и благоустройстве одного из самых значительных, но до сих пор обделенных вниманием памятников природы поистине европейского значения.

Как сказал академик Н. Я. Озерцовский, побывавший на истоке Волги в 1814г.: «Исток столь знаменитой реки должен быть уважен». Это в полной мере относится и к другой такой же знаменитой реке — Западной Двине. Но это произойдет только тогда, когда у истока Зап. Двины наконец-то появится любящий нашу реку настоящий рачительный хозяин.

С уважением

Кольцов Александр Дмитриевич, директор Пеновского районного краеведческого музея, автор многих краеведческих книг о родном крае, почетный гражданин Пеновского района

Попов Алексей Сергеевич, писатель, краевед, член Русского географического общества, научный руководитель экспедиции журнала «Турист» на исток Зап. Двины 1986 г., определившей место расположения истока Зап. Двины, автор книги «Загадка Янтарной реки» (1989) об этой экспедиции.

Это письмо мы направили в Русское географическое общество в августе 2011 г., в начале декабря получили ответ от исполнительного директора общества Л. Е. Овчинниковой, что «наш проект, безусловно, заслуживает внимания», но начинать надо с обращения в тверское региональное отделение общества.

Я сказал моему соавтору, что нам надо подготовить папку для переписки с другими официальными организациями и запастись терпением: в наше время легче найти деньги на проведение «нашинского» форума на Селигере, чем на возрождение такого уникального памятника природы, как исток Западной Двины.

Таким был исток совсем недавно.
Фото 2009 г.

Так он выглядел после зимы 2010—2011 гг.
Фото август 2011 г.

* * *

Меня иногда упрекают в излишнем идеализме и романтизме. Нынешнее время вроде не располагает к романтике: «Ну кому интересен ваш исток, что у нас в стране нет других, более важных дел?»

А что — лучше сидеть на заваulinке, критиковать во всём Москву, федеральную и местную власти, сетовать на трудности, безнадежно разводить руками и при этом сквозь распахнутое настежь окно своего загородного дома смотреть, как среди этого сказочного природного великолепия вымирают целые деревни, а поля зарастают кустарником и лесом?

Или вслед за мышкинскими романтиками и идеалистами взяться за возрождение хотя бы этого маленького кусочка родной земли, своей малой Родины и попытаться вернуть его к жизни, сделать по-

лезным себе и людям?

Что лучше?

Под лежащий камень, как говорится, вода не течёт. И вряд ли мы увидим фонтаны воды, бьющие из волшебного истока Зап. Двины, если уже сейчас, сегодня, не откладывая дел в долгий ящик, не приложим к нему свои руки, не сохраним для потомков.

Каждый год в дни крестного хода на берегу оз. Двинец совершается чин малого водосвя-
тия озера и р. Западная Двина. Фото М. Ильюшонка

* * *

Так будет ли когда-нибудь разгадана загадка Янтарной реки?

Для нас — тех, кто побывал на истоке в 1985—1986 гг., и тех, кто участвовал в последней экспедиции 2011 г., здесь уже нет ничего загадочного.

Но окончательная разгадка тайны Янтарной реки зависит не только от нас. Надо ещё убедить в этом других, надо, чтобы наконец-то к общему консенсусу пришли все, кто заинтересован в настоящем и будущем истока — краеведы, учёные, местные и федеральные власти, представители бизнеса, которые тоже, надеюсь, захотят принять участие в возрождении и обустройстве истока.

Поэтому на поставленный вопрос я бы ответил так:

Будет, обязательно будет, но только тогда, когда у Зап. Двины наконец-то появится настоящий хозяин.

Когда решением этого вопроса вплотную займутся федеральные и региональные власти.

Когда мы восстановим и обустроим повергнутый исток и приступим к созданию в этих местах национального природно-ландшафтного парка-заповедника.

Когда на территории бывшей д. Корякино начнётся сооружение международного центра туризма совместно с белорусскими и латышскими коллегами.

Когда на острове озера Двинец будет возведена православная часовня, заложенная ещё в 2009 г.

Когда исток столь знаменитой реки будет наконец-то «уважен».

Вот тогда и будет поставлена последняя точка в растянувшихся на три столетия поисках истока, полных надежд, разочарований, споров и открытий.

Вот тогда, наконец, и будет окончательно разгадана загадка этой таинственной и такой прекрасной реки, имя которой — Западная Двина.

Стихотворения о Зап. Двине

Михаил Ильюшонок

Чудотворный родничок

*На Тверских просторах дальних
В глубине сплошных лесов
Уголок Руси кристальный
Создан волею Богов.*

*Молвят: «До него добраться
Даже пешем не легко».
За дремучими лесами
Затерялся далеко...*

*Там искрится тонкой стружкой
Чудотворный ручеёк,
Родничок реки великой,
Пресвятой Двины исток.*

*Что в былинах и преданьях,
Сказах мудрой старины,
Отражения зеркальных,
Вешних вод родной Двины...*

Поэт, автор и исполнитель бардовских песен.
г. Андреаполь Тверской обл.

Дмитрий Попов

Здесь родилась Россия

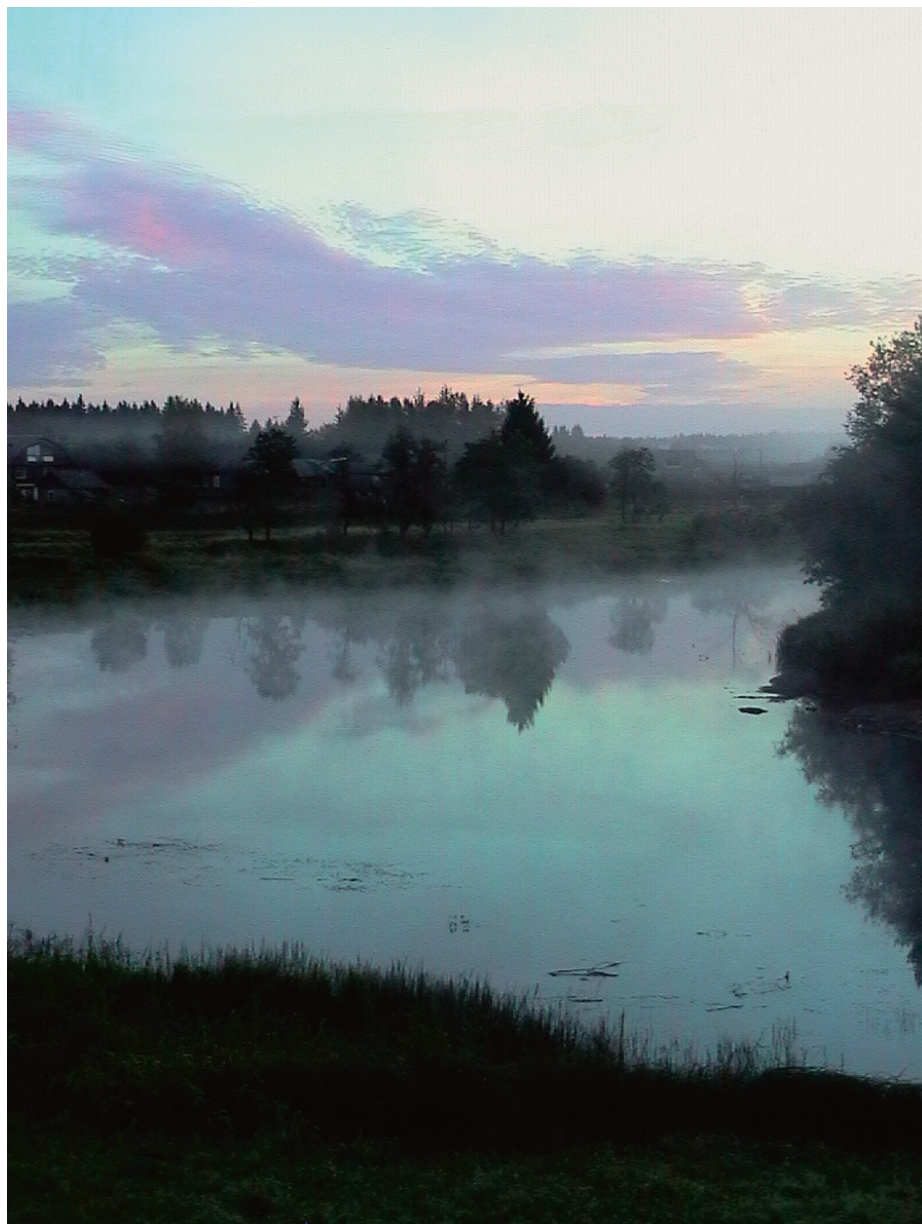
*Снег глубокий и синий.
Необъятный покой.
Здесь родилась Россия
За притихшей Двиной.*

*Ветер дует с востока,
Шелестит стариной.
Бурь проносится много
Над Россией родной.*

*Беспредельны страданья
Опустевшей земли,
Лучших лет ожиданья,
Упованья мои.*

*Снег лучистый и синий.
Неоглядны поля.
Здесь родилась Россия.
Здесь родился и я.*

Участник экспедиции на исток Зап. Двины
в 2011 г.

Книги А. Попова о Тверском крае

«В поисках Дивьего камня».— М.,: Московский рабочий, 1981.— 144 с.

Краеведческие очерки о тверском крае: путешествие на «вершину» Волги; по следам летописного Игнач-креста; поиски тверской усадьбы Ф. Н. Глинки; таинственные камни в районе Селигера.

«Загадка Янтарной реки». 1-ое изд.— М.,: Профиздат, 1989.— 256 с.

Очерки об экспедиции 1986 г. на исток Зап. Двины; нелёгкие судьбы черноземной деревни; где находится исток Зап. Двины.

«Дорога к истоку».— Тверь,: Инико, 2009.— 464 с.

Путевые очерки о верховьях Зап. Двины: поиск истока р. Волкоты; откуда пошли названия деревень; где находится летописный городок Буец; есть ли будущее у деревни?

«Загадка Янтарной реки». 2-ое изд.— Тверь,: Инико,— 2012.— 272 с.

Краеведческое путешествие на исток Зап. Двины в 2011 г. Какие изменения произошли на истоке за последние 25 лет. Новые данные, сведения, находки, фотографии и спутниковые карты района. «Исток столь знаменитой реки должен быть уважен».

Отзывы на книги «Дорога к истоку» и «Загадка Янтарной реки» (2-ое изд.) можно направлять по адресу:

e-mail: serpopovser@mail.ru

или

по тел.: +7—916—833—01—73

С. Попову

Содержание

Потерянные годы. Предисловие ко второму изданию	5
Где начинается Западная Двина? <i>Белое пятно на географической карте</i>	17
Легенды о Янтарной реке. <i>Откуда произошло название реки?</i>	26
Городок на Андреевом поле. <i>Первый город в верховьях Зап. Двины</i>	35
Краевед Шимкевич. <i>Краеведческие университеты школьного учителя истории</i>	43
Хранители памяти. <i>Зачем нужны краеведы?</i>	53
Курган у деревни Курово. <i>Подвиг старшего лейтенанта Г. Половчени</i>	64
Оковский лес. <i>«Двина из того же леса потечеть...»</i>	73
Двинские пороги. <i>«Ребята, — крикнул кормщик. — Молись Богу, держись!»</i>	83
«Роспись» стольника Цызырева. <i>«Река Двина вышла из Заковицкого леса»</i>	91
Волкота. <i>Мертвая деревня</i>	99
Озеро Охват. <i>Колыбель Зап. Двины</i>	107
Лауга. <i>Встреча на дороге</i>	114
Корякинское болото. <i>Михаил Пришвин: «По болотам я ходил с чувством стран неоткрытых»</i>	126
Экспедиция профессора Анучина. <i>«Так это и есть исток Двины? — Спросил Анучин у местного старика. Тот только покачал головой»</i>	134
Таинственный незнакомец. <i>Столб Шимкевича</i>	149
Пено. <i>К поискам подключается журнал «Турист»</i>	157
Возвращение на озеро Двинец. <i>Экспедиция отправляется в путь</i>	163
Беспокойная память детства. <i>«Без краеведения мы бессильны»</i>	172
Береста на память. <i>Памятный знак на истоке Зап. Двины</i>	181
Исток Двины найден. <i>Свидетельство гидролога Штукенберга</i>	188
Уникальный памятник природы. <i>«Это такой же уникум, как картины Рафаэля»</i>	202
Истоку нужен хозяин. <i>Почему мы не используем эти природные богатства, доставшиеся нам от Бога?</i>	213
Время собирать камни. <i>Академик Д. С. Лихачев: «Я верю в силу... краеведения»</i>	221
Будет ли разгадана загадка Янтарной реки? Послесловие ко второму изданию	229
<i>Стихотворения о Зап. Двине</i>	266

Алексей Сергеевич Попов
ЗАГАДКА ЯНТАРНОЙ РЕКИ.
Краеведческое путешествие
на исток Западной Двины
(2-ое издание, 2012 г.)

Отв. редактор С. Попов
Компьютерный набор Е. Попов
Оригинал-макет Е. Попов

Сдано в набор 01.01.2012
Подписано в печать 22.05.2012
Формат 60x90 1/16
Гарнитура «Newton»
Печать офсетная

ИСТО

• Е